

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА

В НОВОЕ И
НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ

Москва
1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Центральная Европа в новое и новейшее время

(Сборник к 70-летию Т.М. Исламова)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А.С. Стыкалин

Москва
1998

Вопрос о месте центральноевропейского региона, его границах и исторически обусловленных характерных чертах широко дискутируется в последние десятилетия как в научной литературе, так и в публицистике Венгрии, Чехии, Польши и других стран. С конца 1980-х годов эти дискуссии неотделимы от осмысления собственного исторического наследия и поисков новой идентичности в странах, по итогам второй мировой войны отнесенных к советской сфере влияния и прошедших через полосу социалистических экспериментов. Историки России, Австрии и Венгрии, предлагая вниманию читателя сборник статей, сконцентрированных на ключевых моментах центральноевропейской истории нового и новейшего времени, пытаются внести свой вклад в изучение специфики региона.

Издание выполнено при финансовой поддержке Культурного, научного и информационного центра Венгрии в Москве (директор Р. Майор) и Российского культурного центра в Будапеште (директор Г.Б. Вышинский)

Редакционная коллегия:
А.И. Миллер, С.А. Романенко,
В.И. Фрейдзон, О.В. Хаванова

Рецензенты:
кандидат исторических наук **И.В. Попова**
кандидат исторических наук **Л.И. Жила**

ISBN 5-7576-0061-6

© Институт славяноведения РАН,
1998

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ Т. М. ИСЛАМОВА

1 мая 1997 г. исполняется семьдесят лет Тофику Муслим-оглы (Муслимовичу) Исламову, известному российскому историку, доктору исторических наук, заведующему Центром по истории Австрии и Венгрии Института славяноведения и балканистики РАН.

Тофик Муслим-оглы родился в 1927 г. в г. Баку. Сначала он поступил на исторический факультет Азербайджанского университета. В числе отличившихся студентов был послан в ЛГУ, а затем перевелся в МГУ.

Судьба подарила Т. М. Исламову замечательных учителей. В Ленинградском университете это были Н. П. Полетика, Е. В. Тарле, О. Л. Вайнштейн. На истфаке МГУ он слушал лекции и участвовал в семинарах А. С. Иерусалимского, Б. Ф. Поршнев, Н. Е. Застенкера, Е. В. Тарле. Позднее, уже во время работы в Институте истории АН СССР, ему довелось сотрудничать и дружить с замечательными знатоками истории Австрии В. М. Туроком-Поповым и истории Польши — И. С. Миллером.

Научная судьба Т. М. Исламова сложилась удачно. Поступив в аспирантуру Института истории АН СССР, где его научным руководителем была Е. Н. Рубинштейн, он стал заниматься историей Венгрии. Обе его диссертации — кандидатская и докторская — вышли отдельными монографиями — «Политическая борьба в Венгрии в начале XX века» (1959) и «Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны» (1972).

Трудно переоценить его вклад в написание таких коллективных трудов, как «История Венгрии» (в 3-х т.), «Освободительные движения народов Австрийской империи (в 2-х т.), «Краткая история Венгрии», «История Румынии» (в 2-х т.) и других.

Дарование Т. М. Исламова как ученого проявилось в самостоятельном, оригинальном и по тем временам (50–70-е годы) смелом подходе к сложнейшим проблемам истории Австро-Венгрии как многонационального государства. Он сумел показать противоречивость исторического процесса, проявившуюся в политических, социальных, экономических, этнических и иных сферах. Исследователю удалось исподволь преодолеть жесткую идеологическую формулу тех лет, предписывавшую рассматривать монархию Габсбургов только как «тюрьму народов» и замалчивать (если речь шла не о Российской империи или СССР) достоинства и выгоды сосуществования десятка народов в одном государстве в течение нескольких столетий.

Естественно обращение в дальнейшем Т. М. Исламова к двум концептуально важным, сложным, дискуссионным и тесно связанным между собой проблемам — проблеме Средней Европы как исторического региона и проблеме вариантности исторического развития. В историческом регионе Средней Европы с течением времени создалась историческая многонациональная общность. В регионализме и федерализме ученый видит сегодня историческую возможность избежать кровавых конфликтов, что явилось бы альтернативой нынешнему развитию межнациональных и межгосударственных отношений в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе.

Это касается и распада монархии Габсбургов, и судеб государств — ее наследников — Югославии, Чехословакии, впоследствии также распавшихся на несколько независимых национальных государств. По его мнению, особую роль в судьбе Австро-Венгрии сыграло то, что она не смогла решить три национальные проблемы — венгерскую, чешскую и югославянскую.

Для исследовательского стиля Т. М. Исламова характерны концептуальность, глубокое и всестороннее изучение источников, научно корректные интереснейшие временные и пространственные сопоставления. Его литературный стиль отличают яркость, метафоричность и изящество в сочетании с безукоризненной логикой исследования.

В последнее время Т. М. Исламов большое внимание уделяет истории восстания 1956 г. в Венгрии и его подавления. Под его руководством готовится наиболее полная публикация документов «Советский Союз и восстание 1956 г. в Венгрии», включающая материалы советских архивов, до недавнего времени недоступные для историков. Она осуществляется по решению Комиссии историков России и Венгрии. Основная масса впервые публикуемых источников из ЦХСД, Президентского архива, АВПр РФ и других представляет собой внутреннюю служебную переписку. Значение этой работы трудно переоценить, поскольку без досконального изучения роли СССР в венгерских событиях невозможно понять их причины, характер и последствия.

Т. М. Исламову удалось не только создать и сохранить Центр по изучению истории Австрии и Венгрии как организационную единицу, но и гармонично объединить в нем интересы имеющих различные устремления ученых — специалистов по разным странам и историческим периодам. В Центре царит особая творческая атмосфера свободного научного исследования, профессионального отношения к делу и благожелательности друг к другу.

Тофик Муслимович никогда не отказывает в поддержке талантливым коллегам, всячески подчеркивает достижения других — качество, редкое во все времена. Не произнося «воспитательных» речей, не подавляя своим авторитетом и не призывая на помощь «доводы» формальной дисциплины, он просто увлеченно работает. Он не принуждает, но побуждает других работать с такой же самоотдачей и требовательностью к себе. Новое поколение историков, которые пришли работать в Центр, он учит раздвигать рамки своей узкой специализации и смотреть на исторический процесс в целом, без модернизаторства и схематизма искать корни и причины современных событий в далеком и не очень далеком прошлом.

Комиссия историков России и Венгрии — особая забота и гордость юбиляра, являющегося многолетним вдохновителем ее деятельности. Он не ограничивается собственно историей — Т. М. Исламова можно назвать координатором связей в области гуманитарных наук СССР (России) и Венгрии. В рамках Комиссии ему довелось работать с академиками и членами-корреспондентами АН — востоковедом А. А. Губером, этнологом Ю. В. Бромлеем, археологом А. П. Окладниковым, византинистом З. В. Удальцовой, специалистом по истории России А. П. Новосельцевым. За тридцать лет существования Комиссии на совместное обсуждение ученых двух стран было вынесено множество проблем — от раннего средневековья до событий последних лет. Эта сторона деятельности Т. М. Исламова была по достоинству оценена — он был награжден одним из высших орденов Венгрии — Орденом Знамени.

Т. М. Исламов получил широкое признание в научном мире Европы и Америки. Это выражается не только в том, что его приглашают сотрудничать крупнейшие исследовательские центры Австрии, Венгрии и США, не только в том, что во многих странах охотно печатают его статьи. Коллеги его уважают и ценят как разносторонне эрудированного и остроумного собеседника, общительного человека, всегда открытого к диалогу и уважающего точку зрения другого.

Говорят, что только человек, стремящийся к истине, достоин имени ученого. Т. М. Исламов всегда неутомим в поисках научной истины, полагая, что предназначение ученого — говорить всегда и всем только правду.

В. И. Фрейдзон, С. А. Романенко

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА КАК РЕГИОН. ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Значительные изменения, произошедшие в Европе за последнее десятилетие, заставляют отечественных историков взглянуть по-новому на многие устоявшиеся в нашей науке определения. Нуждается среди прочего в переосмыслении содержание понятия «Восточная Европа». Раздел континента на сферы влияния сверхдержав по итогам второй мировой войны, установление биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений, затушевав региональную специфику Центральной Европы и Балкан, выдвинули на первый план именно эту дефиницию с присущей ей ярко выраженной политической окраской. С крушением послевоенной системы гораздо отчетливее обозначились исторически сложившиеся существенные различия между странами, относившимися к распавшемуся советскому блоку¹. Но разделение Европы на регионы никогда не носило абсолютного характера, представления о конкретном содержании и границах того или иного региона менялись с течением времени. Особенно много споров неизменно вызывало определение центральноевропейского региона, границы которого всегда были наиболее приблизительными и размытыми.

В Польше, Чехословакии, Венгрии, а также в двух республиках Югославии — Хорватии и Словении даже в периоды наиболее подчеркнутого следования коммунистических властей советским образцам и моделям интеллигенция не переставала осознавать принадлежности своих стран к среднеевропейскому культурному ареалу. Поиски региональной идентичности занимали видное место в диссидентской общественной мысли, особенно в 1970-е годы (например, в эссеистике М. Кундеры, Я. Паточки в Чехии, И. Бибо в Венгрии и т. д.). Упор, естественно, делался на выявление черт, отличающих среднеевропейский путь развития от восточноевропейского, т. е. российского.

С распадом системы социализма очевидная политическая сверхзадача подобных идейных построений почти утратила (или, во всяком случае, должна была утратить) свою прежнюю актуальность. Более того, как очень тонко заметил российский исследователь

А. И. Миллер, «стремление слиться с Западом превращает само сохранение центральноевропейской специфики... в признак неудачи», а восприятие региона как восточного бастиона европейской цивилизации и своего рода санитарного кордона делает его «заложником отношений между Западом и Россией и по-новому воспроизводит извечный центральноевропейский кошмар сдавленности»². Но как бы там ни было, региональная специфика существует, и самое время взглянуть на нее без прежней идеологической нагрузки.

Однако, и при аполитичном, сугубо культурологическом подходе к своеобразию региона исследователей подстерегают немалые сложности. Так, в некоторых концепциях по сей день воспроизводится восходящий к XIX в. тезис о Центральной Европе как мосте между Востоком и Западом. Но интересно, что Т. Г. Масарик писал еще в 1895 г.: «Не могу не упомянуть о теории, которую у нас без конца провозглашают в качестве непререкаемой истины: будто мы, чехи, призваны быть посредниками между Западом и Востоком. Это утверждение вообще лишено содержания». «Де-факто, — продолжал он, — нет никакой посреднической роли вообще... Русские, к примеру, всегда более тесно и прямо были связаны с немцами и французами, также как и эти нации если что и брали от русских, то брали непосредственно»³. Если так было в XIX в., то о какой посреднической роли в этом смысле можно говорить в век спутниковой связи и компьютерных технологий?

Тем не менее региональная специфика существует, и касается она не только отношений с внешним миром, в частности, расположенными к Западу и Востоку великими державами, Германией и Россией, между которыми и в прошлом, и в настоящем приходилось и приходится балансировать, но и традиций совместного проживания большого числа народов на определенной географической территории, где сами границы этносов всегда носили довольно размытый характер.

Несомненно, что в Центральной (Средней) Европе⁴ главным регионообразующим фактором было многонациональное государственное образование — Австрийская империя, с 1867 г. Австро-Венгерская монархия. По справедливому замечанию Т. М. Исламова, «Среднюю Европу на протяжении ее бурной истории могучими порывами кидало от берега к берегу до тех пор, пока утвердившаяся здесь новая средневропейская империя не стабилизировала междунаrodnно-правовой статус региона и его положение в отношении к соседним регионам»⁵. Роль династии Габсбургов в этом смысле трудно переоценить. Как пишет британский историк Э. Тэйлор, «в истории других стран династии обычно представляют собой эпизод

в истории народа; в Габсбургской империи народы являются фактором, осложняющим историю династии... Ни одна династия не существовала так долго и не оставила такой глубокий след в Европе: Габсбурги были величайшей династией современной истории, и история Средней Европы вращалась вокруг них, а не наоборот»⁶. Добавим к этому, что даже в эпоху подъема немецкого национализма в XIX в. Габсбурги никогда не идентифицировали себя только с немецкой нацией, и проявления германизации в их внутренней политике были связаны прежде всего со стремлением рационализировать государственный механизм и субъективно почти не носили националистического оттенка.

Произошедший в последние годы крах целого ряда полиэтничных государственных образований — СССР, Югославии, Чехословакии — лишний раз обратил внимание политологов и историков на сам феномен многонационального государства. Наш уходящий XX век в целом прошел под знаком мононациональной государственности. Не только реальность современной Восточной и Центральной Европы дает мало оснований для оптимизма в отношении полиэтничных конструкций. В пользу их жизнеспособности не всегда однозначно свидетельствует и опыт западных стран. Ведь и в Канаде квебекский сепаратизм по сей день дает знать о себе, угрожа сохранению единого государства, и в Бельгии отношения фламандцев и валлонцев далеки от идиллических, и в Британии, где давно удалось разрешить шотландский вопрос, столь же явное фиаско потерпела в нашем столетии задача интеграции в рамках Соединенного королевства ирландского меньшинства. Что же касается США, то адаптация, «американизация» инонациональных элементов, хотя и относительно безболезненная, достигается там, как правило, ценой утраты национальной идентичности иммигрантов если не во втором, то уж, во всяком случае, в третьем поколении. Пожалуй, только Швейцария представляет собой совершенную модель межнационального государственного образования, но ведь история его насчитывает как-никак пять столетий. Но означает ли все это, что любые поиски новых форм межнационального государственного объединения заранее обречены на провал, и это в наше-то время, когда интеграция все более становится насущной необходимостью, условием дальнейшего прогресса?

В странах Центральной Европы любые размышления на тему о путях и формах межнациональной интеграции не могут не отталкиваться от исторического опыта Австро-Венгрии. Ведь каждое из государств, составляющих регион или примыкающих к нему (Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Польша, Румыния, Хорватия, Сло-

вения, Югославия в ее современных границах и даже Украина), в той или иной мере является преемником монархии Габсбургов, переставшей существовать еще в 1918 г., но оставившей во многом уникальное историческое наследие, которое долго еще будут использовать те, кто занят поисками путей разрешения национальных проблем.

Со школьных лет всем нам памятен ленинский образ «тюрьмы народов». И сегодня попытки реанимировать его можно встретить в научной литературе. «Создание в 1867 г. двуединой Австро-Венгрии было лишь продолжением той же постоянной войны Габсбургов с поработанными народами. Не будучи в состоянии справиться с растущим национально-освободительным движением, австрийские правители переложили часть этих „забот“ на Венгрию, выделив ее из других подвластных себе стран... Австрия, а потом Австро-Венгрия была и оставалась „тюрьмой народов“ и тем самым вынесла себе смертный приговор», — читаем в серьезной научной работе, опубликованной в 1989 г.⁷ Да, отношения народов в монархии Габсбургов исторически складывались очень не просто. Но стоит нам сопоставить сегодняшнее положение в регионе с ситуацией начала века, сравнение во многих отношениях оказывается скорее в пользу Австро-Венгрии. Непрерывающиеся венгеро-румынские и венгеро-словацкие трения, а тем более напоминающие самые мрачные страницы средневековой истории этнические чистки в бывшей Югославии — все это не только заостряет вопрос о глубоких исторических корнях современных национальных противоречий, но и способствует известным проявлениям ностальгии по Австро-Венгерской монархии и ее императору Францу Иосифу, семь десятилетий пребывания которого на венском троне (1848–1916) хотя и не развязали многих сложных узлов во взаимоотношениях этносов, составлявших многонациональную дунайскую державу, но все же не были отмечены столь драматическими эксцессами, какие мы наблюдали вплоть до самого последнего времени.

Здесь, однако, очень легко впасть в другую крайность, образ «тюрьмы народов» заменить не менее односторонним — «дружной семьи». Не только публицисты, но и многие ученые в разных странах не избегают сейчас соблазна противопоставить современной дезориентированной Центральной Европе монархию Габсбургов в качестве некоего образца и ориентира при разрешении национальных противоречий. Из эпохи Франца Иосифа, пишет Т. М. Исламов, «изымаются и 1848–1849 гг., и первая мировая война. Так, в памяти нескольких поколений австрийцев, да и не только одних австрийских „его подданных“, но и венгерских и других, остался образ

благообразного старого господина с седой раздвоенной бородой. Увековечению и популяризации этого „имиджа“ по-своему способствовал Йозеф Швейк с его добродушными шутками над облепленным мухами портретом старого императора, висящего на видном месте в зале пражского трактира. Впечатление о „благополучном царствовании“ Франца Иосифа и добром императоре еще больше усилили обрушившиеся на народы бывшей его империи бедствия, связанные с фашизмом и второй мировой войной»⁸. Таким образом, некоторые новые интерпретации, даже если и видеть в них закономерную реакцию на прежнюю тенденциозность, также рискуют исказить историческую реальность односторонним подчеркиванием позитивных и игнорированием негативных сторон в истории многонационального государства.

Собственно говоря, обращение к Австро-Венгрии как к примеру и позитивной модели наднациональной государственной организации полиэтнического общества не только является продуктом сравнительно недавнего времени, но стало вызовом многолетней традиции. У нас в России в создание образа «тюрьмы народов» внесли свою лепту отнюдь не только марксисты. Т. М. Исламов справедливо обращал внимание на то, что негативное отношение к юго-западному соседу было характерно едва ли не для всей дореволюционной отечественной историографии, поскольку «империя Габсбургов воспринималась в первую очередь как исторический противник России, как главная ее соперница на Балканах, к тому же „незаконно“ властвовавшая над славянскими народами Средней Европы — потенциальными проводниками русского влияния в регионе»⁹. Причем российская историография, как опять же показывал в своих работах Т. М. Исламов, в ее отрицательных оценках дунайской монархии не составляла исключения. Образ «обветшалого царства, обреченного на гниение и распад», доминировал в начале XX в. в публицистике и общественном мнении всех враждующих с Германией держав Антанты, а с началом первой мировой войны планомерная кампания по дискредитации Австро-Венгерской монархии набрала полную силу. Некоторое исключение составляли США: озабоченный в то время своими собственными проблемами и не проявлявший большого интереса к европейским территориальным спорам Новый свет оставался безучастным к страстям, кипевшим вокруг монархии Габсбургов. В силу этого там сохранялся иммунитет против предубеждений и предрассудков европейских союзников, что, кстати сказать, стимулировало и развитие научного знания — в США сложилась сильная школа по истории Австро-Венгрии¹⁰.

Сегодня большинство историков сходится в том, что прежние, остро негативные суждения о монархии Габсбургов как «тюрьме народов» упускали из виду ее позитивный опыт в обеспечении полноценного экономического и культурного развития некоторых из населявших ее наций. Как, в самом деле, можно оценить тот факт, что завоевав независимость лишь в 1918 г., Чехословакия сразу же вошла в первую десятку наиболее развитых стран мира? При том, что экономическое процветание чешских земель было прежде всего результатом стихийного развития капитализма, а не целенаправленной государственной политики, важно заметить, что габсбургские рамки отнюдь не стали препятствием на пути промышленного подъема. Не менее показательно, что формировавшаяся при отсутствии собственной государственности, в рамках Австро-Венгерской монархии, чешская буржуазная нация стала в 1920–1930-е годы при президентстве Т. Г. Масарика носителем одной из наиболее совершенных форм демократии в межвоенной Европе.

Нельзя забывать и о том, что вплоть до начала первой мировой войны большинство идеологов национальных движений Австро-Венгрии, включая того же Масарика, хотя и не было удовлетворено положением своих народов, всё же искало пути разрешения национальной проблемы в рамках дуалистической монархии, не выступало за ее разрушение. Какие бы сильные межнациональные противоречия ни раздирали империю, сохранение ее при наличии сильных соседей на западной и восточной границах было для многих населявших ее народов поистине вопросом жизни и смерти. Так, теоретик австрославизма чешский мыслитель Ф. Палацкий еще в середине XIX в. писал об Австрии как о «европейской необходимости» в силу того, что малые нации, стиснутые между Пруссией (затем Германией) и Россией, только объединившись могут удовлетворить свои национальные чаяния и одновременно обеспечить стабильность в регионе. Идеи дунайской федерации, с которыми выступал, в частности, лидер венгерской революции 1848 г. Л. Кошут, страдали явным утопизмом, тогда как монархия Габсбургов существовала реально, при всем своем несовершенстве внушая многим современникам надежды на возможность реформирования.

Эти надежды оказались неосуществимыми. Имперская идея, лежащая в основе австрийской (а с 1867 г. австро-венгерской) государственности, в силу самой своей природы отчаянно сопротивлялась федерализации. Ведь, по справедливому замечанию американского историка С. Вэнка, «имперская идеология Габсбургов была явственно наднациональна, но она коренилась больше в феодальных и династических койцепциях, чем в современных идеях интер-

национальной организации, основанной на независимых и автономных национальных составляющих»¹¹. Изначально легитимировав свою власть над народами региона как держатели средневековой короны Священной Римской империи, Габсбурги к середине XIX в. вопреки собственным усилиям все более воспринимались своими разноязычными подданными как династия, представлявшая интересы австрийских немцев. Перед лицом пробуждающихся национальных элит им все труднее было обосновывать свое право на наднациональную власть. Так что «наднациональная идеология Габсбургской династии мало что давала развитию объединяющей идеи, которая могла бы согласовать частные национальные лояльности с лояльностью наднациональному политическому целому»¹².

Как правильно замечает тот же С. Вэнк, к концу XIX в. «роль великой державы была единственным оправданием существования империи Габсбургов»; у нее, «помимо поддержки имперских амбиций и военной мощи, позволяющей выжить на международной арене, никакой целостной государственной идеи не было»¹³. Таким образом, существовавшая форма правления приносила народам монархии прежде всего внешнеполитические выгоды, ограждая страну от внешней агрессии. Между тем засилье центробежных начал в политической жизни многонациональной Австро-Венгрии, неэффективность ее государственного механизма все менее позволяли ей выступать на международной арене на равных с другими державами, приводили к подчиненному положению в отношениях с Германией. Во время первой мировой войны когда-то могущественная империя была низведена до роли беспомощного сателлита, она оказалась в ситуации, когда не только поражение Германии, но и ее победа, дальнейшее усиление мощи означало бы для Австро-Венгрии политический проигрыш.

Война, конечно, ускорила крах Австро-Венгрии, однако главные предпосылки ее распада были заложены не вовне империи, а внутри нее. Консервативная политическая система оказалась неспособна дать соответствующий требованиям времени ответ на вызовы национализма. В стремлении сохранить свои владения Габсбурги были вынуждены идти на компромиссы с национальными движениями, децентрализацию власти. Но соглашение 1867 г. с Венгрией также «не стало волшебной палочкой, по мановению которой в монархии Габсбургов воцарились бы спокойствие и гармония»¹⁴. Оно дало империи иллюзию стабильности на ряд десятилетий, но лишь ценой отчуждения славянских народов, составлявших более половины населения монархии, а также блокирования всех последующих усилий реформировать политическую систему¹⁵.

Компромисс оказался в конечном счете неудачным, ибо не решил жизненно важный вопрос согласования интересов империи с интересами наций. Лидеры всех национальных движений, кроме венгерского (и отчасти хорватского, а также польского в Галиции), остались не удовлетворены степенью своего участия в государственном управлении. Жесткий курс Будапешта в отношении меньшинств восточной половины монархии не только составил новое препятствие на пути превращения дунайской державы в «дружную семью» этносов, но и дал дурной пример другим народам, которые после приобретения независимости стали поступать по отношению к собственным меньшинствам так же, как прежде поступали по отношению к ним (достаточно вспомнить о политике угнетения венгров в Румынии).

В западной половине монархии, управляемой из Вены, где свободы и либерализма было больше, чем в Венгерском королевстве, особенно явно усиливались центробежные тенденции, происходил упадок имперского центра, власть все более перемещалась на периферию, к национальным политическим силам в Праге, Кракове, Львове. Венский двор становился все более беспомощным перед ними, его усилия в противостоянии им приводили к еще большей разбалансированности государственного механизма. В последние годы правления Франца Иосифа «любовь народа к особе императора» оставалась, по мнению некоторых современников, единственным, что поддерживало целостность монархии¹⁶. Даже начавшаяся война, неизменно способствующая сплочению подданных любого, в том числе и многонационального государства, не смогла поставить преград на пути нарастания центробежных тенденций. Кто знает, не будь военного поражения, сохранился бы для многонациональной империи, все же продемонстрировавшей в мирное время некоторые свидетельства модернизационной мобильности в области экономики, хоть какой-то шанс реформаторского обновления? И смогла бы последовательная демократизация обуздать национализм?

Таким образом, опыт монархии Габсбургов оставил нам отнюдь не только позитивные уроки в области разрешения этнических конфликтов или создания наднационального государства. Скорее напротив, он показывает нам, чего следует избегать, особенно в сфере политики. Но нельзя забывать и о другом. В 1920-е годы в состоянии эйфории, связанной с торжеством национальной государственности, лидеры стран Центральной Европы не учли, что монархии Габсбургов «надо было найти какую-нибудь замену, раз уж она должна была исчезнуть»¹⁷. Мертворожденная Малая Антанта заведомо не могла выполнить этой роли, замены, стало быть, не нашли,

и желаемой стабильности в регионе не было. Распад наднациональной империи и образование нескольких независимых государств не разрешили национальных проблем в регионе, лишь перенесли их в другую плоскость. Принцип «одна нация — одно государство» не был реализован, слишком велико было несовпадение между установленными государственными и национальными границами. Почти в каждой из стран большой процент населения составляли национальные меньшинства, для которых образованные государства не стали «своими», тем более, что их унитарный характер вступал в явное противоречие с достигнутыми меньшинствами (словаками и венграми в Чехословакии, хорватами и словенцами в Югославии) уровнем национального самосознания. Некоторые из меньшинств, в частности венгерское в Чехословакии, Румынии и Югославии, имели центр притяжения за границей, и в силу этого любое требование о расширении их прав воспринималось правящими кругами молодых государств как потенциальная угроза государственной целостности, тем более что большинство стран-наследниц Австро-Венгрии не были вполне довольны своими границами и имели территориальные претензии к соседям¹⁸. Нерешенная проблема национальных меньшинств на протяжении всего межвоенного периода оставалась источником немалой напряженности в регионе. Таким образом, крах империи Габсбургов, как обращали внимание А. И. Миллер и другие исследователи, лишь изменил структуру национальных конфликтов в Центральной Европе, но не избавил от них регион, более того, он привел к вынесению их за пределы отдельных государств, превращению межнациональных конфликтов в межгосударственные.

Охвативший в межвоенный период не только большие, но и малые страны синдром национально-государственного величия резко диссонировал с принципами и историческими возможностями демократического национально-государственного устройства¹⁹. Помимо всего прочего, национальный эгоизм приводил к неразумной экономической политике, основанной на автаркии.

Впрочем, отнюдь не только в межвоенный период, но на протяжении всех столетий совместного проживания в этом регионе славянских и неславянских народов Центральной Европа оставалась сообществом конфликтным. Даже в минуты общей опасности и в противостоянии общему противнику народы, движимые инстинктом национализма, не всегда объединялись, часто стояли по разные стороны баррикад (достаточно вспомнить 1848 г.).

Причем, как показывает опыт первой, а отчасти и второй мировых войн, центральноевропейские споры имели тенденцию к пере-

растанию в глобальные. Вершители судеб Европы всегда исходили из того, что регион нестабилен, и строили именно на этом свои планы по организации данного геополитического пространства в соответствии с собственными интересами. По образному замечанию одного из чешских историков, «мешок, в который собирали этих беспокойных блох, как правило, шили где-то вне Центральной Европы. Без внешних скоб и гарантов, которыми могли быть то Габсбурги, то Гогенцоллерны (Mitteleuropa), то Запад (Версальская система), то Восток (ялтинские решения), стабильность этого региона считалась невозможной или ненадежной»²⁰.

Одна из наиболее губительных политических болезней XX века — национализм и сегодня представляет собой проблему, волнующую человечество. Думается, что пока не изжиты его крайние проявления, опыт сосуществования на протяжении столетий разных народов Центральной Европы будет привлекать внимание не только историков, но и политических экспертов. И не только своими негативными сторонами, предостерегающими нас от повторения роковых ошибок прошлого. Народы, жившие веками в тесном соседстве, а долгое время и в рамках единого политического целого, действительно сформировались в некоторую наднациональную общность, история которой дает нам многие примеры не только взаимного отталкивания, но и сотрудничества. Сегодня в поисках путей европейской интеграции этот опыт особенно важен.

В силу традиции, начавшей формироваться в отечественной исторической науке еще в XIX в. и получившей новые импульсы в середине 1940-х годов, когда неопанславизм на короткое время был возведен в ранг едва ли не официальной внешнеполитической доктрины СССР, при изучении истории народов как Центральной, так и Юго-Восточной Европы региональный принцип иногда не совсем оправданно отодвигался на второй план, тогда как явный приоритет отдавался систематизации изучаемых стран и народов по этническому признаку. Славянские народы (в частности, южные и западные славяне) выделялись как самостоятельный предмет исследования и нередко рассматривались обособленно, в отрыве от народов неславянских, при этом в рамках концепций славянской общности понятию «Центральная Европа» не всегда находилось место даже там, где речь шла о времени сосуществования разных наций под единой габсбургской крышей. Сложилось положение, на неестественность которого обратил внимание даже небезызвестный А. А. Жданов, увидевший в противопоставлении славянских народов неславянским опасность сужения базы советской внешней политики, препятствие для вовлечения неславянских стран в орбиту со-

ветского влияния: «выдумывают славянскую экономику, поддерживают иллюзию, что этапы перехода от капитализма к социализму в славянских странах какие-то особые, чем в других странах», — с нескрываемым раздражением говорил он 27 марта 1948 г. на совещании в ЦК ВКП(б) в связи с подготовкой конгресса ученых-славяноведов²¹. Уже почти полвека, как нет в живых главного сталинского идеолога, и нас волнуют сегодня совсем другие проблемы, чем волновали в те годы его, но славистический принцип до сих пор занимает несколько гипертрофированное положение в университетских программах, в соответствии с которыми ведется преподавание студентам истории Центральной Европы.

Конечно, существование самостоятельной области знания — исторического славяноведения, способствовало более углубленному изучению многих конкретных проблем истории отдельных народов. В сегодняшних условиях, когда славянский мир раздирают особенно острые противоречия, развитие этой гуманитарной отрасли тем более актуально. Вместе с тем вырывание славянских наций из исторической среды их обитания, из регионального контекста приводило к неизбежной односторонности и деформациям в исследовании их прошлого. Так, рассмотрение истории Словакии в XIX–XX вв. нередко происходило в отрыве от более общих процессов, протекавших в Венгерском королевстве, неотъемлемой частью которого была вплоть до 1918 г. Словакия.

Не отрицая необходимости сохранения и развития наиболее продуктивных славистических традиций, в наше время все же особенно важно обратить внимание на значимость регионального подхода, тем более, что во всем мире, а с конца 1980-х годов и в славянских странах²², именно он (а не славистический принцип) занимает доминирующее положение в историографии. В отечественной исторической науке утверждение регионального принципа в изучении истории народов Центральной Европы во многом связано с именем Т. М. Исламова.

В какой мере Центральная Европа есть объективная, воплощенная реальность и в какой лишь некий нечеткий по своим очертаниям символ, идея, создаваемая в ходе дискуссий и понимаемая по-разному в зависимости от того, как та или иная нация в конкретной исторической ситуации определяет свое место в Европе? На этот вопрос возможны разные ответы. Некоторые события минувшего десятилетия (например, распад Чехословакии) на первый взгляд, казалось бы, говорят в пользу преждевременности интегративных устремлений. Но, вопреки всем очевидным препятствиям, центрально-европейская идея пробивает себе дорогу. В высшей степени пока-

зательно обращение интеллигенции стран-наследников монархии Габсбургов к многообразному и имевшему мировое значение духовному опыту Австро-Венгрии. Романы Ф. Кафки и философская лирика Р. М. Рильке, психоанализ З. Фрейда и аналитическая философия Л. Витгенштейна, революция музыкального языка, предпринятая «новой венской школой», и творчество Б. Бартока с его новаторским отношением к фольклору, уникальный сплав сатиры и фантастики в романах К. Чапека и неповторимая архитектура и прикладное искусство венского модерна, Т. Г. Масарик, стремившийся совместить на прочных этических основаниях идеи демократии и социализма, и Д. Лукач с его отчаянной и тщетной попыткой силой своего незаурядного интеллекта реанимировать классический марксизм — это и многое другое составляют основу той единой при всех своих противоречиях высокой центральноевропейской культуры, от которой неизменно отталкивается в своих духовных исканиях интеллигенция стран региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Миллер А. И.* Об истории концепции «Центральная Европа» // *Центральная Европа как исторический регион.* М., 1996.

² Там же. С. 19–20. Чешский историк Я. Кржен, конкретизируя понимание жителями Центральной Европы своей региональной идентичности, пишет, что они воспринимают собственный регион в большей мере как «запоздалый Запад», чем просто как зону столкновения западных и восточных влияний. Переходность и «промежуточность» этого региона не исключает, таким образом, духовной устремленности к западной цивилизации (*Кржен Я.* *Центральная Европа: какой она видится из Чехии* // *Европейский альманах.* 1993. М., 1993. С. 87–88). Осознание интеллигенцией и политическими кругами стран Центральной Европы своего в известной мере периферийного положения по отношению к Западной Европе и связанное с этим стремление к объединению с ней в единое целое сочетается, как правило, с довольно произвольной трактовкой восточных границ Центральной Европы. Как замечает хорватский ученый Д. Роксандич, в сегодняшней конкретно-исторической ситуации никому не хочется оставаться в Восточной Европе, и при этом некоторые полагают, «что с „исключением“ восточного соседа из числа основных претендентов на объединение с европейским Западом может стать более легким собственным ускоренный успех

в этом отношении» (*Роксандич Д.* «Европа граждан», Средняя Европа и границы Европы // *Центральная Европа как исторический регион.* С. 132).

³ Цит. по: *Шерваимова С.* Традиции разделяют и объединяют (Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы в водовороте истории) // *Вопросы литературы.* 1989. № 11. С. 63.

⁴ Т. М. Исламов, наиболее авторитетный в России специалист по истории стран региона, считает термин «Средняя Европа» более предпочтительным, поскольку «подразумеваемые страны центрального положения по отношению ко всей остальной Европе никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, не занимали и не займут, очевидно, в обозримом будущем. Нас вправе спросить: если это „центр“, то где же периферия? Или таковой надо считать Западную Европу? Но ведь не о чистой географии идет речь, а об истории, о прогрессе, о цивилизации и культуре. Мы за менее вызывающий и претенциозный, более умеренно-точный термин Средняя Европа, ибо регион этот занимает промежуточное положение между Западом и Востоком и в содержательном плане, историко-культурном смысле представляет собой промежуточную зону» (*Исламов Т. М., Фальковский С. М.* Средняя Европа в Новое время (XVIII в. — 1918 г.) // *Институт славяноведения и балканистики.* 50 лет. М., 1996. С. 96).

⁵ *Исламов Т. М.* Средняя Европа на начальном этапе модернизации // *Центральная Европа как исторический регион...* С. 52.

⁶ Там же. С. 70–71.

⁷ *Вопросы литературы.* 1989. № 11. С. 36–37.

⁸ *Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней.* М., 1991. С. 286.

⁹ *Исламов Т. М.* Конец средневропейской империи: Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // *Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства.* М., 1995. С. 31.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // *Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства...* С. 11.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 14, 11.

¹⁴ *Барахова И.* Переориентация внешнеполитического курса монархии Габсбургов (1866–1871) (К вопросу о политической деятельности Фридриха Фердинанда фон Бойста) // *Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства...* С. 112.

¹⁵ *Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство... С. 13.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Исламов Т. М.* Конец средневропейской империи... С. 41.

¹⁸ См.: *Миллер А. И.* Авторитарный и тоталитарный опыт Центральной Европы // *Центральная Европа как исторический регион.*

¹⁹ *Романенко С.* Австро-Венгрия или Югославия? // *Австро-Венгрия: Опыт многонационального государства...* С. 103.

²⁰ *Кржжен Я.* Центральная Европа: какой она видится из Чехии. С. 88.

²¹ Российский центр хранения и изучения документов по новейшей истории. Ф. 77. Оп. 1. Д. 990. Л. 2.

²² Заметим, что в польской, чешской, словацкой историографии противостояние славянской идеи, акцентировавшей внимание на принадлежности соответствующих народов к одному сообществу с Россией, идее центральной-ноевропейской, неизменно приобретавшей оппозиционное звучание, было в эпоху социализма гораздо более острым, нежели в отечественной исторической науке.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ ДВОРЯНСКИХ КОМИТАТОВ В ВЕНГРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

Неотъемлемой частью сословной организации венгерского общества были дворянские комитаты — объединения проживавших на территории отдельных комитатов (графств) дворян, по-латынски называвшиеся в Венгерском королевстве *universitas praelatorum, magnatum et nobilium comitatus*, а в Трансильванском княжестве — *universitas nobilium comitatus*¹. Они заметно выделялись на фоне других сословных властных структур: церковных, светских магнатских, городских, крестьянских, действовавших в комитатах². Возникнув в XIII в. на месте распадавшихся королевских, дворянские комитаты усилились и получили внутреннее оформление во второй половине XV в. В то время дворянство в целом и его отдельные организации активно использовались Матяшем I в качестве противовеса не желавшему усиления короля магнатству.

Особенно выдающуюся роль дворянские комитаты стали играть в XVI—XVII в. — в период турецких войн, которые привели к ослаблению центральной власти в Венгерском королевстве. Эти институты добились самоуправления, обладали самостоятельностью в судебных и административных делах, имели свои финансы, решали военные задачи и вопросы налогообложения, регулировали отношения дворянства с центральными и местными, магнатскими и военными властями, с крестьянством и горожанами, представляли на государственных собраниях местное дворянство, направляя инструкции парламентским депутатам. Феномен сохранения и даже укрепления дворянских свобод в виде дворянского комитатского самоуправления в Венгрии, может быть, не уникален. Но он весьма примечателен, поскольку идет вразрез с основной тенденцией государственного развития в раннее новое время, когда в Западной Европе повсеместно центральная власть забирала у сословий в свои руки управление государством на всех уровнях.

Что собой представляла и как формировалась комитатская администрация? Каким образом сочетались в ней принципы сословности, дворянского равноправия (*una et eadem libertas*) и профессионализм? В какой мере вообще можно говорить о формировании чи-

новниче-бюрократического аппарата в венгерских дворянских комитетах в первой половине XVII в.?

Высшим органом законодательной и исполнительной власти дворянского комитета было дворянское собрание (*congregatio generalis*), долгое время выполнявшее одновременно и судебные функции. Постепенно из него выделяется специальный судебный орган — комитатский суд (*sedria*); этот процесс повсеместно в Венгрии не завершился еще и в XVII в. Воплощать в жизнь решения этих высших органов был призван административный аппарат, который в основных чертах оформился к XVI в.³ Его составляли ишпан, вице-ишпан, нотариус, судьи, присяжные, казначей. На протяжении XVI—XVII в. как в составе, так и в функциях комитатской администрации происходили изменения, свидетельствовавшие о серьезных сдвигах в структуре самого венгерского дворянства и его взаимоотношениях с центральной властью.

В XVI—XVII в. комитаты отвоёвывали у центральной власти все больше прав в вопросах формирования комитатской администрации. В первую очередь это касалось ишпанов. Глава комитета — ишпан, или верховный ишпан (*supremus comes*), изначально был представителем королевской власти в комитате и назначался королем. По закону ишпаны считались *barones ex officio* и как должностные лица отчитывались перед королем. В случае невыполнения или плохого выполнения своих обязанностей они могли быть оштрафованы или лишены должности⁴. Однако до этого дело доходило крайне редко, тем более, что ишпанство в королевской Венгрии представляло собой не только должность, но и один из высших рангов. Кроме того, ишпанами обычно становились представители местной аристократии, крупнейшие земельные собственники комитета. В конце XVI в. было восстановлено наследственное ишпанство.

Показательно, что в эпоху турецких войн усиление самостоятельности комитатов на большей части королевства не сопровождается укреплением на местах власти ишпанов. С одной стороны, ишпаны, как правило, параллельно занимали другие высокие и ответственные государственные посты, вследствие чего часто отсутствовали и не могли уделять много времени своим комитатам. С другой стороны, окрепшее комитатское дворянство успешно защищало свои свободы как перед лицом короля, так и перед лицом ишпана, имевшего в комитате свои, частномагнатские интересы.

Комитаты добились от Габсбургов того, чтобы назначенные королем ишпаны утверждались комитатским собранием и приносили ему присягу⁵. Более того, в XVII в. некоторые комитаты (например Сепеш) считали излишним включать в текст клятвы традиционную

формулу верности королю ⁶. Известны случаи, когда дворянские комитаты отказывались признать ишпана. Так, в 1656 г. объединенный комитат Пешт-Пилиш-Шолт протестовал против назначения ишпаном графа Имре Балашша, приобретшего дурную славу из-за постоянных конфликтов с комитатскими землевладельцами ⁷. Ссылаясь на то, что до турок комитат Пешт возглавлял сам король, дворяне добились в 1659 г. назначения ишпаном надора (королевского наместника) Вешшелени ⁸. В 1636 г. дворянское собрание комитата Ваш отказалось признать своим ишпаном из-за малолетства Ференца Надашди, несмотря на наследственность его прав. Собрание пошло на уступку лишь после того, как к юному ишпану был приставлен помощник из местных владетельных дворян Гашпар Липпай ⁹. Как частное лицо, располагающее земельной собственностью в данном комитате, ишпан, подобно остальным членам дворянской комитатской корпорации, был подвластен суду вице-ишпана. Так, в 1611–1612 годах в комитате Гемер (Gömör) расследовалось дело ишпана Дьердя Сечи, отобравшего у токайских торговцев 80 быков ¹⁰.

Реальное руководство комитатом ложилось на плечи вице-ишпана. Председательство в суде, созыв ополчения, сбор налогов, выполнение королевских распоряжений, организация ремонтных и строительных работ, обеспечение всем необходимым проходящих через комитат и расквартированных в нем войск — вот далеко не полный перечень забот вице-ишпана, определенных постановлениями государственных собраний ¹¹. Еще большая ответственность возлагалась на вице-ишпанов в тех случаях, когда ишпаны по той или иной причине отсутствовали или не могли управлять, будучи слишком юными.

До XVI в. вице-ишпанов, как правило, назначали ишпаны из своих людей (сервиентов). Ограничивающим условием была принадлежность этих креатур к местному владетельному дворянству (*Viccomites semper esse debeant ex eadem comitatu, ex potioribus nobilibus*) ¹². С XVI в. и особенно в XVII в. из «человека» ишпана вице-ишпан превращается в должностное лицо дворянского комитата, главного защитника дворянских интересов перед лицом как центральной власти, так и ишпана. Комитаты добиваются права участия в выборах вице-ишпана и принесения вновь избранным вице-ишпаном присяги дворянскому комитату. Статьей 70 закона 1548 г. устанавливалось, что вице-ишпаны выбираются не только ишпаном, но с согласия всего комитата в соответствии с королевскими декретами ¹³. Практика выборов в разных комитатах не была одинакова. Обычно ишпан предлагал дворянскому собранию несколь-

ко (обычно четыре) кандидатур на этот пост (например в Нограде¹⁴, Хевеше¹⁵, Ваше¹⁶). Реже ишпан выбирал из выставленного комитатским собранием списка (например, в комитате Мошон¹⁷). Случалось, что комитаты пренебрегали мнением ишпана. В 1620 г. комитат Земплен не принял в расчет права ишпана Дьердя Хомонна и провел выборы в его отсутствие¹⁸.

Увеличение количества дел, которыми приходилось заниматься вице-ишпанам, привело к тому, что в XVII в. в ряде комитатов появились должности заместителя (Ноград)¹⁹, а также второго вице-ишпана (например в комитате Ваш)²⁰. В протоколах дворянского собрания комитата Дьер встречается упоминание о замещающем вице-ишпана *icesgegens*²¹. В то же время авторитет и компетенция вице-ишпанов выросли настолько, что в некоторых комитатах они получили право выносить смертный приговор. Так, уже в 1560 г. дворянское собрание комитата Земплен постановило, что вице-ишпан может выносить приговор убийцам и преступникам — и не только в суде, но и в церкви²².

Комитаты, как правило, делились на четыре уезда, для каждого из которых выбирали судью (*szolgabíró, judex nobillium, iudlium*). В их обязанности входили заседания в суде, ведение судебного следствия, ряд административных функций: перепись дворян, определение границ владений, помощь в сборе налогов и недоимок и многое другое. В ведении комитатских судей находились также крестьянские дела (переход от одного господина к другому, побег крестьян и т. п.). С расширением сферы деятельности комитата и усложнением ведения дел объем обязанностей судей увеличился. В помощь им была учреждена должность младшего судьи (*alszolgabíró*). В пограничных районах компетенция судей распространялась и на занятые турками деревни. В то же время появились младшие судьи, предназначенные специально для работы в подвластных туркам землях²³.

В помощь судьям из числа дворян выбирались присяжные (*esküdtek, jurati et electiobiles*). Вместе с судьями они должны были заседать в суде, выезжать на места для освидетельствования, помогать при переписи, сборе налога, свидетельствовать и т. д. Число присяжных не было одинаковым в разных комитатах, но имело тенденцию к увеличению. Так, в комитате Боршод в 1607 г. упоминались 3, а в 1657 г. — уже 39 присяжных²⁴. Присяжные относились к числу самых мелких служащих комитата и не имели права работать самостоятельно.

Комитаты имели своего выборного казначея, ведавшего комитатской казной, т. е. теми средствами, которыми располагал комитат, собирая свои налоги и штрафы. Более того, в XVI в. комитаты

добились от центральной власти того, чтобы сборщики королевских налогов (*dicatores*) представлялись и присягали комитатскому собранию и седрии, а деятельность сборщиков налогов контролировал выбранный для этого дворянским собранием представитель комитата. В XVII в. уже сами сборщики королевских налогов стали выбираться в комитате ²⁵.

Второй после вице-ишпана фигурой в комитате по праву можно назвать комитатского нотариуса. Он был самым осведомленным человеком в комитате, поскольку должен был присутствовать на всех судебных и административных заседаниях. Нотарий отвечал за делопроизводство комитата, в том числе и его переписку, хранил документацию, вел протоколы комитатских собраний и седрий. Эта должность требовала не просто грамотности, но знания латыни и нотариального дела. Таких людей было трудно найти, поэтому долгое время нотариусов для комитата подыскивали из своих служащих ишпаны. Еще в XVI в. была широко распространена практика нанимать нотариусов для работы в комитате от случая к случаю ²⁶, а устав нотариусов (*Arg notariales*) гласил, чтобы нотариусы составляли грамоты только в присутственных местах, а не в корчме ²⁷. Однако со временем они вошли в состав комитатской администрации, и их должность, как и другие, стала выборной.

Нехватка специалистов даже в XVII в. приводила к тому, что хороших нотариусов приглашали работать одновременно в два или больше комитатов. Так, в конце XVI — начале XVII в. Янош Руткаи более 20 лет являлся нотариусом комитатов Хонт, Ноград и Зойом, а также родного комитата Туроц. Будучи уже стариком, он упоминается в 1626 г. еще и как нотариус комитата Арва. За время своей деятельности он накопил столько документации, что, по собственному признанию, должен был держать у себя дома четверых вооруженных людей ²⁸. В XVII в. вследствие увеличения объема письменной работы некоторые комитаты при возможности нанимали двух нотариусов или помощника нотариуса, или писца.

Со временем авторитет нотариуса в комитате вырос настолько, что наряду с ишпаном и вместо него ему разрешалось ставить свою печать на комитатские грамоты и оглашать их ²⁹, принимать жалобы и протесты ³⁰. Нередко комитаты оказывали им доверие, выбирая вице-ишпанами. Уже упомянутый Янош Руткаи с 1605 по 1617 г. был вице-ишпаном комитата Арва ³¹. Некоторые наиболее выдающиеся нотариусы совмещали и государственные должности. Так, нотариус комитата Земплен Пал Чернел в 1626 г. упоминается одновременно и как судья курии надора ³². В комитате Ваш два нотариуса — Пал Медьери (в 1601 г.) и Фюлеп Газдаг (в 1641 г.) служили судьями

в суде королевского присутствия³³. О значении нотариев свидетельствует тот факт, что вместе с вице-ишпанами они выбирались послами на государственные собрания. Нотарий комитата Абауй Пал Семере участвовал в семи государственных собраниях с 1622 по 1649 г.³⁴

В XVII в. в дворянских комитатах появляется ряд других должностей: кассир, учетчик, прокурор, блюстители порядка, стражники, выполнявшие полицейские функции хайдуки и гусары³⁵. И хотя становление комитатского самоуправления происходило неравномерно, сам факт быстрого их развития не вызывает сомнения. Намечалось разделение сфер действия административной и судебной властей. Усложнялся управленческий аппарат: появлялись новые отрасли, новые должности, росла численность исполнителей. Формирование структур местного дворянского управления происходило при минимальном вмешательстве центральной королевской власти.

Основные принципы, на которых строилось комплектование комитатской администрации, в течение долгого времени вырабатывались на сословных съездах всей страны — государственных собраниях. Должность в дворянском комитате мог занять только дворянин³⁶, не иностранец (для чего было необходимо признание в качестве дворянина Венгерского королевства)³⁷, житель данного комитата³⁸, имеющий подходящее материальное положение (т. е. владетельный дворянин — *bonus et dignus beneque possessionatus*)³⁹, обладающий опытом и способностями к службе.

Что касается обязательной принадлежности к венгерскому дворянству, то это условие использовали дворянские комитаты, добиваясь автономии у королевской власти. Например, когда в 1522 г. Фердинанд II хотел назначить ишпаном комитата Комаром, ставшего ключевым пунктом в системе обороны западных, ближайших к Вене рубежей страны, капитана крепости, своего верного человека немца Иоганна Райхенберга, дворяне комитата заявили протест, ссылаясь на то, что Райхенберг — иностранец и «у него здесь нет права голоса»⁴⁰.

Остальные условия характеризовали скорее соотношение сил различных групп дворян внутри дворянского комитата. Предъявляемые к кандидату на занимаемую должность требования резко сужали круг тех, кто мог бы быть выбран. Старое, домохачское⁴¹ дво-

* Имется в виду битва при Мохаче (1526 г.), где венгерская армия потерпела сокрушительное поражение от турок, следствием которого стала утрата Венгерским королевством территориальной целостности (Примеч. редколлегии).

рянство сильно сократилось в численности на протяжении XVI и XVII вв. Его место в комитатах занимали переселенцы из других областей. Среди последних особенно много было мелких дворян, численность которых в целом резко возросла в XVII в. в связи с широко распространившимся в эту эпоху аноблированием⁴¹, т. е. переходом в дворянство представителей низших сословий. Вследствие этого большая часть комитатского дворянства была представлена одноподельными, курьными, предельными, а то и вовсе безземельными дворянами (дворянами по грамоте — армалистами).

Между тем на дворянские комитаты, как самоуправляемые местные организации, ложились большие расходы и работы, связанные с обеспечением жизнедеятельности комитата: поддержание обороноспособности, законности и правопорядка, функционирования таможенных и налоговых служб, строительство и ремонт дорог, мостов и т. п. Поэтому дворянская община была заинтересована в том, чтобы все дворяне вносили посильную лепту в осуществление этих задач.

Поскольку основные решения принимались на комитатских собраниях, областные статуты предписывали всем дворянам участвовать в них и выполнять их решения. За неявку на собрание налагался штраф в 12 форинтов⁴². Отсутствие на собрании не могло служить основанием для невыполнения постановлений дворянской общины⁴³. Однако требование поголовного участия в собраниях было часто невыполнимо хотя бы по объективным причинам: мешали плохие дороги, опасности, подстерегающие на пути. Двое сепешских дворян, присяжные заседатели Мартон Гергей и Бенедек Шваби протестовали против штрафа, наложенного на них за неявку на собрания. Они объясняли это тем, что из-за плохой дороги не успели даже к концу собрания, хотя выехали за два дня до его начала⁴⁴. Приглашать на собрание всех без исключения дворян было кроме того и нецелесообразно. Важнее всего там было присутствие тех, кто реально влиял на состояние дел в комитате: магнатов и владельцев дворян. Не раз собрания переносились, или принятие решений откладывалось именно из-за того, что не набралось кворума «достойных» людей.

Формально соблюдая равные права всех дворян на участие в общественной жизни комитата, власти стремились обеспечить преимущества за более способными, предпринимая для этого разные меры. Во-первых, комитатским судьям вменялось в обязанность выявлять, кто же на самом деле является дворянином, а кто — нет⁴⁵. Следующим шагом было ограничение в правах наименее имущих дворян. Так, собрание комитата Нитра постановило, ссылаясь на пример

соседних комитатов, при обсуждении государственных и комитатских дел (но не судебных) предоставлять городам, рыночным местечкам и деревням, где проживают дворяне-куриалы или армалисты, независимо от их числа, лишь по одному голосу при обсуждении государственных и комитатских дел. Свое решение собрание обосновало тем, что недостойно давать равные голоса с магнатами и владетельными дворянами многочисленным однокурриальным дворянам и армалистам, которые не вносят необходимого материального вклада в дела комитата ⁴⁶. Не случайно выборы должностных лиц крайне редко проводились путем голосования. «Отдельные голоса не столько подсчитываются, сколько взвешиваются» (*Vota non tantum numerentur, sed magis ponderentur singulorum*), — отмечалось по поводу равных возможностей голосования для всех участников комитатского собрания в статутах комитата Туроц ⁴⁷.

Ограничивая провозглашенное в начале XVI в. идеологом магнатов И. Вербеци дворянское равноправие, комитаты заботились о независимости и неподкупности должностных лиц. Дело в том, что в XVI–XVII вв. участие в работе комитатской администрации воспринималось еще не как профессиональная служба, а как дворянский долг и обязанность. За его исполнение в принципе не полагалось жалования. В XVI в. на государственных собраниях, занимавшихся вопросами комитатской администрации, говорилось о том, что должностные лица комитата должны служить не за вознаграждение, а безвозмездно ⁴⁸. В комитатах сложилось представление, согласно которому каждый обеспеченный дворянин должен в течение определенного времени отслужить на благо комитата.

Комитаты старались следовать утвердившейся традиции и выбирать в аппарат представителей родов старого, по крайней мере, владетельного дворянства. В ряде комитатов к XVII в. определился круг дворянских семей, выходцы из которых из года в год, из десятилетия в десятилетие фигурируют в протоколах комитатских собраний то в одной, то в другой должности. Так, в комитате Сепеш ведущую роль играли старые фамилии Гёргей * и Марьяши, в Гермер-Кишхонте — Торналяй (*Tornallyay*); в комитате Барш Бошшани (*Bossányi*), Майтени (*Majthényi*), в Земплене — Баркоци, в Абауй — Девини, Педери, Фай, Семере и т. д. Из этих семей выбирались вице-ишпаны, судьи, нотариусы, присяжные. Одни и те же люди

* Классик венгерской литературы К. Миксат (1847–1910) в одном из лучших своих романов «Черный город» дает красочную картину деятельности вице-ишпана из рода Гёргей в комитате Сепеш (ныне в Словакии) в конце XVII в. (Примеч. редколлегии).

поднимались от низших должностей до вице-ишпана, а потом, если не уходили из комитатской администрации, попадая на королевскую службу, то возвращались к прежним обязанностям. Следует отметить, что в рамках комитата этот круг было практически невозможно разорвать. Можно привести единичные случаи, когда вице-ишпаны становились ишпанами, что означало возвышение в сословие магнатов. Так, Ференц Керн, в 1603 г. упоминавшийся еще как вице-ишпан Хонта, в заключительном документе Венского мира 1606 г. назван уже ишпаном комитата Зойом⁴⁹. Возможности перехода из среднего комитатского дворянства в ряды высшей аристократии сократились по сравнению с XVI в., все-таки и в XVII в. их иногда предоставляла служба дому Габсбургов, в первую очередь военная.

Резервы для пополнения комитатских служащих из владетельного дворянства имелись в Венгерском королевстве благодаря тому, что многие дворяне владели недвижимостью одновременно в двух или нескольких комитатах. В условиях усилившихся в эпоху войн с Турцией миграций многие дворянские семьи меняли место жительства, сохраняя земельные владения в других комитатах. Поэтому не случайно в источниках имя одного и того же дворянина встречается в качестве вице-ишпана то в одном, то в другом комитате, а подчас — одновременно в двух и даже нескольких. Так, Имре Липтаи с 1603 по 1609 г. был вице-ишпаном в комитате Хонт, а с 1612 по 1622 г. занимал тот же пост в комитате Барш⁵⁰. В результате на государственных собраниях одни и те же люди представляли то один, то другой комитат. Подобная практика позволяла комитатскому дворянству создавать обширные связи в стране (по крайней мере, в своем регионе), вырабатывать общие позиции в противостоянии центральной власти.

Сложившейся традиции выборов должностных лиц из старых состоятельных дворянских родов было труднее следовать в тех комитатах, которые находились в непосредственной близости к границе (Пешт-Пилиш-Шолт, Зала, Ноград, Хевеш и др.), а также там, где располагались крупные города (в комитатах Сепеш, Шопрон, Дьёр, Пожонь и др.). В первых — из-за значительной миграции населения и потерь среди местного дворянства в результате боевых действий, во вторых — из-за участия в управленческом аппарате дворянских комитатов аноблированных выходцев из городского сословия. Например, в комитате Дьёр уже к концу XVI в. наряду со старыми фамилиями в комитатской администрации появляются новые люди недворянского происхождения: Даллош, Фаркаш, Силадьи, Сеги, Торкош. В 1593 г. сборщиком налогов (dicator) комитата стал тор-

говец скотом, мясник, городской судья в Дьёре Янош Торкош, «свеженпеченный» дворянин-армалист (с 1587 г.). Именно это последнее обстоятельство послужило одному из влиятельных участников комитатского собрания поводом для того, чтобы отклонить кандидатуру Торкоша. Протест остался без ответа, и в последующие годы Торкош упоминался среди членов комитатской администрации⁵¹. Заняв место в комитатской администрации, аноблированные горожане не только не порывали с городскими занятиями, но и не отказывались от своих прежних должностей, хотя в отдельные периоды комитаты противились этому⁵².

Несмотря на обозначившуюся тенденцию, комитаты испытывали большие трудности в комплектовании административного аппарата. В первую очередь остро не хватало служащих. Статутами устанавливалась обязательность исполнения служебных функций в течение одного года, после чего разрешалось делать пятилетний перерыв⁵³. Однако в действительности это удавалось далеко не всегда. На ежегодных отчетных собраниях, когда должен был переизбираться административный аппарат, часто случалось, что по той или иной причине и даже вопреки воле служащих их оставляли на следующий срок и дольше — иногда весь аппарат в полном составе⁵⁴. Подобный дефицит объясняется несколькими причинами.

Дворяне неохотно принимали предложенные им должности и даже отказывались от выполнения, казалось бы, почетного сословного долга. В этом смысле показателен зафиксированный в протоколах комитата Сепеш случай, произошедший в 1650 г. с представителем почтенного рода Миклошем Гёргеем. Вопреки уговорам ишпана, епископа, капеллана и всего дворянского собрания он отказался быть уездным судьей и был дважды оштрафован: за оскорбление собрания (поскольку бранился и ушел, хлопнув дверью), а также за сам отказ. Однако Миклош предпочел большой штраф службе в комитате⁵⁵. Этот эпизод тем более интересен, что провинившийся принадлежал к старому авторитетному роду, давшему комитату много известных деятелей; кроме того, сам он представлял комитатское дворянство на государственном собрании 1648–1649 годов⁵⁶. Приведенный случай не был единичным. Несмотря на то, что комитатские статуты устанавливали большой штраф — 100 форинтов — за отказ от должности⁵⁷, комитатские протоколы полны упоминаний о случаях нежелания дворян служить⁵⁸.

Исполнение дворянского долга на комитатской службе было очень обременительно как с материальной, так и с моральной стороны. Оно требовало от должностного лица больших денежных расходов и занимало много времени. Между тем, как уже отмеча-

лось, еще в XVI в. общество и законы в принципе не одобряли оплату труда комитатских служащих, хотя под давлением жизненных обстоятельств государственные собрания были вынуждены согласиться на это. Однако не случайно речь шла не о жаловании за труд, а о вознаграждении за услуги, что можно было допустить только в том случае, когда представитель благородного сословия выбирался на должность своими собратьями, оказавшими ему доверие. И не случайно из всех комитатских служащих жалованье получали только нотариусы, которые не выбирались на должность, а нанимались, вследствие чего и не считались членами дворянского комитета⁵⁹. Лишь с XVII в. положение нотариусов в комитате изменилось.

Не всем должностным лицам полагалось вознаграждение. Так, присяжным повсеместно стали платить только в XVII в., но меньше, чем другим служащим. Ишпаны не получали денежного вознаграждения. Но если они становились таковыми по должности, то по традиции в их распоряжение отдавалась, как правило, главная крепость данного комитата с принадлежащими ей владениями⁶⁰. Более того, ишпаны должны были приплачивать от себя вице-ишпану и нотариусу, но в XVII в. нередко от этого отказывались, ссылаясь на то, что те уже не являются их людьми⁶¹. Доходы должностных лиц, получавших вознаграждение, складывались из нескольких источников. Минимальную, почти символическую сумму они получали от казны, несколько большую — от комитата, собиравшего специальные налоги с комитатских дворян на содержание администрации. Наибольшие поступления шли от штрафов, доходы приносили также составление различных документов, публикация армальных грамот, деловые поездки на места и т. д. Тем не менее всех этих сумм служащим не хватало на то, чтобы существовать и содержать семью только за счет службы. Более того, общим местом в протоколах являются упоминания о задолженности комитата, особенно вице-ишпану и нотариусу за их работу, а также за командировки на государственные собрания, депутатами которых они, как правило, выбирались⁶². Уже утвержденные в должности присяжные заседатели не являлись на продолжавшиеся по одному или несколько дней заседания седрии, что нередко приводило к их срыву и переносу. При этом ссылались на дороговизну подобных мероприятий. В 1585 г. в Сепеше комитат и ишпан дополнительно платили вице-ишпану 20 форинтов с тем, чтобы во время сессии суда он кормил присяжных (16 человек), и те не говорили, что за это время тратят все свое годовое жалованье⁶³.

Исполнение служебных обязанностей, особенно судьями и нотариумами, было связано со многими неудобствами. Нередко сама их жизнь ставилась под угрозу. Обстановка постоянной войны, в которой жила в XVI–XVII в. Венгрия, вынуждала служащих работать в экстремальных условиях: в окрестностях в поисках добычи рыскали турки, самоуправствовали венгерские пограничные отряды, совершали насилие иноземные армии. Для сопровождения нотариуса комитата Гёмёр Пала Девини из местечка, где он жил, на собрание в Сендре, выделялся небольшой вооруженный эскорт проживавших в Сендре дворян, которым за услугу полагалось доброе вино⁶⁴. Нотарий того же комитата Иштван Дёри, живший в Мишкольце, заключая в 1648 г. договор с комитатом, требовал, чтобы ему были предоставлены пропуска как от верховного капитана Верхней Венгрии и пограничных капитанов, так и от эгерского пашы⁶⁵. Судьи, которым приходилось принимать участие в разбирательстве спорных вопросов, чаще всего, крестьянских дел, подвергались опасности со стороны недовольных крестьян. Так, в 1654 г. судью одного из уездов комитата Саболич и его товарищей крестьяне побили за то, что власти, начав против крестьян серьезное расследование, угрожали им расправой⁶⁶. Учитывая все это, не приходится удивляться тому, что не находилось большого числа охотников служить в комитатской администрации.

Возможности для формирования управленческого аппарата комитатов ограничивались еще и тем, что остро не доставало элементарно грамотных людей. Прежде всего это видно на примере нотариумов, которых часто приглашали со стороны. Более того, в условиях дефицита профессионально подготовленных кадров дворянские власти нередко были вынуждены мириться с неблагородным статусом принимаемых на службу нотариумов, среди которых встречались вернувшиеся из заграничных университетов студенты. Работа в комитате могла стать основанием для их аноблирования. Так, в 1624 г. комитат Зойом пригласил в помощники к уже упоминавшемуся нотарию Яношу Руткан простолюдина-бюргера Дьёрдя Дубеца, который два года спустя заменил старого нотариуса. Дубец был, очевидно, выдающейся личностью. В описываемое время он уже значился нотариумом городов Зойом и Брезнобання (совр. Брезно) и вскорости стал известен в стране благодаря своей первоклассной образованности. За свои заслуги уже в 1628 г. он получил дворянство (армальное) по ходатайству комитата Зойом, заинтересованного в таком полезном работнике. В 1646 г. он представлял комитат на государственном собрании. Дубец оставался на своем посту до 1652 г.⁶⁷ Иногда, оказавшись в безвыходном положении, комитату приходи-

лось довольствоваться нотарием, не знающим латыни. Именно по этой причине протоколы дворянских собраний комитата Хонт с 1609 по 1627 г. велись на венгерском языке ⁶⁸.

Если трудно было найти грамотного человека на должность нотариуса, то что же можно говорить о других служащих? Не только профессиональная юридическая подготовка, но даже элементарная грамотность не являлась обязательным условием для судей. Достаточно было быть местным, владетельным, уважаемым, «опытным в праве» дворянином. Документы же подписывали те, кто умел писать ⁶⁹. Еще в XVII в. среди присяжных встречались неграмотные люди, которые вместо своего имени могли начертать на документе только крест ⁷⁰. Объясняя причины нехватки грамотных людей в комитатской администрации в XVII в., один современник писал: «...из-за частых войн и отсутствия школ молодежь не имеет возможности учиться, поэтому предпочитает воевать, нежели учить латынь» ⁷¹.

К этому справедливому замечанию можно добавить еще одно. Нельзя исключать того, что не только война служила препятствием для учения дворянских детей, но и традиционные представления о том, что является истинным призванием дворянина: не бумагомарание и сидение в судебных куриях, а служение сеньору, умение и готовность воевать. Об этом можно судить, принимая во внимание широко распространившийся в Венгрии в период турецких войн институт фамилиаритета. Он предполагал частную службу дворян у магнатов и по сути означал последний всплеск сеньориально-вассальных отношений в эпоху раннего нового времени, что шло вразрез с основными процессами общественного развития западноевропейских стран. Однако эта сторона менталитета венгерского дворянства еще ждет своего исследователя.

XVI–XVII века в Венгрии были временем девальвации дворянства, когда старое дворянство в ходе войн беднело, переходя в более низкий статус, сокращалось в числе, и одновременно с этим появлялось новое многочисленное мелкое и бедное дворянство, вышедшее из аноблированных непривилегированных слоев общества. Стремление первых не потерять дворянского статуса, вторых — приобрести его, тех и других — подняться в обществе заставляло их искать необходимые для этого пути. Один из них — военная служба, которая больше привлекала дворян, а также крестьян. Другим путем к возвышению была гражданская служба в центральном и местном управлении, для которой нужно было учиться. Здесь первенствовали выходцы из горожан. Например, в Дьёрском комитате в XVII в. из известных имен 15 вице-ишпанов, карьеру которых проследил

венгерский исследователь Л. Гечени, трое происходили из старого местного владетельного дворянства, четверо — из переселившихся в комитат военных или «чиновных» дворян; однако больше всего среди них — восемь человек — было дворян-горожан⁷². Пусть названный комитат, имевший сильный городской центр, не выглядит самым показательным в этом отношении, но даже в тех комитатах, где не было крупных городов, среди нотариусов часто попадались выходцы из горожан.

Таким образом в развитии комитатской администрации в XVI, и особенно в первой половине XVII в. произошли серьезные изменения. Оформляется и усложняется структура управленческого аппарата, выделяются новые отрасли, появляются новые должности, растет численность служащих, совершенствуются навыки управления, накапливается опыт профессиональной работы отдельных должностных лиц, для которых деятельность в комитате становится основным делом; в иных случаях профессиональные критерии начинают теснить сословные. Участие в работе комитатской администрации открывало перед наиболее талантливыми и честолюбивыми людьми путь к дальнейшему социальному возвышению, что было связано со службой уже на благо центральной власти и короне. То есть, можно сказать, что комитатская администрация в Венгрии развивалась в направлении, типичном для европейских государств раннего нового времени.

В то же время существовали препятствия объективного и субъективного характера, мешавшие не только формированию профессионального аппарата комитатской администрации, но и бесперебойной ее деятельности. Большинство из них было связано с сословным характером самого института дворянского комитата, боровшегося за сохранение своей обособленности перед лицом как центральной власти, так и других сословий и их учреждений. К подобным препятствиям можно отнести сопротивление тому, чтобы комитатская администрация пополнялась королевскими чиновниками; ограничения социального и имущественного статуса выборных лиц; отсутствие должной оплаты труда чиновников; нехватка не только профессионально подготовленных, но и элементарно грамотных служащих, обременительность и опасность службы, и как следствие — отказ от нее; наконец, сохранение традиционного дворянского менталитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прелаты и магнаты входили в дворянские комитаты как составная часть феодальной элиты, объединенной по принципу «una eademque libertas», который предполагал равные права для всех трех привилегированных сословий (см.: *Ember Gy. Az újkori magyar közigazgatás története. Mohácstól a török kiűzéseig.* Бр., 1946. 519. old.).

² На территориях комитатов не существовало единой власти. Владения церкви, города, военные власти, в том числе некоторые пограничные крепости, а также дворянские комитаты, будучи автономными по отношению друг к другу, подчинялись королю. Так называемые крестьянские комитаты в основном были организациями крестьянской самообороны в условиях перманентной войны и располагали лишь нижней администрацией (см.: *Szakály F. Párizsvármegyék a XVII. és XVIII. században.* Бр., 1969. 9–19. old.).

³ О функциях органов комитатского самоуправления см.: *Гусарова Т. П.* Господствующий класс и местное дворянское самоуправление в Габсбургской Венгрии в XVI–XVII в. // *Власть и политическая культура в средневековой Европе.* М., 1992. С. 217–227.

⁴ *Corpus juris hungarici* (далее: CJH). *Magyar törvénytár. 1000–1526. évi törvény-cikkek.* Бр., 1899. Vol. I. Закон 1495 г., статьи 11, 17 (далее: 1495/11, 17); 1509/9; 1519/19; 1523/7, 10; CJH. 1525–1608. Бр., 1899. Vol. II. 1548/66.

⁵ *Ibid.* 1542/38; 1552/38.

⁶ *Sváby F. A régi vármegye. Vázlatok Szepesmegye levéltárából // A «Szepesmegyei Történelmi Társulat» Évkönyve / Szerk. Denkó K. 5. évf. Lőcse, 1889. 72. old.*

⁷ *Borosy A. Pest-Pilis-Solt vármegye közgyűlési jegyzőkönyveinek regesztái 1638–1711. Köt. I. 271–275. old.*

⁸ CJH. 1608–1657. Бр., 1899. Vol. III. 1659/76.

⁹ *Tóth P. Vas vármegye közgyűlési jegyzőkönyveinek regesztái. II. köt. 1601–1620, 1631–1641. (Vas megyei levéltári füzetek. 5.). Szombathely, 1992. 206–207. old. № 1676–1677 (VII–XII. 1636).*

¹⁰ *Gömör-Kishont vármegye (Magyarország vármegyei és városai enciklopédiája / Dr. Borovszky Samu szerk.).* Бр., é.n. 528. old.

¹¹ CJH. Vol. II. 1545/14, 26; 1547/32–33; 1548/43; 1550/22–27, 37; 1554/41; 1556/4; 1557/6; 1563/13; 1575/7, 10; 1588/16, 22; 1596/18 etc.

¹² *Fekete L. A vármegyei tisztikar a XVI–XVII. században (Bölcsészeti-doktori értekezés).* Бр., 1914. 29. old.

¹³ *Viccomites non per comitem solum sed consensu totius comitatus iuxta regni decreta eliguntur.* CJH. Vol. II. 1548/70.

¹⁴ *Nógrád vármegye (Magyarország vármegyei és városai) / Szerk. Borovszky S.* Бр., é.n. 466. old.

¹⁵ *Heves vármegye. (Magyarország vármegyei és városai) / Szerk. Borovszky S.* Бр., é.n. 540. old.

¹⁶ *Tóth P. Vas vármegye. II. köt. 209. old., № 1689 (21.X. 1636).*

17 *Fekete L.* Op.cit. 30. old.

18 Zemplén vármegye és Sátoraljaiújhely R.T. város. (Magyarország vármegyei és városai) / Szerk. Borovszky S. Bp., 1905. 420. old.

19 *Tóth P.* Nógrád vármegye közgyűlési jegyzőkönyveinek regesztái. 1652–1656. 4 old., № 28. 4–5.III. 1652. Рукопись регест. протоколов любезно предоставлена г-ном П. Тотом.

20 *Tóth P.* Vas vármegye. II.köt. 24. old., № 841. 30.XII. 1602.

21 *Gecsényi L.* Győr vármegye nemesi közgyűlési és törvénykezési jegyzőkönyveinek regesztái. I.köt. 1580–1616. Győr, 1990. 329. old., № 879.

22 Zemplén vármegye. 420. old.

23 *Gecsényi L.* Győr megye közigazgatása és tisztikara a XVII. században // Levéltári Szemle. 1988, 3. sz. 17. old.; *Szakály F.* Magyar jogszolgáltatás a török hódoltságban. Doktori értekezés tézisei. Bp., 1991. 10. old.

24 *Fekete L.* Op.cit. 77. old.

25 *Osváth Gy.* A magyar vármegyei szervezett 1608-ig. Jogtörténeti tanulmány. Bp., 1914. 81–82. old.

26 Komárom vármegye és Komárom sz.kir.város (Magyarország vármegyei és városai) / Szerk. Borovszky S. Bp., é.n. 472. old.

27 *Fekete L.* Op.cit. 82. old.

28 *Föglein A.* A vármegyei notárius // Levéltári közlemények. 14.évf. 1936. 157. old.

29 A magyar törvényhatóságok jogszabályainak gyűjteménye (дaтeк: MTJGy). IV.köt. 1.rész. A Dunántúli törvényhatóságok jogszabályai / Szerk. Kolosvári S. és Óvári K. Bp., 1896. 143. old. (Trencsén vármegye statútuma, 1615).

30 *Ibid* 100. old. (Trencsén vármegye statútuma. 1602).

31 *Föglein A.* Op.cit. 157. old.

32 *Palugyay.* Megyerendszer hajdan és most. II.köt. Pest, 1844. 106. old.

33 *Tóth P.* Vas vármegye. Köt.II. 11. old. № 775; 222. old. № 1759.

34 Abaujvármegye monográfiája / Szerk. Korponay J. II.köt. Kassa, 1878. 181, 275, 316, 410. old.

35 Heves vármegye. 541. old.

36 CJH. 1000–1526.Bp., 1899. Vol. I. 1291/4:2.

37 *Ibid.* 1222/II; 1526–1608. Vol. II. 1504/2:5.

38 *Ibid.* Vol. I. 1486/9:1; Vol. II. 1504/2:3.

39 *Ibid.* Vol.I. 1486/9.

40 Komárom vármegye. 471. old.

41 *Maksay F.* A sok nemes országa // Mályusz Elemér emlékkönyv / Szerk. H. Balázs É. stb. Bp., 1984. 292–294. old.

42 MTJGy. IV/2. 140, 281. old. (Trencsén megye statútumai, 1615, 1650); 103. old. (Turócmegye statútuma, 1605).

43 *Ibid.* 219. old. (Turócmegye statútuma, 1624).

- 44 Sváby F. Op.cit. 40. old.
- 45 Degré A. Megyei közgyűlések a XVI–XVII. századi török háborúk korában // Tanulmányok a magyar helyi önkormányzat múltjából. Bp., 1971. 41–43. old.
- 46 MTJGy. IV.köt., 2.rész. 158. old. (Nyitra megyei statutum, 1629).
- 47 Ibid. 218. old. (Turócmegyei statutuma, 1560–1639).
- 48 Fekete L. Op.cit.. 34. old.
- 49 CJH. Vol. III. 1606. évi bécsi béke.
- 50 Bars vármegye. 348–349, 375. old.
- 51 Gecsényi L. Győr megye közigazgatása... 15. old.
- 52 Ibid. 18. old.
- 53 Fekete L. Op.cit. 59. old.
- 54 Gecsényi L. Győr vármegye. II.köt. 44. old. № 275 (1623 r.).
- 55 Görgöly A. A Görgölyek és a reformáció. Igló, 1916. 123. old.
- 56 Diarium Dietae Posoniensis 1647 Pauli de Zemere. Magyar Országos Levéltár. 114/116/ Kovachich Márton György gyűjteménye és Acta diactalia. I.köt. Diaria diactalia. 118. old.
- 57 Nógrád vármegye. 466. old.; Heves megye. 541. old.
- 58 Gecsényi L. Győr vármegye. II.köt. 43. old. № 270 (1622 r.). Bars vármegye. 376. old., etc.
- 59 Föglein A. Op.cit. 153. old.
- 60 Fekete L. Op.cit. 19. old.
- 61 Botka T. Jogtörténeti tanulmányok a magyar vármegyék szervezetéről // Budapesti Szemle. Új folyam. I.köt. 2.füz. 531. old.
- 62 Bilkei I., Turbuly É. Zala vármegye jegyzőkönyveinek regesztái 1555–1711. I.köt. 1555–1609. Zalaegerszeg, 1989. 115. old. № 732.
- 63 Sváby F. Op.cit. 35. old.
- 64 Ebeczky E. Gömör vármegye tisztikara háromszáz évvel ezelőtt // Századok. 1876. A Magyar Történelmi Társulat 1876-ik évi vidéki kirándulása Gömör vármegyébe / Szerk. Szilágyi S. 71. old.
- 65 Ibid. 72. old.
- 66 MTJGy. III.köt. 129. old.
- 67 Föglein A. Op.cit. 158–159. old.
- 68 Hont vármegye. 346. old.
- 69 CJH (II.köt.). 1550/62.
- 70 Tóth I. Gy. A vasi nemesség irástudása a 17–18. században // Történelmi Szemle. XXXV. 1993. 1–2. sz. 169. old.
- 71 Szatmár megye ismerete. Szatmár, é.n. I.köt. 139. old.
- 72 Gecsényi L. Győr megye közigazgatása. 19. old.

АНТИГАБСБУРГСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ МОРАВСКИХ, ВЕНГЕРСКИХ, АВСТРИЙСКИХ СОСЛОВИЙ 1608 г.

В 1526 г. после пресечения династии Ягеллонов Чешское и Венгерское королевства вошли в состав владений австрийских Габсбургов. Это политическое объединение, традиционно называемое в историографии Дунайской монархией Габсбургов¹, базировалось на династической унии и являлось типичным для средневековья. Однако ему была уготована нетипичная для подобных государств судьба: оно просуществовало до начала XX в.

Сохранение единства Дунайской монархии оказалось возможным потому, что все входящие в ее состав страны — и Австрия, и Венгрия, и Чехия — почти на два столетия связала воедино необходимость противостоять опасности турецкого завоевания, что в одиночку было невозможно. Когда же османская угроза миновала, правящая династия была уже достаточно сильной, чтобы, используя различные методы, сохранить государство.

Централизация, проводимая австрийскими Габсбургами в XIV–XVII вв. наталкивалась как в самой Австрии, так и в инкорпорированных королевствах на упорное сопротивление сословий, которые защищали не только свои средневековые права и привилегии, но и в определенной мере государственную самостоятельность и национальную самобытность.

Сословия государств, входивших в Дунайскую монархию, отстаивали свои интересы порознь. Но в отдельные исторические моменты складывалась уникальная ситуация, когда сословия объединяли свои усилия в борьбе с централизаторской и абсолютистской политикой Габсбургов.

Поэтому, изучая историю стран Дунайской монархии, имеет смысл комплексно рассматривать процессы, происходившие в ее составных частях.

Особую важность представляет в этой связи проблема сословной оппозиции Габсбургам в начале XVII в. В настоящей статье речь идет о конкретном эпизоде: моравско-австрийско-венгерской Конфедерации 1608 г. Цель сословий-союзников была одна, но различались методы, силы и результаты противостояния.

Как же складывалась межнациональная сословная Конфедерация? Что послужило толчком для начала переговоров? Какие задачи ставили перед собой взбунтовавшиеся сословия? Каких результатов они добились? На эти вопросы мы попытаемся ответить в предложенной статье.

Основными источниками для изучения событий, происходивших в описываемый период, стали документы Венского мира, гарантии сословий по соблюдению Венского мира, договоры о заключении Конфедерации и Предкоронационные статьи эрцгерцога Матиаса.

«Венский мир»², изданный в сборнике юридических документов Венгрии, представляет собой мирный договор 1606 г. между венгерскими сословиями и королем Рудольфом II.

Все статьи «Венского мира» можно условно разделить на две части — первая касается исключительно дел Венгрии и носит частный характер (разрешение частных споров между магнатами и т. п.). Вторая часть более общая: она затрагивает проблемы, интересующие сословия всех частей Дунайской монархии (например, религиозные и сословные свободы).

В «Венском мире» отражены требования всех венгерских сословий. На основании этого документа можно установить причину противоречий между сословиями и королем Венгрии.

К «Венскому миру» прилагались гарантии, подписанные представителями сословий Венгрии, Чехии, Моравии, Силезии, Лужиц, Нижней и Верхней Австрии, Штирии. Текст этих гарантий дает возможность установить степень заинтересованности сословий в переговорах друг с другом, а также почву, на которой сословия Габсбургского государства сблизились, а впоследствии и объединились.

Логическим завершением «Венского мира» стали Предкоронационные статьи эрцгерцога Матиаса³ как будущего короля Венгрии. Этот документ был подписан в июле 1608 г. представителями венгерских сословий и Матиасом. Во многом Предкоронационные статьи повторяют условия Венского мира. Собственно предкоронационными статьями являются первые 23 коронационные статьи. Этот документ закреплял для венгерских сословий завоевания Конфедерации и являлся итогом многолетней борьбы. Предкоронационные статьи должны были стать той позитивной программой, которой венгерские сословия регламентировали свои новые отношения с центральной властью.

Представляет интерес еще одна группа официальных документов — договоры о заключении Конфедерации. Часть этих договоров издана во втором томе работы Хаммера-Пургштала о карди-

нале Клезеле⁴, в том числе договорная грамота между венгерскими и австрийскими сословиями, подписанная 1 февраля 1608 г., содержащая условия создания Конфедерации, взаимные обязательства сторон и объяснявшая причины объединения сословий.

Точно такой же договор, подписанный представителями сословий Моравии с венграми и австрийцами, опубликован в сборнике документов, собранных венгерским ученым Стефаном Катоной⁵. Кроме венгерских и австрийских сословий в переговорах принял участие эрцгерцог Матиас, который со своей стороны дал гарантии моравским сословиям. Этот договор был подписан 19 апреля 1608 г. и означал завершение создания сословной Конфедерации.

Проблемы создания сословной Конфедерации 1608 г. и первых ее действий практически не изучались в российской и зарубежной историографии. В исторической науке больше делался упор на исследование вопросов взаимоотношений центральной власти и сословий отдельных стран Дунайской монархии. Причем в историографии, изучающей чешские события, акцент делался на исследование событий 1609 г., связанных с получением чешскими сословиями Маестата, и 1618–1620 гг. — временем действия сословной Конфедерации более широкого состава. Ученые, занимающиеся венгерской историей, в основном уделяют внимание восстанию Иштвана Бочкаи и заключению Венского мира. Для австрийской историографии характерно изучение взаимоотношений в семье Габсбургов, так называемого «противостояния братьев», и отдельных лиц, участвовавших в событиях тех лет. Поэтому комплексное исследование этого вопроса является актуальным.

Австрийские Габсбурги, заняв чешский и венгерский престолы, всеми силами старались оставить их за своей династией, а также централизовать новое государственное объединение. Эту политику централизации можно условно разделить на три этапа: первый период начинается в 1526 г., когда были присоединены венгерские и чешские земли, но еще реально функционировали национальные государственные органы, хотя и создавались австрийские центральные органы на присоединенных землях. Второй этап — конец XVI — начало XVII в. — характеризуется наступлением Габсбургов на сословные свободы, проявившемся в игнорировании государственных органов инкорпорированных королевств, внедрением в них австрийских чиновников. И, наконец, третий этап — конец XVII — начало XVIII в. — это время окончания турецких войн, когда Габсбурги могли реально заняться внутренним устройством присоединенных королевств.

К началу XVII в. в результате проводимой Габсбургами полити-

ки выявилось три основных противоречия между чехами и венграми, с одной стороны, и центральной властью — с другой: невнимание императоров к национальным и конфессионным особенностям присоединенных стран, а также нарушение сословных привилегий. Все это создавало основу для антигабсбургского движения в чешских и венгерских землях.

Централизация нового Габсбургского государства осложнялась в первую очередь тем, что внутри самой Австрии (своеобразном домене, опоре династии) она не была завершена. Поэтому централизация нового государственного объединения проходила почти одновременно с централизацией внутри Австрийского эрцгерцогства. Во всех владениях оппонентами правящей династии являлись сословия. Централизаторские мероприятия, проводимые Габсбургами в Австрии, Чехии и Венгрии, носили сходный характер и фактически затрагивали общие для сословий этих стран свободы и привилегии. Это создавало почву для нахождения общих интересов у сословий и давало в дальнейшем возможность вместе бороться против Габсбургов.

Однако идея о совместных действиях против центральной власти распространяется среди сословий лишь в начале XVII в. — в то время, когда Габсбурги начинают наступать на права сословий.

Меры венского правительства в Венгрии во время Пятнадцатилетней войны с Турцией спровоцировали сословное восстание венгров во главе с Иштваном Бочкаи. Император Рудольф II, вынужденный сражаться на два фронта — против турок и Бочкаи, в 1606 г. пошел на переговоры с венгерскими сословиями, результатом которых стал Венский мир.

Венский мир способствовал прекращению войн с Турцией и заложил основу для венгерских религиозных и сословных свобод. Кроме того, он стал базой для большого сословного союза, который, начиная с 1606 г. и вплоть до битвы у Белой Горы, был препятствием на пути централизаторской и религиозной политики двора.

Сословия Австрии, Штирии, Чехии, Моравии, Лужиц выступили защитниками Венского мира перед лицом Рудольфа II. Венский мир привлекал их обещанием прекратить войны с Турцией, а главное, в политических и религиозных требованиях венгров (предоставить религиозную свободу магнатам, дворянам и свободным городам; восстановить органы сословного управления; избрать надора и казначея; предоставить всю полноту власти правителю Венгрии) они видели отражение своих интересов и претензий к Габсбургам. Видимо, заключение Венского мира означало для сословий Австрии и Чехии то, что и у них имеется шанс получить подобные свободы.

После ратификации Венского мира между сословиями начались первые серьезные переговоры. В сентябре 1606 г. венгерские сословия подписали гарантии, связанные с соблюдением Венского мира, для сословий Чешского королевства, Нижней и Верхней Австрии и сословий, относящихся к Штирии.

В этих грамотах говорилось о том, что венгерские сословия будут соблюдать «во всех частях... без нарушений... соглашение, заключенное с Его Величеством»⁶.

Это условие было очень важным для остальных сословий Дунайской монархии, так как и Рудольф II, и сословия Австрии и Чехии боялись, что Венгрия, противостоявшая Габсбургам, может перейти под патронат Турции⁷. В этом случае государство могло быть вновь ввергнуто в длительные войны, потому что между Турцией и Австрией с Чехией исчезал буфер, роль которого долгое время играла Венгрия. Следовательно, на пути турок для завоевания Габсбургских земель уже не будет никаких преград.

Венгры также клялись «соблюдать доброе соседство и взаимную любовь... на вечные времена»⁸ с сословиями соседних королевств и провинций. Эти гарантии были шагом для налаживания отношений, в первую очередь, с сословиями земель Чешской короны, так как в годы восстания Бочкаи хайдуки не раз совершали грабительские набеги на Чешское королевство⁹.

Несколькими днями позже — 26 сентября 1606 г. — подобные гарантии были подписаны сословиями Чешских земель¹⁰. Документ, направленный венгерскому Государственному Собранию и австрийским ландтагам, отдельно подписали сословия Чехии, Силезии, Моравии и Лужиц.

Сословия Чешских земель поручались за Рудольфа II. Они гарантировали, что король будет соблюдать все статьи Венского мира¹¹. Уже в этот момент определилась позиция чешских сословий: идя на союз с сословиями других земель Дунайской монархии, они тем не менее не отказывались от поддержки Рудольфа II и не переходили во враждебный ему лагерь¹².

Отдельно следует отметить гарантии, данные чешскими сословиями князю Бочкаи¹³. Этот факт является знаменательным: чешские сословия не поддерживали и не признавали князя Бочкаи и отказывались лично с ним вступать в переговоры. Но, видимо, желание заключить и сохранить Венский мир для чешских сословий значило очень много, если они пошли на предоставление гарантий персонально Бочкаи.

Таким образом, в конце 1606 г. сословия всех земель Габсбургской монархии участвовали в переговорах и заключении союза по охране Венского мира.

Смерть Бочкаи прервала начавшиеся между сословиями переговоры, которые возобновились лишь через год, в декабре 1607 г. Кроме того, появился новый участник переговоров — эрцгерцог Матиас — младший брат императора Рудольфа II¹⁴.

Эрцгерцог Матиас — третий сын императора Максимилиана II — согласно завещанию своего отца не получал во владение никаких территорий. Честолюбие и стремление к власти толкали его на различные политические авантюры (наместничество в Нидерландах, борьба за польскую корону), пока, наконец, в 1595 г. он не получил от Рудольфа II в ведение дела Австрии и Венгрии¹⁵. Ум и энергия эрцгерцога принесли ему огромную популярность в австрийских землях. Но, тем не менее, Матиас был недоволен своей второстепенной ролью в политической жизни. Заметив возрастающую неспособность Рудольфа II управлять государством, Матиас стал добиваться венгерской и чешской корон, а также признания его власти в австрийских землях. Сначала Матиас пытался претендовать на власть более или менее легитимным путем: в 1606 г. он заключил с эрцгерцогами договор, согласно которому его выбирали главой семьи Габсбургов вместо Рудольфа II, кроме того, эрцгерцоги предполагали потребовать от императора отречения от престола в пользу Матиаса и рекомендовали чешскому Сейму и венгерскому Государственному Собранию на ближайших заседаниях решить вопрос об избрании Матиаса своим королем¹⁶.

Однако вскоре эрцгерцоги испугались открытого выступления против Рудольфа II и отреклись от Матиаса. Эрцгерцог Матиас, потерпев поражение в своей относительно легитимной попытке получить власть, стал искать иной путь к престолу¹⁷. Совпадение его стремлений с интересами сословий, недовольных политикой Рудольфа II, послужило причиной их сближения.

Возобновившиеся в конце 1607 г. переговоры между сословиями Чехии, Австрии и Венгрии в первую очередь затрагивали проблему выполнения императором условий Венского мира: Рудольф II нарушил их почти сразу, поставив под вопрос сохранение мира в стране. Кроме того, ситуация в Венгрии осложнялась восстанием хайдуков¹⁸. В этих условиях эрцгерцог Матиас решил действовать независимо от Рудольфа II¹⁹. Он созвал венгерское Государственное Собрание на 11 января 1608 г. в Пожони и пригласил в конце декабря 1607 г. представителей австрийских сословий в Вену²⁰.

Австрийские сословия должны были определить свое отношение к событиям, происходившим в Венгрии; решить, кого из братьев — Рудольфа или Матиаса они поддержат ²¹. Сословия Нижней и Верхней Австрии произвели предварительные консультации «о всеобщем благополучии» ²² и решили, что «нельзя сделать ничего лучше, кроме как поехать в Пожонь» ²³ для переговоров с венгерскими сословиями.

Во время этих переговоров австрийские сословия подписали грамоту верности эрцгерцогу Матиасу, где говорилось, что в будущем они станут помогать ему против его врагов. Вожди верхнеавстрийских сословий — Рихард Чернембл, Вольф Вильгельм фон Фолькеншторф, Зигмунд Людвиг фон Полхайм и др. — вместе с Матиасом отправились в Пожонь ²⁴.

После совместных заседаний венгерских и верхнеавстрийских сословий в январе 1608 г. был заключен договор о создании в ближайшем будущем союза между сословиями ²⁵.

Свое желание заключить Конфедерацию с венгерскими сословиями австрийцы объясняли тем, что нарушение условий Венского мира грозит всеобщими бедами: «Бросив королевство Венгрию, соседняя Австрия окажется ввергнутой в многочисленные, тяжелейшие войны» ²⁶. «Ради общей свободы» австрийские сословия клялись соблюдать и защищать Венский мир. Можно предположить, что фраза «ради общей свободы» может заключать в себе двоякий смысл: с одной стороны — это свобода от турок, с другой — сословные свободы.

Рудольф II, узнав о начавшихся переговорах между сословиями, еще жестче повел свою антисословную политику в Австрии и Венгрии: опять отложил выборы надора в Венгрии ²⁷, произвел замены среди высшего клира, назначив на ключевые епископские должности своих сторонников, все государственные деятели, поддерживавшие Матиаса, были смещены со своих должностей ²⁸. Последней каплей, переполнившей чашу терпения сословий, стали попытки короля возобновить войну с Турцией ²⁹. Результатом необдуманных действий Рудольфа II явилось юридическое оформление Конфедерации венгерских и австрийских сословий.

Договорная грамота была подписана 1 февраля 1608 г. В подписании договора участвовали три стороны — эрцгерцог Матиас, сословия Венгрии, Нижней и Верхней Австрии ³⁰.

В договоре отмечалось, что на создание союза сословия подтолкнула крайняя необходимость. Целью Конфедерации называлось стремление «оберегать... королевство Венгрию... и ближайшие королевства и провинции от их уничтожения» ³¹, воспрепятствовать

отторжению Венгрии от христианства и опустошению австрийских провинций турками ³².

Условия существования союза венгерских и австрийских сословий были следующие: сословия Венгрии, Нижней и Верхней Австрии обязывались защищать и охранять Венский мир и все заинтересованные в нем стороны, если «кто-нибудь — враг или подстрекатель — нападет на членов союза или будет нарушать условия Венского мира» ³³. Сословия заявляли, что они будут защищать свои права до самой смерти.

Судя по этому, Конфедерация представлялась сословиям последней возможностью сохранить оставшиеся права и шансом получить новые.

В конце февраля Рудольф II ненадолго вышел из состояния депрессии и попытался изменить положение. Он направил сословиям Австрии и Венгрии строгие письма, в которых писал, что сословия совершают «незаконные действия внутри и вне страны» ³⁴. Рудольф II требовал прекращения не санкционированных высшей властью встреч и других начинаний «без ведома, желания, воли и совета» ³⁵ короля. Король выражал надежду на то, что в своих последующих действиях сословия будут считаться с его мнением. Он предупреждал, что если сословия отвергнут его предложения и объединятся с другими враждебными силами, то с ними поступят как с неповинующимися. Но обращение Рудольфа II, составленное в безапелляционном тоне, не изменило решение сословий. Ответ королю послал сам эрцгерцог, написавший, что Конфедерация сословий создана ради спасения Австрии и Венгрии ³⁶.

Тогда же Рудольф II предпринял последние решительные действия: он послал в Пожонь имперские войска для ареста лидеров оппозиционного движения. Армия, прибывшая в Пожонь, перешла на сторону Матиаса ³⁷. Денег на снаряжения нового войска у Рудольфа II не было ³⁸.

Согласно договоренности между сословиями и эрцгерцогом Матиасом был объявлен сбор сословного войска, смотр которому Матиас провел 1 марта 1608 г. ³⁹

Таким образом, для сословий Австрии и Венгрии путь к отступлению был отрезан.

Для успеха дела Конфедерации сословия-союзники и Матиас стремились заручиться поддержкой сословий Чешского королевства.

Здесь сразу же следует указать на особую структуру Чешского королевства. В состав чешского государства входили собственно Чехия, маркграфство Моравия, Силезия, Верхние и Нижние Лужицы. Доминирующее положение в королевстве занимали Чешские

земли. Но, тем не менее, сословия всех земель, входивших в состав Чешского королевства, участвовали на равных правах в решении важнейших государственных проблем (например, избрание чешского короля, вопросы войны и мира). Сословия этих земель, согласно земским договорам, имели право сами по отдельности определять свои отношения с королевской властью. Поэтому, когда встал вопрос об участии сословий Чешского королевства в Конфедерации, каждая из земель решила этот вопрос по-своему: чешские сословия остались верны Рудольфу II, моравяне сразу же перешли на сторону эрцгерцога Маттиаса⁴⁰, а сословия Силезии и Лужиц несколько позже — незадолго до победы Конфедерации⁴¹.

Безотносительно к происходившему в Венгрии и Австрии, ситуация в Моравии была очень напряженной. Неприкрытая контрреформация в маркграфстве, вмешательство короля в права сословий, особенно дворянства, приобрели в 1606–1608 гг. огромный размах.

3 февраля 1608 г. по требованию короля собрался Моравский сейм⁴². Однако на этом сейме сословия не занимались обсуждением дел, предложенных Рудольфом II. Они ждали результатов переговоров австрийских и венгерских сословий. После заключения в Пожони Конфедерации в сейме усилилась партия за союз с австрийскими и венгерскими сословиями⁴³.

Но, тем не менее, в первое время после получения этих известий моравские сословия занимали нейтральную позицию⁴⁴. Послание конфедератов моравским сословиям с предложением присоединиться к союзу совпало с вводом в Моравию императорских войск, которые должны были пройти через Моравию в Венгрию и Австрию⁴⁵.

Ввод императором войск в Моравию был воспринят сословиями этой земли очень враждебно⁴⁶. Они послали главе земли Л. Берке протест, в котором заявляли, что рассматривают этот шаг императора как попытку «лишить их жизни, имущества и привилегий» и грозили объединиться «с венграми и австрийцами только для того, чтобы сохранить свои права»⁴⁷. В ответ на это Л. Берке стянул войска к Брно, где собралось большинство дворян, и объявил их врагами короля⁴⁸. Несколько дней в моравском сейме шли переговоры между сословиями и Берке о снятии осады с города.

Отказ Берке вывести войска привел к тому, что моравские сословия потребовали его отставки, перечислив его преступления⁴⁹. Кампанию по смещению Берке возглавил один из руководителей моравских сословий К. Лихтенштейн⁵⁰.

В это же время моравские сословия отправили письмо Рудольфу II. В нем сословия протестовали против ввода войск в Моравию

блюдать условия Венского и Житваторокского договоров ради сохранения в рамках государства Австрии и Венгрии.

Сословия предупреждали Рудольфа II, что если он не удовлетворит их требований, они воспользуются своим правом на сопротивление монарху, зафиксированном в земском мире 1579 г., так как король нарушает их конституцию⁵².

То есть еще в этот момент сословия Моравии пытались разрешить свои проблемы с центральной властью мирным путем, возможно, серьезно еще не помышляя о вооруженном сопротивлении королю. Их заявление о том, что они воспользуются своим правом, записанном в земском мире, скорее можно воспринимать как попытку психологического давления на короля, чем реальную угрозу.

Отрицательный ответ императора на письмо моравских сословий вызвал смутнение и страх в моравском ландтаге. Среди сословий стала популярной идея о необходимости собственной защиты от короля в сложившейся ситуации. Поэтому на ландтаге было решено для защиты Моравии и сословий завербовать 1000 волонтеров и собрать для этого чрезвычайный налог⁵³.

Но далеко не все члены ландтага поддержали идею сопротивления королю. Прелаты и королевские города отказались участвовать в Конфедерации и послали своих представителей на Генеральный сейм, созданный Рудольфом II на 14 апреля 1608 г. в Праге⁵⁴.

Оппозиционная королю часть сословий понимала, что для победы над центральной властью необходимо их единство не только с сословиями соседних земель, но, в первую очередь, внутри страны. Поэтому в течение двух недель сторонники союза с Австрией и Венгрией пытались прийти к соглашению с прелатами и городами. Объединение моравских сословий произошло за день до начала Генерального сейма — 13 апреля 1608 г.⁵⁵ Это стало большой победой сословного движения, так как теперь эрцгерцог Матиас мог полностью рассчитывать на поддержку Моравии.

Первым делом пришедшего к согласию моравского ландтага стало смещение главы земли Л. Берке. Было избрано временное правительство во главе с Лихтенштейном. Сословия решили провести новую вербовку войск.

Второй вопрос, положительно решенный со всеобщего согласия, — приглашение эрцгерцога Матиаса и представителей венгерских и австрийских сословий для заключения союза.

На предварительных переговорах сословиями трех земель было решено, что Моравия присоединится к Конфедерации. Моравский сейм разрешал пройти по своим территориям сословным войскам, направлявшимся в Чехию, и предоставлял войскам провиант.

Наконец, 19 апреля 1608 г., был подписан документ, окончательно оформивший Конфедерацию моравских, венгерских и австрийских сословий⁵⁶. Цель договора, по заявлению сословий, заключалась в том, чтобы существенно расширить взаимопомощь сословий, если против Венского или Турецкого мира, «или против другого правого и законного дела будет действовать враг или нарушитель»⁵⁷. Что подразумевали сословия под этим «правым делом»? Только религиозную свободу или и замещение Рудольфа II Матиасом?

Эрцгерцог Матиас, стремясь закрепить завоеванный успех, издал гарантийные грамоты для сословий, где заявлял, что его войска не нанесут населению стран — участниц Конфедерации никакого ущерба, а если это случится, то он обязуется все компенсировать.

Эрцгерцог Матиас пытался добиться перехода власти в свои руки мирным путем, завоевав поддержку сословий всех земель Дунайской монархии. До осуществления мечты Матиаса оставался один шаг — лишь сословия Чехии оставались верны Рудольфу II.

Эрцгерцог Матиас, стремясь получить в союзники сословия Чехии, послал в Прагу в конце апреля 1608 г. для переговоров делегацию сословий-союзников. Во главе нее стоял К. Жеротин, хорошо знавший чешские реалии.

Речь Жеротина, от имени Матиаса просившего у чехов военной помощи и обещавшего охранять права и свободы сословий, не возымела действия. Чехи собрали войско, но не против Рудольфа II, а против Матиаса⁵⁸.

В этой ситуации Матиас видел только один выход — готовиться к войне с Рудольфом II. Послы папы римского и испанского короля не смогли примирить братьев. Вскоре войска Матиаса вступили на землю Чехии.

В этих условиях Рудольф II созвал чешский сейм на 24 мая 1608 г. Чешские сословия увидели для себя возможность в сложившейся обстановке добиться от короля множества уступок. Они были уверены, что Рудольф II, лишившийся почти всех своих союзников, будет готов пойти на многое, чтобы заручиться хотя бы чьей-то поддержкой.

На предварительном заседании 22 мая чешские сословия решили не обсуждать дела, предложенные королем, до тех пор, пока он не удовлетворит их религиозные и сословные требования.

Вождь чешских сословий Вацлав Будовец составил так называемые «25 пунктов», где были изложены пожелания сословий (предоставление свободы вероисповедания на основании Чешской

Конфессии^{*}, избрание комитета дефензеров, равноправие в представительных органах власти католиков и подобоев^{**}, замещение должности бургграфа)⁵⁹. 24 мая программа чешских сословий была зачитана, и Рудольф II пообещал выполнить все требования сословий, кроме разрешения свободы вероисповедания для евангелистов. Эту проблему предлагалось обсудить на ближайшем сейме. Чешские сословия были удовлетворены результатами переговоров.

Эрцгерцог Матиас не знал о достигнутой договоренности между чехами и королем и поэтому, дойдя с войсками почти до Праги, вновь послал к чешским сословиям Жеротина.

Жеротин объяснил чешскому сейму, почему Матиас начал эту военную экспедицию. Единственной целью Матиаса, по словам Жеротина, было стремление сохранить мир с турками ради спасения Венгрии и соседних стран и провинций. Матиас, говорил Жеротин, стремится защищать привилегии королевства Чехии, так как он «слышал много жалоб на то, что из-за плохих советников это королевство оказалось в руинах, и Его Императорское Величество из-за плохого здоровья может мало заботиться об управлении им, поэтому вместо него Богемией правят многие ленивые, ничего не значащие иностранцы»⁶⁰.

Значит, делал вывод Жеротин, нет ничего страшного в том, что Рудольф II удалится на покой в Тироль, а эрцгерцогу Матиасу передаст королевство Чехию, Моравию и Силезию. Но Жеротину и на этот раз не удалось убедить чехов.

Чешские сословия, договорившись накануне с Рудольфом II, не хотели рисковать и потерять то, что они фактически уже получили (религиозные требования сословий были выполнены Рудольфом II через год — в июле 1609 г. Религиозная свобода в Чехии закреплялась в Маестате).

Верность чешских сословий Рудольфу II объясняется, видимо, тем, что они боялись, перейдя на сторону Матиаса (кстати, одними из последних), потерять свое лидирующее положение в государстве. Было очевидно, что Матиас не станет переносить свою столицу в Прагу. Кроме того, сословия, вероятно, считали, что от ослабевшего Рудольфа II они смогут получить больше, чем от Матиаса.

Сразу же после отказа чешских сословий от союза, в июне 1608 г., начались военные действия между войсками Конфедерации и Рудольфом II, за которого сражались чехи⁶¹. Война была непро-

^{*} Конфессия, выработанная в 1575 г. совместно лютеранами, кальвинистами, чешскими братьями и новоутраквистами.

^{**} Для XVII в. синоним утраквистов.

должительной, но весьма кровопролитной. Войско Матиаса в несколько раз превышало армию Рудольфа II. Венгерская конница и австрийская артиллерия нанесли большой урон чехам. Уже через несколько дней стало ясно, что Рудольфа II и чешские сословия ждет поражение. Стремясь предотвратить разгром чешской армии, 8 июня 1608 г. на чешском сейме было принято решение начать переговоры с Матиасом ⁶².

В результате переговоров между Матиасом, Рудольфом II и сословиями Венгрии, Моравии, Австрии и Чехии было подписано несколько договоров и грамот: обращение Рудольфа II к сословиям-конфедератам, ответ их и эрцгерцога Матиаса, гарантии Матиаса сословиям. В этих документах эрцгерцог объявлялся королем Венгрии и законным правителем Австрии, маркграфом Моравии. Рудольф II называл Матиаса своим наследником в Чехии. Рудольфу II в обмен на передачу власти гарантировали мир и спокойствие, отсутствие всяких претензий со стороны сословий. Рудольф II оставался императором и королем Чехии ⁶³. Кроме того, Матиас обязывался «не принимать постов ни в королевстве Богемия, ни в инкорпорированных в него странах» ⁶⁴.

Таким образом, Матиас добился того, о чем мечтал: Конфедерация сословий принесла ему корону и власть.

Чего же смогли добиться сословия — участники Конфедерации? Сразу следует сказать, что результаты оппозиционного движения сословий были разными для всех участников Конфедерации. Больше всех выиграли от участи в сословном союзе венгерские сословия. Это было вызвано тремя основными факторами: во-первых, инициатива организации подобного сословного движения стран Центральной Европы принадлежала венграм (первым ее высказал И. Бочкаи). Во-вторых, венгерские сословия приняли самое активное участие в создании и действиях Конфедерации. Венгерские сословия выделили для акций Конфедерации больше войск и финансов, чем сословия Австрии и Моравии. Доминируя в тот период в Конфедерации, венгерские сословия могли совершенно спокойно требовать для себя от Матиаса больше уступок. В-третьих, Матиас боялся, что Венгрия по собственному желанию отойдет к Турции и он лишится короны. Поэтому он был готов удовлетворить многие из пожеланий венгерских сословий. Требования венгерских сословий, с которыми Матиас согласился, сразу же стали законами. Они вошли в Предкоронационные статьи Матиаса, изданные накануне его коронации венгерским королем ⁶⁵. Предкоронационные статьи частично повторяли условия Венского мира, но во многом расширяли сословные позиции. По Предкоронационным статьям власть

короля в Венгрии была максимально ограничена, решающая роль в управлении государством предоставлялась сословиям и сословным органам.

Первая статья Предкоронационных грамот повторяла первый параграф Венского мира: баронам, магнатам, дворянам, городам и воинам в пограничных областях предоставлялась религиозная свобода ⁶⁶.

Маттиас обещал сохранить мир с турками и не начинать войну без согласия венгров, не вводить иностранные войска на их территории. Большие права предоставлялись сословным органам — Венгерскому Совету, который находился в Вене, и Государственному Собранию: все дела король мог решать только с согласия Венгерского Совета. Государственное Собрание избирало двух главных лиц в государстве — надора и казначея ⁶⁷. В Предкоронационных статьях уже более четко, чем в Венском мире, говорилось о правилах избрания и функциях надора и казначея. В Предкоронационных статьях были параграфы не только об ограничении прав короля, «благородные» сословия Венгрии стремились ослабить и подчинить себе третье сословие. Так, шестая статья Предкоронационной Грамоты запрещала королю без согласия Венгерского Совета поднимать какое-либо местечко в ранг свободного королевского города и даровать любой городской общине недвижимость ⁶⁸.

Тринадцатая статья принуждала города к тому, чтобы венграм — в том числе дворянам, которые давно уже этого добивались, — разрешили приобретать в городе дома и занимать должности. Этим был нанесен очередной удар по и так уже нарушенным городским свободам ⁶⁹.

Предкоронационные статьи означали победу сословий над королевской властью. Но сословия не имели конструктивной программы преобразования государственного управления вместо существовавшей Габсбургской системы. Поэтому единственное, вероятно, что они могли сделать и к чему они стремились — это развалить ту государственную централизацию, которую создали Габсбурги за столь короткий срок, не противопоставив ничего взамен. У венгерских сословий не было самостоятельных современных управленческих органов, так как их развитие остановилось на государственном строе эпохи Ягеллонов, тонущем в анархии. Короля лишали права без согласия и ведома сословий начинать войну и вводить в страну иностранные войска. На время отсутствия в стране государя полной власти наделялся надор. Сословия требовали, чтобы Венгерскому Совету отводилась решающая роль в решении венгерских дел и

чтобы из него удалили тех, кто состоял не только в нем, но и в других придворных венских учреждениях.

Государственное Собрание стремилось восстановить и власть венгерской канцелярии, и назначение на должности венгров. Выступавшие против всяческих центральных учреждений сословия безуспешно противодействовали ненавистным им венгерскому и сепешскому казначействам, не могли их сломить, потому что были не в состоянии заменить их другими эффективными органами.

Победившее венгерское дворянство вместо введения новых органов для ведения финансовых дел ограничило права короля: потребовало возвращения отданных в залог или аренду иностранцам королевских поместий, рудников и таможенных сборов. Не было даже речи о том, чтобы обложить налогами венгерское дворянство.

Сословия надеялись, что одержали окончательную победу над центральной властью. Но скорее это был компромисс. Включение в состав сословной оппозиции и католического клира помогло не столько сословиям в их борьбе с королевской властью, сколько Габсбургам. Католический клир укреплял компромисс, так как он являлся тем мостиком, который соединял протестантские сословия и государя-католика. Это стало достижением венгерской контрреформации. За этот компромисс в дальнейшем протестантским сословиям пришлось еще долго расплачиваться.

Таким образом, можно сказать, что после победы Конфедерации у Венгрии было больше шансов, чем у остальных участников союза, добиться огромных уступок для сословий, значительно преобразовав государственное управление. Однако отсутствие созидательного начала в программе венгерских сословий свело все их достижения к минимуму.

Сословия Моравии и Австрии смогли получить от Матиаса лишь устные гарантии. Эрцгерцог не торопился с выполнением обещанного.

Сословия Моравии получили от Матиаса незначительные религиозные свободы и официальное разрешение на выборы нового главы земли. Им стал К. Жеротин, избранный за «образованность, ум и преданность интересам страны, сословий».

Под давлением Матиаса Рудольф II обязывался выплатить Моравии свои долги, оцененные в 700 тыс. золотых.

Следовательно, в положении Моравии никаких существенных изменений не произошло. Сословия не восстановили потерянных и не получили новых политических свобод и привилегий. Матиас смог обойтись общими фразами о его невмешательстве в дела сословий.

Австрийские сословия — опора Матиаса — в тот момент не получили ничего. Эрцгерцог обещал им выполнить все их пожелания на ближайшем ландтаге.

Сословия Моравии и Австрии немного получили в результате участия в сословной Конфедерации. Но, в отличие от венгерских сословий, которые сами не смогли рационально использовать свой шанс, австрийцы и мораване не реализовали свои требования из-за жесткой позиции Матиаса, не выполнившего и половины того, что обещал.

Коронация Матиаса означала победу Конфедерации сословий. События 1608 г. показали их силу и возможности. Возникновение и деятельность сословной Конфедерации в некоторой степени изменили ход социально-политического развития стран Дунайской монархии. Нельзя однозначно определить значение победы Конфедерации. С одной стороны, создание государства, где доминирующую роль играли сословия, стоявшие над центральной властью, было значительным шагом назад. По сравнению со странами Западной Европы, где уже существовали централизованные государства, Дунайская монархия выглядела анахронизмом.

Но с другой стороны, сильные сословия в полиэтничной Габсбургской монархии были залогом сохранения национальных государств — Чехии и Венгрии — в рамках Дунайской монархии. Создание же Конфедерации сословий способствовало укреплению единства самой Дунайской монархии.

Июльские торжества по поводу победы Матиаса и Конфедерации подвели черту под деятельностью союза сословий, но это отнюдь не означало распада Конфедерации. Новые проблемы, выросшие на месте старых, стали источником для новых противоречий между центральной властью и сословиями.

Несколько позже Конфедерация возобновилась уже в более широком составе. Казалось, что стала явью мечта Бочкай: создание сословной Конфедерации восточно- и центральноевропейских стран, чтобы позже на короткое время на самом деле возникнуть — в начале Тридцатилетней войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дунайская монархия — центральноевропейские владения австрийских Габсбургов, ядро которых лежало в Дунайско-Карпатском бассейне, термин, условно принятый в историографии. Об этом см.: *Szücs J. Vazlát Európa három történeti régiójáról*. Bp., 1983. 103–108. old.

² Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytar. 1000–1895. Bp., 1899.

³ Marcali H., Angyal D., Mika S. A magyar történelem kutatóinak kezikönyve. Bp., 1902.

⁴ Hammer-Purgstall. Klesls, des Kardinals des geheimen Kabinetes Kaisers Matias. Leben. München, 1895.

⁵ Catona St. Historia Critica Regum Hungariae. T. IX. Ord. XXVIII. Budae, 1794.

⁶ Marcali H. et al. Op. cit. 494. old.

⁷ Основания для таких опасений были, так как подобные идеи высказывались в Венгрии. Об этом см.: Újvári Zs. Nagy két császár birodalmai között. Bp., 1984. 153. old.

⁸ Marcali H. et al. Op. cit. 496. old.

⁹ Benda K. Absolutismus u ständischer Widerstand in Ungarn am Fnfang des 17Jh. München, 1974. 98. old.

¹⁰ Marcali H. et al. Op. cit. 497. old.

¹¹ Ibidem.

¹² Peter K. A magyar romlásnak századában. Bp., 1979. 9 — 20. old.

¹³ Marcali H. et al. Op. cit. 494. old.

¹⁴ Hammer-Purgstall. Op. cit. S. 248–249.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Catona St. Op. cit.

¹⁷ Mecensteffi G. Geschichte des Protestantismus in Österreich. Graz; Köln, 1956. S. 123.

¹⁸ Catona St. Op. cit. P. 787.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid. P. 786.

²¹ Mecensteffi G. Op. cit. S. 123.

²² Catona St. Op. cit. P. 787.

²³ Ibidem.

²⁴ Lenz G. Der Aufstand Bocskays u. der Wiener Friede. Debrecen, 1917. S. 82.

²⁵ Catona St. Op. cit. P. 802.

²⁶ Hammer-Purgstall. Op. cit. S. 76 (№ 207).

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. S. 85 (№ 210).

³⁰ Catona St. Op. cit. P. 801.

³¹ Ibidem.

³² Huber A. Österreichische Reichsgeschichte. Prag; Wien, 1895. S. 86.

³³ Catona St. Op. cit. P. 801.

- ³⁴ *Huber A. Op. cit. S. 496.*
³⁵ *Ibid. S. 497.*
³⁶ *Catona St. Op. cit. P. 802.*
³⁷ *Ibidem.*
³⁸ *Huber A. Op. cit. S. 497.*
³⁹ *Ibid. S. 498.*
⁴⁰ *Catona St. Op. cit. P. 802.*
⁴¹ *Ibidem.*
⁴² *Ibidem.*
⁴³ *Huber A. Op. cit. S. 499.*
⁴⁴ *Ibid. S. 500.*
⁴⁵ *Ibidem.*
⁴⁶ *Ibidem.*
⁴⁷ *Hammer-Purgstall. Op. cit. S. 97 (№ 216).*
⁴⁸ *Catona St. Op. cit. P. 807.*
⁴⁹ *Ibid. P. 809.*
⁵⁰ *Ibid. P. 810.*
⁵¹ *Ibidem.*
⁵² *Ibidem.*
⁵³ *Ibid. P. 811.*
⁵⁴ *Ibid. P. 810.*
⁵⁵ *Ibid. P. 811.*
⁵⁶ *Ibidem.*
⁵⁷ *Ibidem.*
⁵⁸ *Ibid. P. 812.*
⁵⁹ *Ibid. P. 813.*
⁶⁰ *Ibidem.*
⁶¹ *Ibid. P. 816–817.*
⁶² *Ibid. P. 822.*
⁶³ *Ibid. P. 813.*
⁶⁴ *Ibid. P. 815.*
⁶⁵ *Ibidem.*
⁶⁶ *Ibidem.*
⁶⁷ *Ibid. P. 813, 824.*
⁶⁸ *Huber A. Op. cit. P. 516.*
⁶⁹ *Catona St. Op. cit. P. 813.*

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО И ВЕНСКИЙ ДВОР (К вопросу о пребывании Великого посольства в Вене)

Шел 1698 год. Правительства западноевропейских стран лихорадочно готовились к войне за испанское наследство. Политический радиус испанских дел, несмотря на их отдаленность от Москвы, прямым образом затрагивал внешнеполитические интересы России¹. Австрия спешила освободить себе руки заключением мира с Османской империей. Русский резидент в Варшаве А. Никитин доносил из Польши, что «о мире особенно хлопочет английский король, принявший на себя, по просьбе султана, посредничество, вместе с Голландиею»². Вернувшись в апреле 1698 г. из Англии в Голландию, Петр I узнал о начале прелиминарных переговоров в Вене. Австрийское правительство предложило от имени союзников заключить мир на условиях *uti possedetis* — сохранения за каждой из сторон территорий, которыми они владеют к моменту начала переговоров. Это явно противоречило интересам России, которая добивалась свободного выхода к Черному морю. В середине мая 1698 г. Петр направился в Вену с целью отговорить императора Леопольда I от намерения заключить мир с османами и убедить союзников в необходимости продолжения войны³.

Пребывание Великого посольства в Вене (1698 г.) не раз было предметом исторических исследований. О нем писали, ссылаясь на хранящиеся в московских и венских архивах документы, Н. Устрялов, А. Брикнер, М. Богословский⁴ — о нем упоминали все, чье пристальное внимание привлекала личность Петра I⁵. Западноевропейская историография тоже уделяла внимание этим страницам из жизни царя, цитируя в основном публикации Н. Устрялова и М. Богословского⁶ и ссылаясь на источники из венских архивов⁷.

Историки подчеркивали в основном недовольство Петра позицией императора Священной Римской империи, который вел мирные переговоры за спиной своих союзников и собирался заключить мирный договор, не учитывая интересы России. Источники дают обзор дипломатической переписки и дворцовой жизни в Вене, со-

средоточиваясь прежде всего на внешней форме церемонии приема посольства и наблюдениях общего характера ⁸.

Казалось, ничего нового прибавить нельзя, кроме отдельных мелких подробностей о пребывании Петра в Вене: встречался ли он 27 июня с принцем Евгением Савойским, как об этом упоминал В. Киш ⁹; посещал ли он князя Эстерхази в Киттзее (18–20 июля), возвращаясь из Пресбурга (Братиславы), о чем свидетельствует разбитая кружка с русским гербом в экспозиции этнографического музея в Киттзее (Бургенланд) ¹⁰; разговаривал ли он 20 июля на стройке Шенбрунна с Фишером фон Эрлахом, одним из самых выдающихся архитекторов эпохи барокко ¹¹.

Итак, в историографии утвердилось мнение, что Петр спешил в Вену, чтобы повлиять на ведущиеся переговоры. Только, как справедливо отмечал Н. Молчанов, «если Петр спешит, чтобы вмешаться в переговоры о мире и оказать на них свое влияние, то почему он начал спешить так поздно? Ведь первые сведения о сепаратных мирных переговорах между Турцией и Австрией и о посредничестве в этом деле Англии и Голландии Петр получил примерно за два месяца до приезда в Вену!» ¹².

В конце апреля австрийский посол в Лондоне граф Ауерсперг доносил в Вену, что царь был с прощальным визитом у короля Вильгельма III и узнал о прибытии в Вену секретаря лорда Педжэта (английского посла в Константинополе) с некоторыми мирными предложениями. Он выразил недовольство, что король не сообщил ему об этом и, вероятно, собирается противодействовать заключению мира, когда он прибудет ко двору императора ¹³.

В Амстердаме Петра ожидали новые вести. Послы передали ему, что 13 (23) апреля состоялся визит «цесарского дворянина барона Пареса», который «имел с ними приватной разговор» и объявил, что император склоняется к миру с турками поневоле, «потому что велию имеют тесноту и факцы от француза» ¹⁴.

5 (15) мая послов посетил Христофор Бозе и сказал, что им получено от короля Августа II повеление объявить секретно послам, что цесарь и «Речь Посполитая Венецийская», находя сделанные турками предложения выгодными, хотят заключить с ними мир, причем посредником выступает английский король, а польский король «к этому миру не склонен» ¹⁵.

10 (20) мая Бозе вновь нанес визит послам и на этот раз сообщил более подробные сведения о готовящемся распаде Священного союза. На вопрос, кем были посланы эти предложения и какова их суть, он ответил, что после победы императорских войск над турками великий везир обратился к английскому резиденту лорду Педжэту и

дал ему статьи турецкого султана, в которых императору и «венецианам» уступались «все завоеванные места», а спорными оставались только Семиградские земли. Польский посол интересовался, нельзя ли русскому царю и польскому королю «ту войну войски своими одними продолжать»¹⁶. На вопрос, не собирается ли император тайно от своих союзников заключить мир, Бозе сказал, что у него такой информации нет, но если императору обещают Семиградскую землю, то он и «суток не будет мешкать и тот мир примет»¹⁷.

12 (22) мая пришло письмо резидента А. Никитина из Варшавы, который сообщал послам, что к нему в Варшаву приезжал цесарский посланник «облегат» и передал ему копию с грамоты императора, отправленной в Москву Петру. Император уведомлял своего союзника о мирных предложениях Османской империи и уверял его, что без договоренности со своими союзниками «в договоры вступать не будет». Посол передал также Никитину «шесть списков... с выписки из листа везирского к королю Английскому и с листа короля Английского к Цес. В-ву, с листа Кинского к послу английскому, с статей турских, с листа к Цесарю от Статов Галанских», и А. Никитин послал все письма великим и полномочным послам¹⁸. Какую важность придавал Петр документам, присланным Никитиным, видно из его указа выдать резиденту в награду 500 золотых и «те золотые послать к нему с Москвы»¹⁹.

15 (25) мая, опережая Великих послов, Петр выехал из Амстердама и двинулся сухим путем к «цесарской границе»²⁰. Дорога его шла через Нимвеген, Клеве, Лейпциг, Дрезден и Кенигштейн.

11 (21) июня, подъезжая к Вене, посольство прибыло в деревню Штокерау, в 28 верстах от столицы Священной Римской империи. Тут представители Великого посольства столкнулись со скрупулезным соблюдением венским правительством норм и правил дворцовых церемоний.

С приездом Петра венский двор находился в довольно затруднительном положении: каким образом можно было оказать необходимые почести высокому молодому человеку, который под именем Петра Михайловича принимал участие в посольстве. С одной стороны, это был один из десятников отряда волонтеров, а с другой — правитель независимого государства, руководивший, хотя и неофициально, деятельностью Великого посольства. Выбранная церемония для встречи посольства казалась русским дипломатам оскорбительной и не соответствующей рангу Великого посольства. Не устраивала послов и отведенная им в самом городе резиденция. Был послан Адам Вейде, один из членов посольства, искать новую квар-

тиру, и он нашел два дома — один графа Чернини в Пратере близ Дуная и другой графа Кенигсека в противоположной стороне, в Гумпендорфе, на берегу реки Вены и недалеко от летней резиденции императора «Фаворита»²¹. Четыре дня — с 11 (21) по 14 (24) июня — шли переговоры о протоколе въезда посольства в Вену. Австрийская сторона согласилась удовлетворить часть требований, и в четверг 16 (26) июня состоялся торжественный въезд. Утомительные переговоры о церемонии заставили Петра уехать из «подложного стана» раньше на почтовых²².

Посольство не могло вступить в официальные переговоры до торжественной аудиенции у императора, а она не могла состояться, так как нужные дипломатические подарки, которые принято подносить во время аудиенции, еще не были получены из Москвы. Поэтому царь начал добиваться личного свидания с Леопольдом. С этой целью уже в Штокерау было объявлено через императорского советника барона Барати обергофмейстеру, что русский государь, который находится при посольстве инкогнито, желает как можно скорее встретиться с императором неофициально, без церемоний. По приезде в Вену Лефорт снова известил об этом обергофмейстера князя Дитрихштейна. 18 (28) июня на посольский двор приехал вице-канцлер граф Томас Чернини и объявил, что он послан его императорским величеством узнать о намерениях царя. Аргументы Петра, по-видимому, смогли убедить вице-канцлера в необходимости свидания, и Леопольд согласился принять его частным образом²³.

Встреча состоялась на следующий день — 19 (29) июня, в воскресенье, в летнем дворце «Фаворита»²⁴. Карета графа Чернини подъехала в половине шестого вечера к резиденции, и Петр, поднимаясь по винтовой лестнице, вошел в галерею с девятью окнами по обеим сторонам. На встрече присутствовали обергофмейстер князь Дитрихштейн, граф Карл Вальдштейн, канцлер граф Франц Ульрих Кински, граф Генрих Мансфельд и князь Леопольд Монтекукколи. С русской стороны — генерал Лефорт, который одновременно являлся и переводчиком, генерал Ф. А. Головин, думный дьяк П. Б. Возницын и один из дворян свиты. *Ceremoniall Protocolle* дает короткое описание встречи и внешнего вида царя. Петр был одет в темный голландский кафтан с поношенным галстуком и при вызолоченной шпаге без темляка. Составителю протокола он показался довольно стройным и с приятным выражением лица²⁵.

Царь нетерпеливо зашагал навстречу императору, сорвав всю строгость этикета, и обратился к нему с приветствием на русском языке. Лефорт перевел его. Дальше государи отошли в нишу окна и там вели между собой короткий разговор, единственным свидетелем

лем которого был Лефорг. В Ceremoniall Protocolle упоминается, что разговор длился четверть часа и ограничился учтивыми комплиментами и уверениями в дружбе. Больше о содержании беседы мы узнаем из письма Лефорга в Женеву, в котором сообщалось, что темой разговора был вопрос о войне и мире²⁶. Среди дипломатов ходили слухи о том, что оба государя в своей беседе все-таки затронули восточный вопрос, но в какой мере — неизвестно²⁷. Что касается результатов этой встречи, составитель протокола отметил, что Петр остался доволен: «...hat geschinen, Er sey Von Ihre Mayt. Vergnügt weggegangen»²⁸.

Почтительное отношение и преклонение Петра перед императором Священной Римской империи во время аудиенции 19 (29) июня служили предметом оживленных разговоров. История изобилует пикантными подробностями, которые происходили во время путешествия Петра в Голландию и Англию, но ни у кого из иностранных дипломатов не было подобных наблюдений в Вене. В своих донесениях они писали о воспитанности, цивилизованности царя и о его хороших манерах²⁹.

Когда Петр I приехал в Вену, у Леопольда I за спиной были почти 40 лет правления. Ему было 18 лет, когда его выбрали императором Священной Римской империи. Он не был особо талантливым полководцем, хотя в годы его правления войны империи следовали одна за другой. Но зато Леопольд I проявлял особый интерес к теологии, искусству, дворцовым церемониям и большую любовь к музыке. Известно, что он сам сочинял оперы и писал сонеты на итальянском языке³⁰. Воспитанник иезуитов, чрезвычайно благочестивый и набожный, Леопольд поражал «феноменальной нерешительностью во всем, в чем только ему приходилось проявлять свою волю»³¹. Это объясняло и его традиционное для Габсбургов пристрастие к этикету, который избавлял во многих случаях от затруднений и необходимости делать выбор и принимать решения³².

После визита к императору 21 июня (1 июля) Петр послал в письменном виде с графом Чернини донесение государственному канцлеру графу Кинскому со следующими вопросами на немецком языке: 1. Каково намерение императора в турецкой войне: продолжать ли ее или искать мир? 2. Если император намерен заключить мир, то на каких условиях? 3. Известно, что турецкий султан ищет у императора мира через посредничество английского короля; какие условия предлагаются императору и союзникам?³³

Граф Кински, стоявший во главе ведомства иностранных дел, славился как тонкий, искусный дипломат, «человек больших знаний», но очень нерешительного и тяжелого характера. Ему при-

шлось созвать конференцию императорских министров, чтобы обсудить ситуацию. Приглашен был и венецианский посол Рудзини ³⁴.

Хронологию событий при дальнейших переговорах передают нам статейные списки ³⁵: 24 июня (4 июля) Кински посетил послов и вручил им ответные статьи и две связки писем. Ознакомившись с письменным ответом, Петр захотел выслушать личные объяснения великого канцлера, и на следующий день — 26 июня (6 июля) — граф Кински прибыл к послам и разговаривал с царем.

24 июня (4 июля) у послов был и другой посетитель, уполномоченный польского короля Августа II генерал Карлович, который был принят Петром. Тайный разговор имел доверительный характер и, вероятно, как считает Н. Павленко, явился «важной вехой в установлении дружественных, а затем и союзнических отношений» между обоими государствами ³⁶.

27 июня (7 июля) к послам пришел английский резидент Старлат поздравить их с приездом в Вену. В статейном списке отмечено, что после поздравления он просил послов не досадовать насчет молчания о переговорах со стороны короля, так как оно было связано с просьбой императорских министров, которые настаивали не объявлять о посреднической деятельности Англии ³⁷.

30 июня (10 июля) Кински принес ответы императора: на первый вопрос — что он будет стараться исполнять союзные обязательства; на второй — что он имеет причину требовать уступки к завоеванному — крепости Керчь, но видит «великую» и «непреодолимую» трудность, «понеже они (турки. — *И. Ш.*) от того, чего они не потеряли, отступить не обыкли». Пока будут вестись переговоры, император советует своему союзнику «в готовности стоящее оружие ко взятию крепости Керчи еще ныне употреблять». И на третий вопрос: «В случай же несоглашения на уступку Керчи турок, чтоб продолжать войну до 1701 года, то о сем рассуждать еще время есть, так как съезд еще не начат...» ³⁸.

14 (24) и 15 (25) июля состоялись еще две неофициальные встречи императора с Петром. На первую встречу Леопольд явился инкогнито в резиденцию великих послов в сопровождении графа Кинского и графа Дитрихштейна. Вторая встреча произошла в летней резиденции «Фаворита» ³⁹.

Пока велись дипломатический зондаж и неофициальные разговоры о выяснении позиции австрийского правительства и о шансах России получить выход к Черному морю, Петр использовал свою неутомимую энергию для удовлетворения любознательности и осмотрел все достопримечательности Вены и ее окрестностей.

На основании донесений резидентов из Дрездена и других городов австрийским правительством был заранее изготовлен список, который включал посещение кунсткамеры, картинной галереи, дворцовых и других библиотек, новой школы для верховой езды, цейхгауза, Пратера, Аугартена, новыхстроек, торговых лавок и охоту⁴⁰.

Среди развлечений, устроенных венским двором для царя, помимо оперы 23 июня (3 июля) надо назвать праздник в день именин Петра 29 июня (9 июля) и бал-маскарад, так называемый *Wirtschaft*, который состоялся 11 (21) июля. Более 20 лет в связи с войной с Османской империей этот праздник не проводился, и теперь его устроили в честь царя. Присутствовала вся элита венского двора. Иохан Шварц упоминает, что на балу был и Евгений Савойский. Все были одеты в костюмы разных племен и народов мира. Петр и его придворная дама Иохана фон Тури были в костюмах фрисландских крестьян⁴¹.

Петр побывал с визитом у императрицы и у римского короля Иосифа — будущего императора Иосифа I. По сообщению Брикнера, «отношения царя к австрийскому двору были весьма дружеския и непринужденныя»⁴².

Папский нунций, высокопоставленные духовные лица, венецианские и испанские послы следили с напряженным вниманием за действиями Петра и удивлялись тому интересу, который он проявлял к религиозным делам. Его встречи и разговоры с иезуитом Вольфом были поводом для размышлений о будущей унии. В католических кругах питали надежду на успешную пропаганду католицизма в России. Само папское правительство в июне 1698 г. было конфиденциально уведомлено боярином П. Б. Шереметьевым о намерении Петра посетить Рим и ожидало его⁴³. В день своих именин царь присутствовал при католическом богослужении, и патер Вольф, восхваляя царя, объявил «по-словенски»: «Дабы Господь Бог яко апостолу Петру дал ключи, так бы дал Великому Государю... взять ключи и отверсть турецкую область и ею обладать»⁴⁴.

Наконец, 17 (27) июля, приехали посланные из Москвы дворянин Володимер Борзой и подьячий Степан Волков и привезли «посылочную казну, соболи и камки»⁴⁵. Им пришлось ехать два месяца из Москвы в Вену. Еще 22 мая Корб записал в своем дневнике: «Один родственник последнего Посла Московскаго при Цесарском дворе, Козьмы Никитича Нефимонова, повез в Вену различные дары из Царской казны, состоящие в дорогих мехах, для имеющаго прибыть туда великаго посольства»⁴⁶.

Так как верительная и полномочная грамоты, взятые из Москвы, при изменившейся политической обстановке явно не отвечали потребностям, статейные списки сообщают нам, что в тот день было указано подьячему Михайлу Ларионову написать новые на пергаменте ⁴⁷. Интерес представляет пометка думного дьяка П. Возницына: «7206-го июля в 10 день В. Г-рь слушав указал такову свою грамоту, написав в лист на пергамин, своим великим послам Цес. в-во на посольстве подать, а прежнюю... отставить, для того что та грамота по настоящему времени не годилась» ⁴⁸. То есть решение написать новые грамоты было принято еще 10 (20) июля, до приезда Володимера Борзого.

Во время путешествия посольство, как мы видим, вело активную дипломатическую переписку и было в постоянных сношениях с Посольским приказом. Частью через него, а отчасти непосредственно оно получало грамоты из различных государств и посылало ответы. Так, от императора была получена грамота о победе Евгения Савойского недалеко от Зенты на реке Тисе в сентябре 1697 г., и Петр отправил 15 (25) октября 1697 г. из Амстердама ответ с поздравлениями ⁴⁹. Для официальной переписки посольство взяло с собой в дорогу две новые, особые, отличавшиеся от употреблявшихся в Москве серебряные государственные печати (большую и малую), а также «ящик к печатем; да два мешочка сургучю красного 6 фунтов, да черного фунт; чернил сухих 2 фунта... бумаги доброй пять стоп, александрийской 3 дести; свечи восковых витых пуд... 10 пергаминов; тиски к печатем добрые; воску красного 10 фунтов» и т. д. ⁵⁰

В новой верительной грамоте после полных титулов царя и императора шел новый текст, в котором подчеркивалась «древность» и «непоколебимость» братской дружбы: «Усмотря мы Великий государь, наше Царское Величество, сего настоящего времени нам Великим Государем и государством нашим, и всему христианству потребные и пожиточные дела, обычаем древних любительских наших пересылок, в надежду оной послали к Вам... наших... послов... которым наказали тое постоянную и древлеукрашенную... дружбу и любовь... утвердить... и общепотребные дела удобно и благополучно совокупить» ⁵¹.

Официальная аудиенция состоялась 18 (28) июля. После длительной церемонии поздравлений Лефорт, Головин и Возницын подошли к императору и вручили ему новую, завернутую в шелковую узорчатую ткань верительную грамоту, которую император «положил подле себя на столе» *. Источники упоминают, что царь присут-

* «И Цес. В-во принял тое грамоту у них сам, в камке» ⁵².

являлся инкогнито на официальном приеме и во время церемониального угощения стоял у стола Лефорта⁵³.

Получив письмо Ромодановского о том, что стрельцы взбунтовались и идут к Москве, Петр отказался от поездки в Венецию и 19 (29) июля, после визита римского короля Иосифа, поспешно отправился в Россию. В тот день за ним последовали Лефорт и Ф. Говин.

Вернемся к вопросу, почему Петр не спешил, хотя заранее получил известия о переговорах в Вене.

Ответ на этот вопрос нам дают как уже вышеуказанные опубликованные документы, так и некоторые другие из Венского государственного архива (HHStA-Wien). Они находятся в фонде Russland I и представляют нам возможность по-новому взглянуть на дипломатические ходы Петра. Это черновики писем Леопольда, в которых император извещает своего посла в Москве Гварриента и своего соратника — русского царя о предложении Турции начать мирные переговоры, о посреднической деятельности Англии и Голландии и о действиях в связи с этим графа Кински. Письма датированы 23 апреля 1698 г. Черновик письма императорскому послу Гварриенту написан на немецком языке, а черновик грамоты для Петра на латыни⁵⁴. Это те самые письма, о которых из Польши в мае сообщал А. Никитин.

Императорское посольство было направлено в Москву после заключения в 1697 г. между Священной Римской империей, Россией, Польшей и Венецианской республикой оборонительного и наступательного союза против Османской империи. Послы находились в России с 24 марта (3 апреля) 1698 по 28 июля (7 августа) 1699 г. Во главе посольства стояли Игнатий Христофор фон Гварриент и Ралли, который в должности секретаря в составе другого цесарского посольства уже побывал при московском дворе. Подробности о пребывании посольства в Москве известны благодаря дневнику Иоахима Корба⁵⁵.

Так, он сообщает нам, что 14 (24) июня в доме думного дьяка Е. Украинцева состоялось совещание, на котором императорским послам была выражена благодарность «...за столь дружественное со стороны Цесарского двора сообщение как условий мира, предложенных Оттоманской Портой... Министерство позволило себе дать по этому поводу следующее дружественное объяснение: в силу третьей статьи трехлетнего договора всякому из союзников позволено выслушивать предложение мира на почетных условиях и подвергать их обсуждению; но при этом означенный союзник должен

немедленно уведомить остальных о сделанных предложениях... и сообщить им весь ход переговоров»⁵⁶.

В Венском архиве хранятся письма-донесения Гварриента, самым известным из которых является письмо от 27 июня о стрелецком бунте в Москве. В зашифрованной части письма от 13 мая он спрашивает, будет ли возможна встреча Петра с императором, когда русский царь приедет в Вену⁵⁷.

Другой документ — это официальная русская грамота для участия П. Б. Возницына в мирных переговорах. Рассматриваемая грамота опубликована в Памятниках дипломатических сношений⁵⁸. После полных титулов царя и императора следует указ царя:

«...Мы Великий Государь наше Царское Величество по доброму с вами, братом нашим, Великим Государем с вашим Цесарским Величеством согласию и по союзному обязательству, на том съезде указали быть нашему великому и полномочному послу ясне великому думному *советнику* и наместнику Болховскому Прокопью Богдановичу Возницыну, которой ныне обретается при вашем Цесарского Величества дворе в Вене, и наказали ему дабы оной, купно с вашими Цесарского Величества и иных союзных наших с послы, с теми турскими послы на съезде был, и за нашу Царского Величества сторону разговор имел и на пристойных статьях по нашему Царского величества указу естли до того дойдет, договор учинил и утвердил... Писан Государствия нашего в дворе в царствующем велицем граде Москве, лета от создания мира 7206, месяца июня 19 дня, государствования нашего 16 году»⁵⁹.

Грамота написана на александрийском листе и запечатана большой государственной печатью под бумажной кустодией с фигурами. Имена и титулы обоих государей написаны золотом⁶⁰.

Слово «советнику» добавлено между строками другим почерком и более светлыми чернилами. Богословский отмечает, что в последние дни своего пребывания в Вене Петр отдал целый ряд распоряжений. Первый и второй послы должны были ехать с ним в Москву; третий оставался в Вене, получив полномочия продолжать переговоры с императорским двором и затем быть представителем России на предстоящем мирном конгрессе. При этом П. Б. Возницын был возведен из думных дьяков в звание «думного советника», не существовавшее до тех пор в Московском государстве. «Этот более пышный титул давался Возницыну для поднятия его значения при предстоящих переговорах»⁶¹.

Никто до сих пор не обращал внимания на то, что грамота датирована 19 (29) июня, а не 19 (29) июля, днем отъезда Петра. Третья грамота, о которой в статейном списке говорится, что она была со-

ставлена по приказу царя в тот самый день, датирована 19 (29) июля 1698 г., т. е. днем отъезда Петра. Она была отправлена в Курляндию Елисавете Софии и выражала соболезнования по поводу смерти ее супруга ⁶².

Мы предполагаем, что дата 19 (29) июня была выбрана неслучайно для датировки грамоты. В тот день состоялась первая встреча Петра с императором, и от этой встречи во многом зависели будущие дипломатические переговоры. Нельзя согласиться с мнением Н. Павленко, который считает, что «с деловой точки зрения свидания царя с императором... не имели никакого значения» ⁶³. Император являлся не частным лицом, хотя встречи носили неофициальный характер.

Нельзя согласиться и с В. Бугановым, который писал, что «Петр пытался воздействовать на ход переговоров, ставил перед венским двором вопрос о соблюдении союзного договора», но Россию от переговоров «бесцеремонно отстраняли, пренебрегая ее интересами» ⁶⁴.

Еще в Амстердаме Петру было ясно, что международный конфликт в Западной Европе, связанный с вопросом о судьбе владений испанской короны, поглощал все внимание ведущих европейских государств, и все другие проблемы и конфликты рассматривались ими через призму этого вопроса и отодвигались на второй план ⁶⁵. Отговорить императора Священной Римской империи от заключения мира было уже невозможно, и Петр старался убедить его в том, как важно для России получить Керчь.

Для австрийской политики было очень важно сохранение дружественных отношений с Россией, которая не могла играть решающей роли в будущей войне за испанское наследство, но зато, оказывая и в дальнейшем давление на Османскую империю, могла помочь планам Священной Римской империи. Поэтому Леопольд проявлял полную лояльность к своему партнеру, сообщая ему о переговорах в Вене и о посреднической роли Англии и Голландии неофициально через своего резидента в Амстердаме барона Пареса и официально в письме от 23 апреля 1698 г.

Для России было ясно, что союз, заключенный на три года, обречен, и у него нет будущего. Нужно было получить поддержку императора и надеяться, что на мирных переговорах Священная Римская империя воспользуется своей силой победителя и сумеет получить Керчь для своего союзника России. Можно утверждать, что в ходе посольства Петр наряду с официальной целью — активизацией деятельности антиосманского союза — имел и другую, а именно дипломатическую подготовку антишведского пакта (переговоры

в Бранденбурге и затем с Августом II). Дипломатические переговоры в Вене позволили ему убедиться, что если европейские державы не будут поддерживать будущий союз, то они не будут и препятствовать его действиям против шведов.

Как мы видим, в ходе венских переговоров Петру удалось в какой-то мере заручиться поддержкой императора, но несколько месяцев спустя результат оказался совершенно другим. Мирные переговоры на Карловицком конгрессе не привели к ожидаемому русскими результату. В связи с этим в историографии утвердилось мнение, что еще в июле 1698 г. Россия была изолирована, ее отстранили от переговоров и никто не защищал ее интересы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бобылев В. С.* Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 25.

² *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. С. 112.

³ *Павленко Н.* Петр Великий. М., 1994. С. 79.

⁴ *Устрялов Н.* Указ. соч. С. 118–151, 612–613; *Брикнер А.* История Петра Великого. СПб., 1882. С. 188–194; *Богословский М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. II. М., 1941. С. 456–549.

⁵ *Павленко Н.* Указ. соч. С. 79–81; *Молчанов Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 100–111; *Буганов В.* Петр Великий и его время. М., 1989. С. 45–46.

⁶ *Wittram R.* Peters des Großen erste Reise in den Westen // *Jarbücher für Geschichte Osteuropas.* 1955. S. 373–403 (О Вене см.: S. 400–403); *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Bd. I. Göttingen, 1964. S. 162–167; *Massie R.* Peter der Grosse und seine Zeit. Athenäum, 1982. S. 192–201; *Troyat H.* Peter der Grosse. Herrsching, 1900.

⁷ *Schwarz J.* Die Kaiserliche Sommerreidenz Favgrita auf der Wieden in Wien 1615–1746. Wien, 1898. S. 39–44; *Kisch W.* Die alten Strassen und Plätze (IV–X Bezirk). Wien, 1895. S. 294–299; *Schlöss E.* Über die Begegnungen des Zaren Peter I. mit Kaiser Leopold I // *Wiener Geschichtabläuffer.* 1994. Heft 3. S. 149–162.

⁸ Haus- Hof und Staatsarchiv in Wien (далее — HHStA). Russica. Karton 17 (1697–1698). Karton 18 (1698–1699); *Ältere Ceremonialacten (ACA).* Karton 18 (1695–1698); *Zeremonialprotokolle 1692–1699, Bd. 5; Theiner A.* Monuments Historiques Relatives aux Regnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand Czars de Russie. Rome, 1859; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. VIII. СПб., 1867; Т. IX. СПб., 1868; *Устрялов Н.* Приложения // *Устрялов Н.* Указ. соч. Т. III. С. 419–652; *Шмурло Е.* Сборник документов, отно-

связанных к истории царствования Императора Петра Великого. Т. 1. 1693–1700. Юрьев, 1903; Письма и бумаги Императора Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887.

⁹ *Kisch W.* Op. cit. S. 296. Пока нет доказательств о прямых встречах и разговорах Петра с Евгением Савойским. Витрам считает, что отрывки дневника, опубликованные В. Кишем, это поздняя модернизированная переделка той информации, которая была отпечатана в *Teatrum Burgaesum; Wittram R. Peter I...* S. 431.

¹⁰ *Schlöss E.* Op. cit. S. 158.

¹¹ *Kisch W.* Op. cit. S. 297.

¹² *Молчанов Н.* Указ. соч. С. 105.

¹³ *Богословский М.* Указ. соч. С. 380. Ср.: С. 490.

¹⁴ ПДС. Т. VIII. С. 1227.

¹⁵ *Богословский М.* Указ. соч. С. 412; ПДС. Т. VIII. С. 1253–1256.

¹⁶ ПДС. Т. VIII. С. 1266.

¹⁷ Там же. С. 1271.

¹⁸ Там же. С. 1272.

¹⁹ Там же. С. 1290.

²⁰ *Богословский М.* Указ. соч. С. 425.

²¹ *Устрялов Н.* Указ. соч. С. 123.

²² Там же. С. 612.

²³ Там же. С. 125–126.

²⁴ Сейчас там находится Дипломатическая академия (*Theresianum*), основанная Марией Терезией в 1746 г.

²⁵ «...auf Holändisch, einen Vergolten degen, ohne Tazl, und mit schlichten Halbtuch, im übrigen von keiner üblen mine». См.: *HHStA-Wien. ZA. Prot. Bd. 5. S. 420 f., hier S. 424.*

²⁶ *Posselt M.* *Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit.* Bd. 2. Frankfurt am Main, 1866. S. 486 f.

²⁷ *Theiner A.* Op. cit. S. 375; Ср.: *Брикнер А.* Указ. соч. С. 190.

²⁸ *HHStA-Wien. ZA. Prot. Bd. 5. S. 421 f.*

²⁹ *Богословский М.* Указ. соч. С. 469, 474; См.: *Шмурло Е.* Указ. соч. С. 404; *Theiner A.* Op. cit. S. 375, 371 f.

³⁰ *Schwarcz J.* Op. cit. S. 32–34.

³¹ *Богословский М.* Указ. соч. С. 471.

³² Там же.

³³ ПДС. Т. VIII. С. 1334–1335.

³⁴ *Богословский М.* Указ. соч. С. 477–478.

³⁵ ПДС. Т. VIII. С. 1338–1366.

³⁶ *Паваленко Н.* Указ. соч. С. 80; *Богословский М.* Указ. соч. С. 481–486.

- ³⁷ ПДС. Т. VIII. С. 1360–1361.
- ³⁸ Там же. С. 1363–1366.
- ³⁹ *Schwarzc J.* Op. cit. S. 43 f.
- ⁴⁰ ННStA-Wien. Cer. Acte, f. 72. Vorschlag die Unterhaltung für die Czar Peter I.
- ⁴¹ *Schwarzc J.* Op. cit. S. 42–43, 104; АСА. Karton 18, f. 33v.–34v.; *Павленко Н.* Указ. соч. С. 80.
- ⁴² *Брикнер А.* Указ. соч. С. 191.
- ⁴³ *Шмурло Е.* Указ. соч. № 498, 641, 644.
- ⁴⁴ ПДС. Т. VIII. С. 1363; См.: *Брикнер А.* Указ. соч. С. 189–193.
- ⁴⁵ ПДС. Т. VIII. С. 1395.
- ⁴⁶ *Корб Й. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906. С. 57; Ср.: ПДС. Т. VIII. С. 1396–1397.
- ⁴⁷ ПДС. Т. VIII. С. 1399–1404.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ ННStA-Wien. Russica. Karton 17, f. 156.
- ⁵⁰ ПДС. Т. VIII. С. 512. По возвращении посольства печати были отданы думному дьяку Е. Украинцеву на хранение. См.: ПДС. Т. VIII. С. 725.
- ⁵¹ ННStA-Wien. Russica. Karton 18, f. 126. Ср.: ПДС. Т. VIII. С. 1399–1402.
- ⁵² ПДС. Т. VIII. С. 1409.
- ⁵³ *Богословский М.* Указ. соч. С. 543–544.
- ⁵⁴ ННStA-Wien. Russica. Karton 18, f. 47–49. «Ad Tzarum Moscoviae de pace cum Turcis».
- ⁵⁵ *Корб Й. Г.* Указ. соч. С. 111. О прибытии императорского посла в Москву Великое посольство было извещено 28 июня (8 июля). См.: ПДС. Т. VIII. С. 1361.
- ⁵⁶ *Корб Й. Г.* Указ. соч. С. 63.
- ⁵⁷ ННStA-Wien. Russica. Karton 18, f. 58 r.-v.; Vgl. f. 80 r.
- ⁵⁸ ПДС. Т. IX. С. 2.
- ⁵⁹ ННStA-Wien. Russica. Karton 18, f. 101. Ср.: ПДС. Т. IX. С. 2–4.
- ⁶⁰ 23 января 1697 г. был издан указ царя писать имена, титулы обоим государей и поздравления золотом. См.: ПДС. Т. VIII. С. 487.
- ⁶¹ *Богословский М.* Указ. соч. С. 544.
- ⁶² ПДС. Т. IX. С. 4–6.
- ⁶³ *Павленко Н.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶⁴ *Буганов В.* Указ. соч. С. 46.
- ⁶⁵ *Никифоров Л.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформы Петра I. М., 1973. С. 15.

МИКЛОШ ФОРГАЧ:

штрихи к портрету харизматического лидера

Бывают люди, чей авторитет в глазах современников столь высок, что они вольно или невольно становятся выразителями общественного мнения, а место, которое они занимают в национальной истории, столь значительно, что их можно по праву назвать символами своей эпохи. В Венгрии послемохачского периода подобные «харизматические лидеры» играли весьма заметную роль, так как с переходом венгерского престола к иноземной (т. е. не имеющей постоянной резиденции внутри страны) династии Габсбургов, правящий дом перестал выполнять функцию объединителя нации. Поэтому господствующий класс, вернее политически активная часть венгерского общества, как бы возлагала почетную, ответственную и порой неблагодарную роль выразителей национальных интересов на лучших своих представителей. Одним из таких духовных авторитетов в Венгрии последней трети XVIII в. стал граф Миклош Форгач (1732–1795) — политик, знаток экономики и права, блестящий оратор и не менее блестящий публицист, один из вождей венгерской социальной оппозиции реформам просвещенного абсолютизма.

Вот как отзывался о Форгаче Янош Бачани, молодой поэт, впоследствии участник заговора «венгерских якобинцев», некоторое время служивший секретарем графа: «Человек, которого следует уважать всем добрым гражданам нашего отечества, всем верным подданным короля, само имя которого следует упоминать с благоговением; человек, которого я всегда чтил, и теперь, когда мне довелось ближе узнать его беспримерные добродетели и возвышенную душу, я буду относиться к нему с большим, даже с неизменным уважением — это светлейший граф Миклош Форгач Гимешский, один из тех людей, чью приязнь завоевать и быть достойным уважения которых я всегда мечтал»¹. Чем же заслужил Форгач столь восторженный отзыв?

Граф Миклош Форгач происходил из богатого и знатного венгерского рода. Его карьера складывалась блестяще. После обучения в Лейпцигском университете в январе 1756 г. он поступает на службу в венгерскую придворную канцелярию в ранге советника. Интересная подробность: жалование ему начали платить только с октяб-

ря 1759 г., когда после смерти одного из чиновников освободилась соответствующая ставка. В 1774 г. императрица Мария Терезия назначает Форгача на должность королевского комиссара (*királyi biztos*) по делам не католических конфессий и посылает в город Дебрецен. В 1777 г. в знак признания заслуг графа за одиннадцать лет примерной службы императрица назначает его тайным советником. В том же году Форгач становится фёйшпаном (главой администрации) комитата Нитра, комитата, в котором до него этот пост не одно десятилетие занимали представители католического клира ².

Комитатское собрание встретило Форгача с энтузиазмом. От имени сословий с приветственной речью, изобиловавшей лестными эпитетами и написанной, как и большинство произведений этого жанра, в подражание лучшим античным образцам, к графу обратился Жигмонд Нослопи ³. Биографы Форгача отмечают, что традиционное обращение к дворянам комитата при вступлении в должность граф произнес по-венгерски, что в годы безраздельного господства латыни было большой редкостью. Форгач призвал беречь дворянские свободы как самое бесценное сокровище, не забывая при этом заботиться о благе податных сословий (*misera plebs contribuens*) ⁴. Этому принципу он останется верен всю свою жизнь: желание примирить старые дворянские свободы с новым справедливым общественным устройством в духе идеалов Просвещения пройдет красной нитью через его творчество и практическую деятельность.

Примером заботы нового фёйшпана о «бедных налогоплательщиках» могут служить события войны за «баварское наследство». В 1778 г. прусская армия вторглась в Чехию. Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение австрийской армии фуражом, во все венгерские комитаты поступает распоряжение королевского Наместнического совета направлять урожай овса в Моравию. О том, какое значение придавалось бесперебойным поставкам фуража, свидетельствует переписка канцлера Ференца Эстерхази с членом Наместнического совета, отвечавшим за снабжение австрийской армии венгерским овсом, могущественным царедворцем Ференцем Балашша ⁵. Не все фёйшпаны безмолвно согласились с конфискационными мерами. Против распоряжения Наместнического совета в числе других выступил комитат Бихар, руководимый в то время графом Иштваном Андрашши ⁶. Однако вскоре Андрашши получил новое назначение в комитат Боршод, а сменивший его Антал Брунsvик — питомец графа Балашша — поспешил выполнить все распоряжения своего патрона, назвав доводы предшественника против транспортировки овса за пределы комитата смешными ⁷. Глава комитата Нитра Миклош Форгач также не захотел жертвовать интересами вверенного

ему комитета ради общенародных интересов. В письмах к Ференцу Балашша Форгач просил не оставлять *misera plebs contribuens* комитета Нитра без достаточных запасов овса на зиму. Под свою ответственность Форгач складировал необходимые объемы фуража в пределах комитета и добился пересмотра решения Наместнического совета относительно комитета Нитра ⁸.

Портрет Миклоша Форгача будет неполным, если не упомянуть о его меценатской деятельности. В 1761 г. вместе с друзьями-единомышленниками он создает благотворительное общество с целью открытия в Прессбурге (Пожони) ⁹ городского театра и жертвует на его создание значительные суммы денег. В благодарность одна из лож театра осталась закрепленной за семейством Форгач ⁹.

Граф был также страстным собирателем книг. В письме к одному из своих близких друзей Яношу Радвански он писал: «Я взял себе за правило ни от кого не принимать никаких подарков, но для книг делаю исключение» ¹⁰. В его библиотеке в Уйлаке хранилось несколько сот томов по теологии, философии (в том числе труды французских просветителей), древней и новой истории, романы, словари, энциклопедии ¹¹. По свидетельству немецкого писателя Генриха Берриша, друга со студенческих лет в Лейпциге, Форгач владел всеми европейскими языками, кроме испанского и русского ¹².

В 1774 г. в связи с тем, что по долгу службы ему приходилось заниматься вопросами протестантских конфессий, Форгач получает от римского папы специальное разрешение на чтение запрещенных книг. Известно, что братья Ласло и Миклош Форгач пользовались услугами некоего прессбургского торговца французскими винами, который тайно переправлял им из Франции труды Гольбаха, Вольтера, Мирабо. Когда же в 1792 г. цензура изъяла выписанную Форгачем партию французской революционной литературы, граф написал в Наместнический совет: «Эти порочные идеи уже не в состоянии укорениться в моей душе, поскольку я с молодых лет привык читать самую разную литературу». Книги были ему возвращены ¹³.

Библиотека графа всегда была открыта для его секретарей, в числе которых были будущие члены заговора «венгерских якобинцев» Йожеф Хайноци и Янош Бачани. Хайноци признавался, что учился «истинным принципам справедливости», работая в библиотеке Форгача, но больше — беря пример с самого графа ¹⁴. Правда, он лишился должности секретаря именно за то, что расширил свой кругозор в ущерб прямым служебным обязанностям. Однако друж-

⁸ Современная Братислава (Словакия).

бу и искреннее расположение Форгача он сохранил навсегда. Вскоре Хайноци становится секретарем выдающегося венгерского общественного деятеля и мецената, основателя Национального музея графа Ференца Сеченьи. Покровительство таких влиятельных магнатов, как Форгач и Сеченьи, помогло Хайноци сделать карьеру. Когда Иосиф II открыл недворянам доступ к государственной службе, Хайноци получил пост заместителя главы администрации комитата Серем. Однако куда важнее было приобщение молодого разночинца к просвещенным идеалам эпохи, то влияние, которое Форгач и Сеченьи оказали на идейное созревание будущего революционера. Еще в 1778 г., будучи секретарем Форгача, Хайноци пишет обращение к монарху с предложением освободить крестьян и отменить все крестьянские повинности на землях казны¹⁵. Позднее убежденный республиканец Хайноци будет не раз спорить со своим другом и наставником Миклошем Форгачем о справедливых принципах общественного устройства.

Подлинно национальную славу Форгач снискал в годы правления Иосифа II (1780–1790), чьи реформы оставили глубокий след в истории Венгрии. Усердный ученик философов Просвещения, молодой государь хотел навсегда покончить с такими явлениями, как сословные привилегии, крепостное право, религиозная нетерпимость и массовая неграмотность. Однако он исходил из типичного заблуждения лучших умов своей эпохи, что благого желания самого реформатора достаточно, чтобы осчастливить подданных. Необходимые и разумные с точки зрения государственной централизации меры, будь то введение единого государственного языка (немецкого) или унификация административно-территориального управления империей, осуществлялись им без учета региональных особенностей и сопровождались коренной ломкой складывавшихся веками государственно-политических институтов. Особое недовольство реформаторская деятельность Иосифа II вызвала в Венгрии, которая веками бдительно охраняла свою государственно-правовую автономию в рамках империи и где любое начинание центральной власти воспринималось с недоверием: не таит ли оно угрозу свободе корольства.

Венгерский господствующий класс был крайне напуган намерением Иосифа II ввести всеобщее налогообложение, поскольку причислял налоговый иммунитет к основополагающим свободам дворянского сословия. Несмотря на то, что в раннее средневековье любой подданный короля, бравший на себя обязательство защищать страну с оружием в руках, освобождался от уплаты налогов, позднее именно освобождение от налогов стало считаться особой при-

вилегией благородных сословий. Для того, чтобы ввести всеобщее налогообложение, необходимо было осуществить ряд таких подготовительных мер, как перепись населения, обмер земельных владений и нумерация домов. Но это было легче предписать, чем осуществить на практике. Частное владение дворянина считалось неприкосновенным, и туда без особой санкции не мог ступить ни один посторонний. Обо всем этом Иосифа предупреждали его венгерские советники, но император, который находил их доводы смешными, не внял добрым советам.

Чтобы провести эти мероприятия быстро и с наименьшими затратами, Иосиф II решил прибегнуть к помощи армии. Когда осенью 1784 г. по улицам венгерских городов и сел замаршировали бравые солдаты, бесцеремонно входившие во дворы и развешивавшие номерные знаки на дома, чаша терпения венгерского дворянства переполнилась. Ряд комитатов направил императору крайне резкие протесты, ссылаясь, в частности, на статью 4:1598 венгерских законов, согласно которой запрещалось нумеровать дома и обмерять владения представителей необлагаемых налогом сословий¹⁶. Дворяне возглавляемого Форгачем комитата Нитра писали, что они скорее вытерпят самую страшную пытку, чем допустят нарушение своих прав и свобод¹⁷. Чаша терпения императора переполнилась, и Иосиф решает наказать «бунтовщиков».

Император смещает Форгача с должности фёйшпана и назначает исполняющим обязанности главы комитатской администрации верного Габсбургам Йозефа Изденци, ненавидевшего венгерское дворянство и считавшего фикцией весь комплекс дворянских прав и свобод. Напрасно благоразумные венгерские советники, тот же Йозеф Урменьи, с выписками из протоколов комитатских собраний в руках пытались доказать государю, что Форгач не призывал к активному, тем более вооруженному неповиновению. Император остался непреклонен: для наведения порядка в комитат были направлены войска, особым указом императора Миклош Форгач лишился всех своих званий и чинов и (не больше не меньше) объявлялся сумасшедшим. Граф проявил завидную выдержку и спокойствие. В прощальной речи к сословиям он призвал проявлять верность государю и терпимость к исполняющим приказ солдатам. В комитате прекратилось всякое сопротивление. И все-таки император продолжал считать, что нелишне было бы доставить кого-нибудь из бунтовщиков в Вену закованным в кандалы...

Перепись, как ее задумал и пытался осуществить Иосиф II, грозила не только конституционными дискуссиями, но и открытым неповиновением, поскольку, как никогда ранее, дворянство почувст-

вовало реальную угрозу не только своему статусу, но и собственности, и даже жизни. Как писал выдающийся венгерский историк-позитивист Хенрик Марцали, «что для императора было законопослушанием, для венгерского дворянства было беззаконием». Инцидент в комитате Нитра стал поворотной точкой, после которой мирное сосуществование йозефинистского режима и венгерского дворянства становится невозможным. Дворяне комитата Темеш писали: «Насилие никогда не шло на пользу внутреннему устройству государств, для этого подходят только законы, которые служат общему благу»¹⁸.

Опала Форгача превратила его в национального героя, сочувствие к которому считал своим долгом проявить каждый «патриот». Остроумное прозвище «приказной сумасшедший» («decretális bolond») лишь подчеркивало абсурдность ситуации, при которой деликатный вопрос о душевном здоровье одного из подданных решался специальным распоряжением высшей исполнительной власти. Но друзья Форгача не оставили его в беде. Генрих Бериш выпустил памфлет «Письма одного венца к другу в Регенсбург», в котором попытался дать отпор злобным нападкам венской прессы и выразил восхищение гражданским мужеством и личными достоинствами Миклоша Форгача¹⁹.

Случай с Форгачем еще долго владел умами современников. Вот лишь некоторые примеры ссылок на совершенное над Форгачем беззаконие из политической литературы той эпохи. В 1789 г. молодой венгерский экономист Гергей Берзевици в своем памфлете «О принципах Австрии в управлении Венгрией» писал, намекая на инцидент с Форгачем: «Заслуженные люди, мужи, которые поселили служба отечеству, отцы семейств были смещены с должностей и лишены доходов... потому что они были патриотами, а патриотизм ныне это или преступление, или сумасшествие»²⁰. У поэта Яноша Бачани, бывшего секретаря графа, в стихотворении «Ободряющий ответ Бенедеку Вирагу» (1790) есть такие строки: «Подлинные патриоты тайно скорбели и молчали; / Ибо те, кто поднимал голос, объявлялись мятежниками и сумасшедшими»²¹. Юрист Йожеф Хайноци в «Некоторых размышлениях венгерского патриота о делах, имеющих отношение к Государственному собранию» в том же 1790 г. прямо писал о необходимости юридических гарантий против повторения скандала, подобного тому, что разгорелся в связи с отстранением от должности Миклоша Форгача²². Наконец, в обращении к Государственному собранию представитель комитата Арва Ференц Абаффи, позднее участник заговора «венгерских якобинцев», публично укорял присутствующих в том, что они молча на-

блюдали, как патриота Форгача лишили всех званий и объявили сумасшедшим²³.

К сожалению, в личном архиве Форгача практически отсутствуют документы, относящиеся к периоду с 1785 по 1790 г. Сохранились ли они вообще и где находятся — неизвестно. Однако с полным правом можно сказать, что даже уединившись в своем поместье, Форгач продолжает внимательно следить за политической жизнью в Венгрии и в империи в целом. В 1785 г. Иосиф II предпринимает очередной логичный с точки зрения государственной централизации шаг. Он упраздняет по всей империи исторически сложившееся административно-территориальное деление вместе с органами сословного самоуправления (последним оплотом автономии отдельных земель) и вводит вместо них систему округов, управляемых назначаемыми императором чиновниками. Так венгерское дворянство лишилось последней возможности влиять на судьбы страны через органы сословного представительства. В тех областях империи, где и в 80-е гг. XVIII в. сословия продолжали играть ведущую роль в управлении страной, недовольство достигло критической точки.

В 1788 г., в момент крайне неблагоприятный для Иосифа II, начавшего обременительную для империи войну с Турцией, вспыхивает восстание в Австрийских Нидерландах — предвестник грядущего краха системы Йозефинизма. В сложившихся обстоятельствах императору ничего не оставалось, как восстановить в этой провинции сословное самоуправление. В ответ Форгач публикует анонимный памфлет «Патриотическое обращение к монарху по поводу восстановления в Венгрии законной формы правления». В ней он призывает императора распространить милость, оказанную бельгийцам, на венгров, тем более что венгры, и тут Форгач прямо цитирует знаменитые слова Шарля Монтескье, бескорыстно спасли Габсбургам их короны и земли в годы войны за «австрийское наследство». «Как лестно, как успокоительно, как выгодно это будет для Вас, всемилощивейший монарх, когда Вы сердца всей нации, которую Вы, низвергнув ее законы, от себя отдалили, вернете обратно»²⁴.

К началу 1790 г. Иосиф окончательно убеждается в провале своего курса реформ. В Венгрии быстро распространяется слух о намерении императора созвать Государственное собрание, которое тот упорно не желал созывать все десять лет своего правления. Комитатское дворянство, не дожидаясь официального рескрипта, начинает работу над традиционными петициями с жалобами и требованиями (*gravamina et postulata*) к императору. Несмотря на то, что в январе 1790 г. Форгач формально все еще пребывал в опале, он включается в работу по составлению петиции комитата Нитра. Это

лишний раз свидетельствует о том, какую важную роль в общественной жизни комитата продолжал играть опальный, но по-прежнему авторитетный Форгач ²⁵.

В феврале 1790 г. император Иосиф II умирает, отменив перед смертью большинство своих указов в отношении Венгрии, и Форгачу возвращают незаконно отнятые у него звания, чины и награды. Граф восстанавливается в должности фэйшпана комитата Нитра. Комитатское дворянство восторженно приветствует своего лидера ²⁶. В его честь слагаются торжественные оды ²⁷. Иными словами, Форгач становится символом триумфа «венгерской нации над деспотией».

Один из указов смертельно больного императора предписывал возвращение на родину венгерской короны, увезенной в 1784 г. в Вену. Эта регалия считалась неременным условием легитимности каждого вновь избранного венгерского короля, а ее нахождение в пределах королевства служило залогом счастья и процветания родной страны. Именно поэтому ее традиционно именовали святой венгерской короной. Путь святой венгерской короны в древнюю столицу королевства Буду растянулся на месяцы: праздничный поезд совершал многочисленные остановки по пути следования, чтобы восторженные жители страны могли увидеть национальное сокровище, которому приписывалась сверхъестественная, оберегающая страну от бед, сила. Когда корона прибыла в Прессбург, где в то время находился Миклош Форгач, толпы восторженных горожан направились к дому графа, трубя в трубы и выкрикивая приветственные лозунги. Форгач вышел на балкон и обратился к собравшимся с благодарственной речью ²⁸.

Венгерский писатель, современник описываемых событий, Андраш Дугонич в своих «Воспоминаниях» упоминает о том, как Форгач выехал на встречу поезду с короной и приказал открыть ящик с реликвией, чтобы убедиться, «не лежит ли там пыльный парик Иосифа II» ²⁹. Эпизод, безусловно, эффектный, но маловероятный. Из сказанного выше следует, что граф вряд ли имел основания сомневаться в содержимом ящика. Тем не менее эта легенда отражает то чувство моральной победы, которое охватило венгерское общество после провала курса йозефинистских реформ и воплощением которого стал граф Миклош Форгач.

Летом 1790 г. после четвертьвекового перерыва в Буде должно было открыться Государственное собрание. Новому императору Леопольду II (1790–1792) предстояло не дать сепаратистски настроенным сословиям добиться большей автономии Венгрии в рамках империи. Сословия, в свою очередь, напуганные реформами Иоси-

фа II, собирались потребовать подтверждения сословных прав и свобод, а также юридических гарантий невозможности новых попыток центральной власти произвольно менять государственно-правовые основы королевства.

Приготовления к Государственному собранию породили в обществе большие надежды на скорые перемены. Вопрос о судьбах страны волновал буквально всех. В обстановке небывалого подъема рождались новые замыслы, строились планы реформ, оформлялись идейные течения. Появилось немало сочинений, посвященных проблемам государственно-правового устройства королевства, взаимоотношений Венгрии с наследственными провинциями. Роль политических памфлетов в эти дни можно сравнить лишь со значением газетных передовиц в последующую эпоху. В 1790–1791 гг. в свет вышло около 500 памфлетов (для сравнения: с 1792 по 1795 г. около 100). Такого количества политической литературы не было ни в 1848, ни в 1861 г.³⁰ Плодом раздумий Миклоша Форгача о судьбах отечества стал анонимный памфлет «Ясные требования к наилучшему государю»³¹.

Суть «ясных требований» сводится к поиску разумного компромисса: «Я надеюсь, что Ваше Святейшее Величество пойдет навстречу желанию венгерской нации, ибо если обеспечивается счастье и благополучие венгерской нации, то и прочих наследственных провинций благополучие и счастье будут преумножены»³². Неслучаен эпиграф к памфлету, взятый автором из оды Горация «К Каменам»: «А умной силе боги и рост дадут / Все выше: им противна сила, / Что беззаконье в душе питает»³³. Форгач утверждает: «Не может быть удачи больше, чем мочь, и природы лучше, чем хотеть сохранить как можно большее»³³, что вполне созвучно постулату кумира венгерского дворянства Шарля Монтескье, гласящему: «Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество, изменяя порядок вещей, чем соблюдая его незыблемым»³⁴.

Дворяне комитета Нитра доверили Миклошу Форгачу представлять их интересы в Государственном собрании. Слава борца с деспотией лишь прибавляла ему авторитета, и многие прочили Форгача в наместники королевства, хотя на самом деле в Вене рассматривали совсем иные кандидатуры³⁵. В конце концов Форгач возглавил парламентскую комиссию по торговле, которой помимо проче-

* Перевод Н. Шатерникова.

го предстояло рассмотреть вопросы реформирования поземельных отношений, промышленности, таможенного режима, транспорта.

«Ясные требования», сформулированные Форгачем, во многом совпадали с программой реформаторски настроенного дворянства. В сфере экономики венгерские сословия больше всего волновала налоговая политика Вены, в результате которой завышенные таможенные тарифы и пошлины становились барьером на пути венгерских промышленных товаров в другие земли империи, а венгерская сельскохозяйственная продукция закупалась по заниженным ценам. Ведущие венгерские экономисты той эпохи (Йожеф Подманицки, Миклош Шкерлец) считали, что Венгрия постепенно превращалась в аграрно-сырьевой придаток наследственных провинций.

В архиве графа Форгача хранится рукопись «Наблюдения о современном тяжелом положении Венгрии по сравнению с иными провинциями Австрийской монархии». В ней он указывает на вопиющую несправедливость: в то время как товары из Галиции ввозятся в Венгрию беспошлинно, венгерские продукты, ввозимые в наследственные провинции или Галицию, считаются иноземными и как таковые облагаются налогами³⁶. Особо обременительной была так называемая «тридцатина», налог в размере 3,33 % от стоимости всех ввозимых или вывозимых из Венгрии товаров. Позиция Форгача ясна и проста. «Этими мерами подвергается скрытому налогообложению... каждый, кто ведет торговлю и приобретает товары по завышенной цене. От этого нет никакой выгоды налогоплательщику, напротив, чем большие помехи воздвигаются торговле, тем больше ее надлежит сворачивать». И далее: «Если же будут устранены препятствия торговле, более тесные и разнообразные торговые связи принесут большую выгоду налогоплательщикам, процветание торговле и благополучие королевству»³⁷.

Не меньший интерес вызывали у Форгача проекты реформ политического устройства королевства. Последователь Монтескье, он видел главную угрозу в усилении деспотизма, когда «все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»³⁸, и, пожалуй, подписался бы под утверждением французского просветителя: «Нет дворянства — нет монарха, ибо в монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом»³⁹. Считая дворянство реальной силой, способной противостоять абсолютизму, Форгач выступал против лишения дворян налогового иммунитета. «Те, кто под разными предлогами требует подвергнуть дворянство налогообложению... не только подрывают законы королевства, но и переходят гибельные для естественного равенства границы, а также подвергают королевство явной несправедливости»⁴⁰.

В вопросе о дворянских привилегиях Форгач расходился с радикальным крылом реформаторского лагеря — демократически настроенной интеллигенцией. Уже не раз упоминавшийся Йозеф Хайноци, видный идеолог антифеодальных реформ, писал в 1790 г. своему старшему товарищу графу Форгачу: «Если конституция поддерживает ненависть между дворянами и недворянами, и дворянство никогда не поделится с другими теми правами, которые оно произвольно себе присвоило, то я, по моему убеждению, обязан сделать все от меня зависящее, чтобы мои сограждане навсегда обрели свои права». И далее: «Таким образом, я остаюсь гуманистом, не переставая быть патриотом, но если два эти понятия несовместимы, то я желал бы быть скорее гуманистом, чем патриотом»⁴¹. В этом споре двух друзей как в капле воды отразились «проблемы роста» венгерского национального самосознания, его эволюции от феодальной концепции «*patio hungarica*» к понятию венгерской нации буржуазной эпохи⁴².

Однако расхождение Миклоша Форгача с антифеодальными реформаторами в вопросе об обложении дворянства налогом отнюдь не означало, что в вопросах об общественно-политическом устройстве он занимал узкосословные позиции. Это становится ясно из отношения Форгача к вопросу о сословном представительстве. Напомним, что венгерское дворянство реализовывало свои властные полномочия через комитатские собрания и высший законодательный орган королевства — Государственное собрание, где утверждались законы и вотивировались налоги. Не случайно просвещенный абсолютизм с 1765 г. вообще перестал созывать Государственные собрания, чтобы не вступать с сословиями в дискуссии, больше напоминавшие торг, в котором увеличение налогов или санкционирование непопулярных мер всякий раз давалось ценой клятвенного подтверждения монархом сословных прав и свобод.

Теперь, в 1790 г., перед венгерским господствующим классом встала задача реформирования государственно-правовых основ королевства. Возвращение к *status quo ante*, т. е. реставрация сословного представительства, где безраздельно господствовали аристократия и католический клир, уже не устраивала «движущую силу» венгерской сословной оппозиции, среднее дворянство. На повестку дня встает конституционный проект Петера Балоба, согласно которому реальная власть сосредотачивалась в руках «народа», т. е. Государственного собрания (большинство в котором как раз составляли средние дворяне), наделенного исполнительной властью и правом контроля над королем.

Прогрессивно мыслящие дворяне понимали, что в грядущих битвах с абсолютизмом им необходимы надежные союзники, и искали пути расширения социальной базы сословного движения. Однако если Балог делал ставку на среднее и отчасти мелкое дворянство, то Форгач шел дальше. Сохранился его неопубликованный трактат «Политические рассуждения о том, как должны быть организованы собрания и комитаты королевства». В нем, сравнивая политические системы древнего Рима, современной Англии, Североамериканских Соединенных Штатов и революционной Франции, граф делает вывод об исключительной важности баланса властей в государстве. Поскольку основная угроза заключается в деспотических наклонностях центральной власти, Форгач предлагает привлечь на сторону привилегированных классов непривилегированные сословия, чтобы объединенными усилиями не дать имперским властям покончить с политической автономией королевства⁴³. Венгерский историк Домокош Кошари приводит также свидетельство управляющего графа Имре Иванки, что Форгач работал над проектом привлечения не привилегированных сословий на сторону движения сословной оппозиции⁴⁴.

К сожалению, разнообразные проекты, разрабатывавшиеся в недрах Государственного собрания в 1790–1791 годах и парламентских комиссий (1791–1795), так и остались на бумаге. Зато центральная власть не упускала возможности, чтобы действуя в том же направлении, о котором писал Форгач, т. е. привлекая на свою сторону политически неполноправные сословия, ослаблять лагерь сословной оппозиции. За свое кратковременное правление Леопольд II показал завидную изобретательность в настраивании горожан, крестьян и политически неполноправных национальных меньшинств против дворянства путем тайных агентов, подложных писем и так далее.

Важным вопросом общественной жизни Венгрии оставался религиозный вопрос. Иосиф II декретом 1784 г. провозгласил принцип религиозной терпимости в отношении христианских не католических конфессий, однако императорский указ мог обрести обязательную силу только после принятия соответствующего закона Государственным собранием. Сам католик, Миклош Форгач многие годы занимался проблемами протестантских конфессий, являя собой достойный подражания пример религиозной терпимости. И теперь, когда часть дворян-католиков и наиболее непримиримая часть католического клира объединились для того, чтобы не допустить принятие этого закона даже вопреки открыто выраженной воле императора, просвещенные католики, такие как Алайош Баттяни и Мик

лош Форгач, смогли встать над догматическими различиями веры во имя мира и согласия в королевстве, во имя торжества справедливости.

На Государственном собрании 1790–1791 годов с особой остротой стоял вопрос о национальном языке. Декрет Иосифа II о немецком государственном языке (1784) привел к объединению усилий прежде развивавшихся независимо друг от друга литературного движения и движения сословной оппозиции, взявших на вооружение лозунг «национального языка». После падения йозефинистского режима на повестку дня закономерно встал вопрос о признании венгерского государственным языком. Однако принятие этого решения наталкивалось на сопротивление той части дворянства, которая опасалась, что замена освященного веками юридической практики латинского на венгерский лишит вновь принимаемые законы юридической силы. Кроме того, невенгерская часть господствующего класса, прежде всего хорваты, предпочитали и дальше пользоваться мертвой латынью, чтобы только не переходить на чуждый им венгерский, тем более что венгерский язык стал бы в руках венгерского дворянства не менее грозным оружием, чем немецкий в руках централизатора Иосифа II.

В этой ситуации поэт Янош Бачани «от имени венгерских писателей» адресует своему бывшему патрону графу Миклошу Форгачу, «одному из мощнейших столпов отечества и языка» открытое письмо в защиту венгерского языка. В нем поэт писал: «Веское слово и личный пример Вашей Светлости с легкостью сделают то, что многие полагают невозможным; за Вами последуют сознательные, искренние, добрые патриоты, а те, кто с нами не согласен, не посмеют поднять голос против явной выгоды всей нации». Вслед за выдающимся венгерским просветителем Дьёрдем Бешшенъеи Бачани утверждал, что лишь на родном языке смогут расцвести науки и искусства, лишь возрождение родного языка позволит венграм достичь уровня передовых западноевропейских народов, которые осознали эту простую истину веками раньше⁴⁵.

Открытое письмо Я. Бачани не было единственным свидетельством исключительного авторитета Форгача в глазах современников, его неоспоримой репутации венгерского патриота. В 1792 г. протестантский священник, писатель и переводчик Фюлёп Габор Ори посвящает Миклошу Форгачу свой перевод трактата немецкого просветителя Иоганна Цимерманна «О национальной гордыне». В этом сочинении в духе религиозной терпимости подвергается критике такой порок, как национальная гордыня, коренящаяся в религии, в чувстве подлинного или мнимого национального превосходства, не-

вежестве, ложно понимаемом чувстве собственного достоинства и т. д. В предисловии Ори признается, что посвящая свой перевод графу Форгачу, он желает воздвигнуть достойный монумент его заслугам перед соотечественниками, благородным патриотическим устремлениям и готовности неустанно трудиться на общее благо ⁴⁶. Можно сказать, что в глазах многих современников позиция Миклоша Форгача по тому или иному вопросу общественной жизни Венгрии была своеобразным камертоном, по которому следовало сверять мысли и чувства истинного венгерского патриота.

По окончании заседаний Государственного собрания парламентские комиссии продолжали работать над проектами реформ вплоть до 1795 г. В архиве Форгача хранятся рукописи, озаглавленные «О народонаселении», «Размышления о разведении лесов», «Об управлении экономикой», «Проект приумножения торговли в Венгрии», «Законопроект об учреждении банка» и многие другие ⁴⁷. Однако проекты и рекомендации комиссий так и остались на бумаге. Новый император Франц I (1792–1835) и его окружение, напуганные размахом революционных событий во Франции, уже не помышляли о реформах. Прекрасная возможность преобразовать экономику, государственно-правовую систему и социально-политическую структуру была упущена.

В условиях торжествующей реакции происходит объединение патриотически настроенного дворянства и демократической интеллигенции. К особенностям венгерской политической системы можно отнести монополию дворянства на политическую деятельность. Недворянин, даже высокообразованный, не мог рассчитывать на руководящую должность в комитатской администрации или представительство в Государственном собрании. Неудивительно, что на первый взгляд движение начала 90-х годов возглавляли дворяне-оппозиционеры: они фрондировали в комитатах, подписывали протесты, направляемые императору. Но за кулисами, вне публичной политической деятельности стояли представители демократической интеллигенции, формулировавшие платформу и направлявшие деятельность патриотической оппозиции. В числе активных участников движения не было Миклоша Форгача, но были два его бывших секретаря и личных друга — пламенный революционер, убежденный республиканец Йожеф Хайноци и поэт Янош Бачани.

Судьба движения сложилась трагически. В один из республиканских кружков, члены которого именовали себя «якобинцами», хотя в большинстве своем были скорее жирондистами, проникает бывший монах-францисканец, талантливый и честолюбивый агент тайной полиции Игнац Мартинович, разочарованный тем, что его спо-

способности не были по достоинству оценены в родном ведомстве. Выдавая себя за эмиссара французского революционного правительства, он быстро выдвигается в лидеры и к 1794 г. превращает «якобинскую секту» в общенациональный заговор. Но будучи случайно арестованным совсем по другому делу, Мартинович выдает руководство организации, надеясь тем самым заслужить у властей прощение ⁴⁸.

Протоколы допросов «венгерских якобинцев» лишний раз свидетельствуют об авторитете Миклоша Форгача, который даже после того как посвятил себя заботам о вверенном ему комитате, продолжал, подобно барону Ласло Орци или графу Иштвану Иллешхази, считаться «известным в революционном смысле патриотом», на содействие которого в случае победы рассчитывали «якобинцы» ⁴⁹. Граф Форгач был глубоко потрясен расправой властей над заговорщиками: в числе казненных оказался Йозеф Хайноци. За другого своего друга, Яноша Бачани, Форгач не раз лично ходатайствовал перед наместником Александром Леопольдом Габсбургом. Не без содействия Форгача Бачани был выпущен из тюрьмы и получил разрешение покинуть пределы королевства. Кстати, в годы наполеоновских войн именно Бачани написал для Бонапарта проект венгерской конституции.

В 1795 г. Миклош Форгач умирает. Друг графа Генрих Берих написал о нем полную неподдельной скорби эпитафию, в которой воздал должное его многочисленным талантам, обширным познаниям, большому авторитету, редким душевным свойствам ⁵⁰. Удивительно, что столь яркая фигура венгерской истории, человек, чья судьба столь тесно переплелась с судьбой отечества и чье имя с уважением и восхищением произносили современники и потомки, до сих пор не вдохновила венгерских историков на создание более детального биографического исследования. Данная статья лишь первая попытка обобщить сведения источников о графе Миклоше Форгаче.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Batsányi J. Összes művei. 2. Prózaí művek. 1 kötet. Bp., 1960. 311–312 old.*

² *Bártfai Szabó L. A Hunt-Paznan nemzetségbeli Forgách család története. Esztergom, 1910. 564 old*

³ *Nószlapy Zs. Sermo installato in supremum comitem, comitatus Nitriensis, excellentissimo, ac illustrissimo domino comiti Nicolao Forgáci de Ghimes. Timava, 1777.*

⁴ *Nagy J. Nyitra megye leírása. 1/3. Komárom, 1864. 49 old*

⁵ См.: Magyar Országos Levéltár (далее — MOL). Balassa Ferenc levéltára. P. 1765. 57 cs. 22 t. № 2327, Письмо Ференца Эстерхази Ференцу Балашша, 04.IV.1778; № 2318 Письмо Ференца Эстерхази Ференцу Балашша, 10.IV.1778.

⁶ MOL. Balassa Ferenc levéltára. P. 1765. 48 cs. 22 t. № 207. Письмо Иштвана Андрашши Ференцу Балашша, 15.IV.1778.

⁷ MOL. Balassa Ferenc levéltára. P. 1765. 54 cs. 21 t. № 1617. Письмо Ангала Брунсвика Ференцу Балашша, 26.I.1779.

⁸ Переписку Миклоша Форгача и Ференца Балашша см.: MOL. Balassa Ferenc levéltára. P. 1765. 58 cs. 22 t. № 2623–2630, 2633; 41 cs. 21 t. № 608–610.

⁹ *Bártfai Szabó L.* Op. cit. P. 564.

¹⁰ MOL. Radvánszky család levéltára. P. 566. 49 cs. III o. LXVII cs. Письмо Миклоша Форгача к Яношу Радвански, 02.V.1777.

¹¹ В семейном архиве Миклоша Форгача хранится каталог его библиотеки, составленный в 1764 г. См.: MOL. Forgács Miklós levéltára. P. 1885. 1. cs. 1 t. Только в 1764–1766 гг. граф истратил на книги 9.992 форинтиов. См.: MOL. Forgács Miklós levéltára. P. 1885. 4. cs. 1 t.

¹² [*Berisch H.W.*] Zum Andenken Sr. des weil: hochgeborenen Grafen Nikolaus Forgách Excellenz. Verfasset von Chevalier de Beris. Tyrnau, 1795. S. 8.

¹³ *Fülöp G.* A magyar olvasóközönség a felvilágosodás idején és reformkorban. Bp., 1978. 74–76 old.

¹⁴ *Bonis Gy.* Hajnóczy József. Bp., 1954. 25 old.

¹⁵ *Benda K.* Az emberbarát vagy hazafi? Tanulmányok a felvilágosodás korának magyarországi történetéből. Bp., 1978. 128 old.

¹⁶ Выписку из протокола собрания комитета Веспрем от 20 сентября 1784 см.: MOL. Balassa Ferenc levéltára. P. 1765. 57 cs. 22 t. № 2390, Письмо графа Йозефа Эстерхази к Ференцу Балашша. 22.IX.1784.

¹⁷ *Marczali H.* Magyarország II József korában. Kötet II. Bp., 1888. 376 old.

¹⁸ Хронику событий, восстановленную по архиву венгерской придворной канцелярии см.: *Ibid.* 369–383 old.

¹⁹ [*Bertsch H.W.*] Schreiben einen Wieners an seinen Freund in Regensburg. s.l. 1785.

²⁰ *Berzeviczy G.* Über Oesterreichs Grundsätze in der Regierung Ungarns // *Balázs É. Berzeviczy Gergely — a reformpolitikus (1763–1795).* Bp., 1967. 325 old.

²¹ *Batsányi J.* Összes művei. Versek / Sajtó alá rend. D. Kereszturi. Bp., 1953. 22 old.

²² *Hajnóczy J.* Egy magyar hazafi gondolatai néhány az országgyűlésre tartozó dologról // *Hajnóczy J. Közjogi-politikai munkái / Szerk. A. Csizmadia.* Bp., 1958. 45 old.

²³ Magyar jakobinusok iratai / Szerk. K. Benda. Kötet I. A magyar jakobinus mozgalom iratai Bp., 1957. 205 old.

²⁴ [Forgách M.] Patriotische Vorstellung an den Monarchen in Betreff der Wiederherstellung der vormaligen Regierungsform in Ungarn. Pressburg, 1788.

²⁵ MOL. Forgách Miklós levéltára. P. 1885. 2 cs. 5 t. Repraesentatio Comitatus Nitriensis sub Imperatore Josepho, 25.I.1790. Характерно, что декрет Иосифа II об отмене большинства реформ вышел только на следующий день, 26 января 1790 г.

²⁶ Приветственная речь графа Антала Амаде опубликована в той же брошюре, что и его речь на комитатском собрании от 11 марта 1790 г. См.: [Amade A.] Dictio... habita ad status et ordines incliti comitatus Nitriensis anno MDCCCXXX die 11 martii congregatos. s.l. 1790.

²⁷ См., напр.: Freuden Gesung an seine hochgebohrne Excellenz Herrn Herrn Nicolaus Grafen Forgách, Herrn und Erbbren von Ghymes und Gacs... s.l. 1790; Őrvenlezd dal mellyel a Nagy-Méltóságú Kegyelmes Gyimesi és Gátsi gróf Forgách Miklós irat... magasztalta egy aláazatos tisztelőle // Bécsi Magyar Kurir. 1790. No 19. 366–68 old.

²⁸ Keresztesi J. Naplója. Krónika Magyarország polgári és egyházi közéletéről a XVIII század végén / Kiadta E. S. Hoffer. Pest, 1868.

²⁹ Dugonics A. Följegyzései. Bp., 1883. 60 old.

³⁰ Ballagi G. Politikai irodalom Magyarországon 1825-ig. Bp., 1888. 284 old.

³¹ [Forgách M.] Ab optime principe candida postulata. s.l. 1790.

³² Ibid. P. 23.

³³ Ibid. P. 4.

³⁴ Монтескье Ш. О духе законов. Кн. VIII. Гл. VI.

³⁵ Mályusz E. Sándor Lipót főherceg nádor iratai (1790–1795). Bp., 1923. 42 old.

³⁶ Observationes circa hactenus gravatam Hungariam relate ad alias Austriacae Monarchiae Ditiones. См.: MOL. Forgács Miklós levéltára. P 1885. 4. cs. 6 t.

³⁷ [Forgách M.] Ab optime principe. P. 26–27

³⁸ Монтескье Ш. О духе законов. Кн. II. Гл. I.

³⁹ Там же. Кн. II. Гл. IV.

⁴⁰ [Forgách M.] Ab optime principe. P. 14–15.

⁴¹ Цит. по: Fraknói V. Martinovics és társai összeesküvése. Bp., 1888. 105 old.

⁴² О проблемах формирования венгерского национального самосознания см.: Исламов Т. М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Отв. ред. А. С. Мильников. М., 1984. С. 40–59.

⁴³ MOL. Forgács Miklós levéltára. P 1885. 4. cs. 6 t.

⁴⁴ *Kosáry D.* Művelődés a XVIII-századi Magyarországon. Bp., 1980. 337 old.

⁴⁵ *Batsányi J.* Nagy méltóságú gróf Forgách Miklós úrhoz (Budára, Sz. János' hav. 20-dik napján 1790) // *Batsányi J. Összes művei / Sajtó alá rend. D. Kereszturi. Kötet II. Prózaí művek. Kötet I. Bp., 1960. 201–203 old.*

⁴⁶ *Zimmermann J. G.* A nemzeti büszkeségről / A negyedik nyomtatás szerint fordította F. G. Öri. Pozsony, 1792.

⁴⁷ MOL. Forgách Miklós levéltára. P 1885. 4. cs. 6 t.

⁴⁸ О заговоре венгерских «якобинцев» подробнее см.: *Benda K.* Az ember-barát vagy hazafi? 105–231 old.

⁴⁹ Magyar jakobinusok iratai. I kötet. 531 old.

⁵⁰ [*Berisch H. W.*] Zum Andenken... S. 3–5.

О НАЦИОНАЛЬНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ПЕРИОДЕ В ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Национальное возрождение (или пробуждение) в Центральной Европе переживали, как правило, народы с неполной этносоциальной структурой позднефеодального общества (т. е. у которых отсутствовало национальное дворянство), народы, которым были присущи некоторые особенности этнокультурного развития (отсутствие в средние века «высокой», профессиональной культуры или ее упадок). Это относится и к истории хорватов, сохранивших национальное дворянство на меньшей части этнической территории. Но уже в Венгрии, где также имела место тенденция сужения функций национального языка и культуры в XVII — начале XVIII в., эта тенденция никогда не достигала такой глубины и угрожающего этническому бытию масштаба, как в первом случае. В Польше аналогичного периода вообще не было, хотя в XVIII в. феодальная реакция обозначилась и в культуре, что было связано с торжеством крепостничества. Понятие «национальное возрождение» применимо лишь к ряду периферийных районов польской этнической территории, утративших государственную связь с Речью Посполитой. Дворянство здесь было немецким (Силезия, Цешин, Вармия, Мазуры) ¹.

Термин «национальное возрождение» широко применялся уже в XIX в., прежде всего в науке Чехии, Словакии, Хорватии, Словении; при этом имелись в виду явления в сфере языка, культуры, оживление общественной жизни народов. В современной науке отмеченные явления рассматриваются в связи с общ историческим, прежде всего социально-экономическим процессом. Поэтому целесообразно различать понятия «процесс национального возрождения» и «эпоха национального возрождения». В сущности под «эпохой национального возрождения» имеется в виду время перехода от феодализма к капитализму, нарастания кризиса феодальных отношений, складывания буржуазной экономики (уклада) и соответствующей социальной структуры, активизации антифеодальной борьбы, развития современной культуры. Именно эти условия предопределили интенсивный процесс формирования национального самосознания и начало национальных движений. Процесс национального

возрождения не исчерпывает всего содержания этой эпохи, название которой в истории ряда народов Центральной Европы происходит от одного из существенных компонентов общенационального процесса, а именно от процесса формирования наций в определенных неблагоприятных условиях.

У ряда народов активизация этнического самосознания относилась уже к периоду феодальной народности, т. е. до начала формирования буржуазного уклада, и происходила на основе развития торговых связей и роста иных внутриэтнических и межэтнических контактов. В этих условиях, особенно характерных для Юго-Восточной Европы (османский регион), но имевших место и в Центральной Европе, национальное возрождение начинается несколько ранее перехода от феодализма к капитализму.

Ситуация отдельных народов Центральной Европы в этом отношении была различной. В австрийской монархии сдвиг в развитии торговли пришелся на вторую половину XVII в. Но торговые компании (монополии) находились в руках австрийских немцев, они же — большей частью крупные землевладельцы — являлись учредителями ранних мануфактур, в которых применялся труд зависимых крестьян и наемных рабочих. Бюргерские элементы постепенно овладевают производством лишь во второй половине XVIII в.

В этой обстановке, сложившейся в наследственных землях Габсбургов, наиболее развитой части монархии, эпохе национального возрождения у чехов и словенцев предшествовал этап развития буржуазной экономики (с конца XVII по середину XVIII в.), не отмеченный активизацией этнического самосознания. В восточной же части монархии, например у сербов и румын, уже на этапе товаризации хозяйства в условиях феодализма (XVIII в.) отмечается активность в национальной сфере. У сербов вообще не было перерыва национальной традиции, сохранявшейся церковью и торговыми слоями.

Достаточно сложным является установление критериев завершения эпохи национального возрождения. Определить исторические рамки национального возрождения (и соответствующей эпохи) означает охарактеризовать содержание этого процесса.

В Центральной Европе этим содержанием в конечном счете было качественное изменение этнического самосознания значительной массы или большинства населения². Мы имеем в виду не только распространение нового сознания этнической принадлежности (т. е. оттеснение на второй план областного, локального самосознания), но и созревание новой системы ценностей, в центре которой находились национальные интересы. Складывается система аргу-

ментов в защиту этих интересов. Эти радикальные изменения в сознании являлись результатом антифеодальной борьбы, становления буржуазных отношений и связей, целенаправленных действий (агитации) формирующейся национальной интеллигенции. Все эти явления сопровождалось и в свою очередь стимулировались кодификацией национального литературного языка, появлением национальной печати, литературы и науки.

Упрощением было бы строго датировать завершение национального возрождения годами смены феодализма капитализмом в регионе (в Австрийской империи — 1848–1849 гг.). Критерии периодизации общенационального и национального процессов совпадают лишь приблизительно. Во втором случае речь идет о развитии не общества вообще, а той или иной этносоциальной структуры. Кроме того, для периодизации необходимо принимать во внимание результаты развития этнокультурной сферы (язык, литература, искусство, наука и др.) и национального самосознания. Последнее обладает определенной самостоятельностью.

Так, в связи с комплексным характером процессов эпохи национального возрождения некоторые авторы обращают внимание на такой их компонент, как складывание национальной культуры, и этим определяют рамки эпохи. И. А. Богданова относит к национальному возрождению «стадию формирования», «становления» национальной культуры, обретения ею «социального, идеологического, философского и эстетического фундамента»³. По С. В. Никольскому, «к концу эпохи национального возрождения уже можно говорить о сформировавшемся организме национальной культуры нового времени...». Для «завершающего этапа в развитии художественного сознания эпохи национального возрождения» характерно «освоение социального анализа жизни»⁴ и т. д. Отметим, что, как правило, в формулировках разных авторов сказалась фактологическая основа их исследований, конкретный материал истории того или иного народа. Хотелось бы подчеркнуть необходимость анализа совокупности различных компонентов эпохи, имевшей у каждого народа свой неповторимый облик. В частности, укажем на значение (для периодизации эпохи) такого критерия, как формулирование буржуазных по содержанию национально-политических программ, начало открытого политического движения. Но и это не имело абсолютного и всеобщего значения.

И все же, буржуазная революция 1848–1849 гг. в Австрии являлась той осью, вокруг которой располагались во времени процессы завершения национального возрождения у народов империи (или, во всяком случае, у наиболее развитых их частей). Так, чехи достиг-

ли этого рубежа несколько ранее революции, словенцы — в 60-х годах XIX в. и т. д.

В случае длительной раздробленности территории и различных исторических условий национальное возрождение на ее отдельных частях, например у хорватов, протекало в разные периоды (в собственно Хорватии, в Славонии, Далмации, Истрии, хорватских районах Военной Границы, Боснии и Герцеговины). Поэтому национальная историография особо исследует национальное возрождение в каждой области.

Итак, однозначная датировка эпохи национального возрождения невозможна ввиду многоплановости процесса и его национальной специфики. Можно говорить о периоде завершения целой эпохи и выступающих на первый план новых процессах и проблемах.

В исследовании национального возрождения в Центральной Европе важное место занимают работы чешского ученого М. Гроха. Он отметил, что для начальной стадии этого процесса характерно возникновение научно-просветительского интереса небольших групп образованных людей — интереса к языку, фольклору, обычаям, истории своего народа (области или страны). Эти группы первоначально не располагали значительной общественной поддержкой и подчас сами не помышляли о широком распространении своих взглядов (по М. Гроху, это стадия «А»). Ко второй стадии («В») относится оживленная и всё расширяющаяся патриотическая агитация, постепенное распространение национального самосознания в массах. Эта стадия имела решающее значение для процесса формирования нации: успех национальной агитации, возрастающая общественная поддержка, которую она получала, свидетельствовали о необратимости национального процесса. На стадии «С» национальное самосознание утверждалось у большинства данного этноса. В связи с этим и национальное движение приобретало всё более массовый характер. Эти явления автор рассматривает в качестве критерия завершения национального возрождения ⁵.

Таким образом, при рассмотрении проблемы периодизации процесса складывания наций М. Грох уделяет внимание периодизации национального движения, поскольку национальное движение — хотя и не единственная, но «важнейшая форма проявления процесса становления современных наций» ⁶.

При всем том следует принимать в расчет, что развитие национальных движений существенно различалось в регионах Центральной и Юго-Восточной Европы (ввиду различных условий социально-экономического, политического и религиозного характера) и,

соответственно, различалось его соотношение с национальным процессом.

Османское господство препятствовало формированию гражданского общества, поэтому условия формирования наций здесь были крайне неблагоприятными. Только автономия или независимость того или иного народа могли улучшить ситуацию. А это достигалось массовыми народными восстаниями и войнами. Массовые освободительные движения на Балканах возникали при относительно примитивных социальных и культурных условиях (например в Сербии 1804 г., когда в несравненно более развитой Чехии движение ограничивалось акциями в сфере культуры, учеными обществами и пр.). Массовое движение в Чехии действительно свидетельствовало о завершающем этапе развития нации, в Сербии же — было лишь предпосылкой ее формирования. Следовательно, построение Гроха, весьма продуктивное для Центральной Европы, «не работает» в Юго-Восточной Европе, здесь нужна иная теоретическая конструкция. Таким образом, региональный принцип — один из важнейших при типологизации национальных процессов.

Существенно, что умственное, идейное и политическое развитие Грох «накладывает» на происходившие в Центральной Европе социальные структурные сдвиги, т. е. подчеркивает развитие целого комплекса этносоциальных связей. При этом различные виды связей в тех или иных случаях и на разных этапах имели относительно разное интегрирующее значение.

Мы считаем, что ведущим обычно оставался процесс эволюции этносоциальной структуры (во всей его противоречивости, о чем речь пойдет ниже). Прежде всего социальный интерес (но не автоматическое воздействие «национального рынка», на что иногда делается упор в трудах по национальной проблематике) в эпоху складывания гражданского общества способствовал формированию национального самосознания. Понятно, что буржуазные революции в Европе, открывавшие новые возможности для развития этносоциальной структуры, занимали в национальном процессе особое место.

В эпоху национального возрождения оформляется этническая территория, подчас для самих национальных деятелей становятся ясными ее пределы: так, например, совершая поездки в районы, где происходил процесс национальной дифференциации близкородственного южнославянского населения, идеологи национального возрождения — хорваты и сербы — находили новые или подтверждали старые аргументы в пользу своих взглядов, — так было в Далмации, Боснии, на Военной границе.

В зависимости от конкретных условий процесс национального возрождения развивался в большей или меньшей степени неравномерно на всей этнической территории. Всегда выделялась определенная ее часть, где утверждение национального самосознания и активизация национального движения происходили наиболее интенсивно. Мы называем эту область «национальным ядром». Именно отсюда идейные, культурные и политические импульсы распространялись на всю этническую территорию, даже за пределы государства (путем корреспонденции, рассылки газет, книг, журналов, поездок активистов и т. д.). На территории национального ядра обычно возникал городской центр общенационального масштаба (Прага, Люблина, Загреб, Нови-Сад, Львов и др.).

Роль национального ядра в национальном процессе являлась особенно значительной, когда этническая территория была сильно раздроблена в административно-политическом отношении (у сербов, хорватов, румын, несколько меньшей эта роль была у словенцев и чехов).

Что касается сербов, то национальный центр у них появился уже в XVIII в., на стадии феодальной народности, в Воеводине с Нови-Садом. После возникновения сербского государства (1804) оно стало вторым центром (с Белградом), причем его нациоконсолидирующая роль систематически возрастала, и в третьей четверти XIX в. именно этот центр стал играть доминирующую роль. Таким образом, некоторое время у сербов было два притягательных центра — один в рамках Австрийской империи, другой вне ее. У словенцев национальная активность была весьма оживленной в Триесте, который объективно некоторое время выступал как «конкурент» Люблины. Вообще, национальные центры подчас утверждались в своей роли не без борьбы, поскольку национальным деятелям приходилось преодолевать местную замкнутость и «сепаратизм».

Значение нациообразующего городского центра и вообще городов для национального возрождения было велико. Здесь формировалась наиболее развитая этносоциальная структура буржуазного общества, включая научную и художественную интеллигенцию, возникали экономические, культурные и политические организации (кредитно-сберегательные кассы, издательства, музеи, библиотеки, театры), выходили газеты и журналы, развертывалась борьба за национальное представительство в магистрате (если город был многонациональным), за просвещение на родном языке (в особенности за создание гимназий, а затем и университетов).

Централизирующая, этноконсолидирующая роль городов продолжала возрастать и после эпохи национального возрождения. У на-

родов с полной структурой феодального общества общенациональные городские центры возникли значительно раньше — уже при феодализме (Варшава, Краков, Пешт-Буда, Прага до национальной катастрофы в начале XVII в.).

Отсутствие у формирующейся словацкой нации в XIX в. городского центра свидетельствует об особо неблагоприятных условиях национального процесса.

Именно в многонациональных городах с наибольшей остротой сказывались противоречия национальных процессов: на первых порах значительной была ассимиляция населения господствующей инонациональной (немецкой, итальянской) средой, но здесь же возрастало сопротивление ассимиляции и выявлялись результаты национального развития, о которых говорилось выше.

Всюду в Центральной Европе по мере эволюции социальной структуры народов начинаются национальные движения. С разными отклонениями нарастающая активизация этничности датируется второй половиной XVIII в. Объективное антифеодальное содержание процесса на его ранней стадии несколько завуалировано в регионе Центральной Европы (и в этом его отличие от Юго-Восточной Европы): оно выражалось не в массовой борьбе под национальным флагом против существующих отношений и, как правило, не в радикальных программах, но в идеях национального Просвещения, обычно в поисках компромисса между идейными импульсами, шедшими с Запада, и национальной традицией, в поддержке политики просвещенного абсолютизма Габсбургов. Это связано с общественной основой движения, в котором преобладала разночинная — бюргерская, духовная и служилая — образованная среда.

У народов, имевших собственное дворянство, в общественном движении относительно долго преобладали его представители. В этих случаях существо проблемы формирования национального самосознания в дворянской среде заключалось в трансформации политической идеологии дворянства как феодального класса-сословия в идеологию буржуазную по содержанию, точнее дворянско-буржуазную. Несколько позднее складывается национальная идеология буржуазии, и тем более крестьянства.

Расстановка сил в общественных движениях — немецком и в среде других народов монархии Габсбургов — определялась тем, что примерно до конца наполеоновских войн дворянские (в Венгрии) и нарождающиеся буржуазные круги приспособлялись к существовавшим отношениям, чему способствовали и иозефинские реформы 80-х годов XVIII в. Дворянство торговало хлебом и скотом, принимало участие в основании кредитных учреждений. Буржуазия не

только втягивалась в торговые связи с помещиками, но и ввиду скупки и аренды помещичьих земель сближалась с ними и социально. К тому же большинство ее было политически неразвитым, а нередко и малокультурным. Просвещенные представители народов, не имевших полнокровного класса дворян, ограничивались культурно-языковой программой, которая, однако, объективно имела антифеодалное содержание. В Польше же и Венгрии деятельность в сфере культуры сопровождала политическую активность дворянства. При всем том общественное движение в среде всех народов и процесс складывания национального самосознания нельзя понять без учета систематического — в XVIII — первой половине XIX в. — брожения крестьянства, временами прорывавшегося в волнениях, и нараставшей в первой половине XIX в. социальной напряженности в городах, где происходил процесс упадка цехов и традиционных отраслей ремесла и зарождения пролетариата. Общий кризис феодальных отношений и связей побуждал имущие слои искать новые — внесловные — этнические связи.

Ставшие нетерпимыми для развития общества феодальные пути были сняты в Австрийской империи буржуазной революцией 1848–1849 гг. и реформами в Австрии, Пруссии и России, польскими освободительными восстаниями и преобразованиями в Польше с 1791 по 1864 г. Но традиционные режимы чуженационального господства сохранились в Центральной Европе до 1918 г. В этих условиях продолжался процесс складывания наций. Все это свидетельствовало о значительных возможностях эволюции этносоциальной структуры, которые существовали в тогдашних многонациональных государствах Центральной и Восточной Европы.

Своеобразием отличался общественно-политический и культурный процесс в Юго-Восточной Европе, в регионе османского господства. Здесь существовали крайне тяжелые, труднопреодолимые препятствия развитию нового общества, этносоциальной структуры буржуазного типа. Хотя уже в 40–80-х годах XVIII в. у купечества были в наличии значительные денежные средства, происходил процесс социальной дифференциации и развивался рынок, переход к капиталистическим отношениям оказался невозможным⁷. И в дальнейшем, вплоть до освобождения от османской власти, капиталистические отношения на Балканах, за отдельными исключениями, оставались на уровне рассеянной мануфактуры. Иностранная конкуренция, особенно с середины XIX в., разоряла традиционное ремесло, замены же ему не создавалось.

В XVIII в. османский регион вступил в полосу кризиса. Репрессии против сельских старейшин, торговцев и крестьян лишь ускорили подъем освободительной борьбы сербов и греков. В отличие от Центральной Европы, социальное движение масс сразу приняло национальный характер. Эта борьба привела к возникновению Сербского княжества, вассального султану (1815 г.) и независимого Греческого государства (1830 г.). Развернулась культурно-политическая и вооруженная борьба крестьян, ремесленников, части торговцев, интеллигенции (в том числе духовенства) в Болгарии, Боснии и Герцеговине. В результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было создано Болгарское княжество, а Босния и Герцеговина (по мандату Берлинского конгресса) были оккупированы Австро-Венгрией (1878 г.).

С точки зрения национального процесса на Балканах эти события указывают на существенную особенность региона: возникновение Сербского государства (уже во время Первого восстания 1804–1813 гг.) произошло при товаризации сельской экономики (рост торговли скотом во второй половине XVIII — начале XIX в.) в условиях феодализма, т. е. в эпоху феодальной народности, при отсутствии капиталистического уклада (хотя мы отмечали связь балканской торговой буржуазии с регионами, где капиталистический уклад уже формировался). Трансформация сербской народности в нацию раньше началась в рамках Австрийской империи. Греческое и болгарское государства возникли в условиях национального возрождения, на относительно ранней стадии формирования наций.

В отличие от этого, в Центральной Европе нации в основном формировались в пределах многонациональных государств. Таким образом, характер (формы, движущие силы) национальных движений и их результаты в связи с национальными процессами в Центральной и Юго-Восточной Европе в XIX в. были разными.

В целом, подводя итоги эпохи национального возрождения у народов Центральной Европы (и соответствующей эпохи у народов, к которым это понятие не применяется), можно сказать, что эти итоги заключались в создании прочной основы формирующихся наций, что свидетельствовало о необратимости их этноконсолидационного процесса.

Наконец, необходимо сопоставить эпоху национального возрождения в Центральной Европе с эпохой Возрождения (Ренессанса) в Западной Европе. Это тем более важно, что содержание указанных понятий в литературе подчас (правда, очень редко) отождествляет-

ся*. За терминологической нечеткостью скрывается неясность в понимании содержания процессов.

Между указанными процессами имелись черты некоторого (отдаленного) типологического сходства, так как в обоих случаях они приходились на время перехода от феодализма к капитализму. Но и только. В Центральной и Юго-Восточной Европе речь идет лишь о народах с неполными структурами, народах, испытывавших национальное угнетение в составе чуженациональных государств. Далее, имеются в виду разные эпохи всемирной истории: на Западе — каун и начало «капиталистической эры» (К. Маркс), у изучаемых нами народов — время развития буржуазного общества, промышленного переворота в Европе. Возрождение на Западе (XV–XVI вв.) было отделено целой эпохой от Просвещения (конец XVII–XVIII в.). Национальное возрождение в Центральной и Юго-Восточной Европе восприняло результаты Просвещения⁸, сопровождалось или завершалось национально-политическими требованиями.

Хотя XV век — время возникновения объединенных государств Западной Европы (Англии, Франции, Испании) и, в сущности, преднациональных процессов, стимулировавших создание этих государств и развивавшихся в их рамках (процессов консолидации феодальных народностей в условиях развития товарного хозяйства), всё же в центре мировоззренческих систем тогда находился Человек и уже за ним — нация. В национальном возрождении в Центральной Европе в центре внимания — этнос, народ, нация (для становления которой приходилось сознательно прилагать усилия) и вместе с тем Человек.

Содержательны рассуждения С. В. Никольского против «проведения знака равенства» между национальным возрождением и Ренессансом и смешения эпох. Поскольку «возрожденческие» (ренессансные) черты развития были присущи культуре Польши, Чехии или Далмации в XVI в., то пришлось бы говорить о «двух ренессансных эпохах»... «Не говорим же мы о Ренессансе, например, относительно польской общественной и культурной жизни первой половины XIX в., хотя она была гораздо более мощной, нежели в соседних странах, переживавших в это время этап национального воз-

* О потребности терминологически различать эти процессы свидетельствует хотя бы крайнее усудобство, которое выявилось при ссылках на такие труды, как: *Робинсон А. Н.* Историография славянского возрождения и Пясий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963; *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. Речь идет о разных эпохах всемирной истории.

рождения»⁹. В культуре национального возрождения в странах Центральной Европы «черты, характерные для эпохи Просвещения и для освободительных движений эпохи буржуазной революции, проявляются, вероятно, в большей степени, чем ренессансные»¹⁰. Убедительны также возражения И. С. Миллера против сближения национального возрождения в Центральной и Юго-Восточной Европе с эпохой Возрождения в Европе¹¹.

Необходимость избегать путаницы в понятиях подтверждает и опыт изучения истории Италии. Национальное возрождение в Центральной Европе так же нельзя смешивать с Ренессансом, как и итальянское Рисорджименто второй половины XVIII—XIX в. Сами итальянцы четко различают эти понятия: Ренессанс (Возрождение) (XIV—XVI вв.) обозначается термином Ринашименто (Rinascimento). Хотя буквально термин Risorgimento также означает «Возрождение», составители словарей хорошо схватывают реальное содержание понятий, переводя Ринашименто — Возрождение (Ренессанс), а Рисорджименто — «эпоха воссоединения Италии», т. е. эпоха национально-освободительной борьбы, подъема национальной культуры, восстаний и войн, эпоха Мадзини и Гарибальди.

Таким образом, прямолинейное сопоставление и тем более отождествление содержания эпох Ренессанса и национального возрождения неправомерно¹².

Эпоха национального возрождения — уникальный период в этнической истории. Всего на протяжении одного, самое большее — двух поколений произошел кардинальный сдвиг в этническом самосознании миллионов людей. В дальнейшем это новое самосознание закреплялось, углублялось, наполнялось новым социальным, идеологическим содержанием, однако основа была заложена именно в эту эпоху. Но столь решающая перемена за небольшое время, естественно, не могла стереть в сознании народов-этносов прежние представления, они сохранились — в различной степени у разных народов — в виде субэтнического сознания разной глубины, происхождения, распространения и значимости¹³. Если это сознание сохраняется в Западной Европе (провансальцы, каталонцы, бавар-

* Добавим, что термин «национальное возрождение» применяется в отношении современных этнокультурных и национально-политических движений в высокоразвитых странах (Испания, Бельгия и др.). Это вновь свидетельствует о неправомерности смешения процессов национального возрождения и Ренессанса.

цы * и др.), где национальный процесс развивался медленней, но зато более «основательно», то тем более неизбежно это явление в изучаемом регионе.

После возникновения основных устоев нации происходила ее достройка по всем направлениям, в связи с чем она достигала стадии зрелости. Структура нации, несомненно, зависела от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения. Важное место в Центральной Европе при этом занимал промышленный переворот. Следует, однако, иметь в виду, что у большинства народов Центральной Европы (и у всех народов Юго-Восточной Европы) процесс социально-экономической модернизации был столь трудным, замедленным и противоречивым, что нет оснований говорить о «перевороте»¹⁴.

Особенность процесса сплочения буржуазии в национальном масштабе в более отсталых аграрных районах Центральной Европы (а таковые составляли большинство) первоначально заключалась в том, что интересы преобладающей ее части были связаны с внешними (для данной нации, т. е., точнее, инонациональными) рынками, куда вывозились продукты местного земледелия, животноводства и, частично, ремесла. Для большинства аграрных районов (территории румын, южных славян, отчасти — венгров) внешние рынки находились в промышленных областях Австрии, включая Чешские земли, а также в Германии, северной Италии, некоторых районах Венгрии. Польские аграрные области до промышленного переворота в Польше ориентировались преимущественно на Западную Европу. Еще в большей мере все сказанное относится к балканским нациям, даже развивавшимся в условиях национальных государств.

В связи с этим нуждается в уточнении и конкретизации известный тезис о национальном рынке как основе сплочения нации. Длительное время для «национальных интересов» внутренний национальный рынок аграрных земель, развивавшийся в условиях многонациональных рынков (общевстрийского, общероссийского, общеевропейского), имел меньшее значение, чем внешний, а экспортно-импортная торговля превалировала. Но все это свидетельствовало о незавершенности процесса формирования нации.

Процесс складывания национального рынка в условиях многонациональных монархий подвергался сильному деформирующему

* Баварцы, пользующиеся особым диалектом, считают себя нацией, вместе с тем не отрекаясь от общенемецкого самосознания. Этническое сознание каталонцев достигло такого уровня, что они не признают себя испанцами.

воздействию со стороны общегосударственного рынка, что вызывало недовольство части национальной буржуазии, традиционно действовавшей на местном рынке или связанной с традиционными средствами транспортировки грузов (по рекам, гужевой транспорт). Эти явления в особенности присущи периоду промышленного переворота, прокладки железных дорог, развития парокходства. Так, проведение железных дорог от Вены к окраинам Австрийской империи в 50–60-х годах XIX в. коренным образом изменило сложившуюся в течение полутора столетий систему хозяйственных связей в Воеводине, Славонии, Хорватии, так как потерял значение старинный речной путь по рекам Дунаю и Саве, гужевой извоз к морю, в Словению и австронемецкие земли.

Все это вызывало болезненные социальные последствия, поскольку разорение традиционного ремесла и немногочисленных мануфактур не сопровождалось немедленно адекватным подъемом фабричной промышленности. Последняя развивалась медленно и однобоко, т. е. главным образом в тех отраслях, которые не встречали конкуренции (мельницы, выделка кожи, добыча ископаемых, вырубка лесов и т. д.).

Промышленный переворот повсеместно вызвал упадок множества традиционных производств. Наиболее рано это произошло в самых развитых районах (например в Чехии) и постепенно — уже после 1848 г. — распространилось на аграрные. И всюду эти процессы сопровождались оживлением национальных чувств и оппозиционных настроений, поскольку большинство предприятий фабричной промышленности поначалу принадлежало австронемецкой буржуазии, а государственное управление находилось в руках немцев. Мелкая буржуазия разных национальностей в этих условиях была оппозиционной не только бывшим феодалам, сохранившим привилегии, но и крупной инонациональной буржуазии. Поэтому в национальных движениях демократизм нередко сочетался с консерватизмом (оппозицией либерализму).

В Королевстве Польском время после 1864 г. характеризуется интенсивным ростом промышленного производства, развитием городских центров, прежде всего Варшавы и Лодзи, разложением ремесла, расслоением крестьянства. Компактность обширной территории, отдельные части которой были постепенно связаны между собой сетью водных путей и железных дорог, способствовала упрочению национального капиталистического рынка¹⁵. Польский промышленный капитал не встречал в Российской империи такой мощной конкуренции, как национальные капиталы в Австро-Венгрии. Российский рынок способствовал его развитию (как, впрочем,

австро-венгерский рынок, несмотря на все противоречия, способствовал развитию чешского капитала).

Этносоциальный процесс в Польше в пределах Российской империи в последней четверти XIX в. характеризовался сближением имущего дворянства с буржуазией, формированием слоя крепких крестьян и фабрично-заводского рабочего класса, зрелостью национального самосознания. Эта ситуация способствовала четкому выражению взглядов разных слоев населения на национальные проблемы¹⁶.

С некоторым запозданием и присущей им спецификой аналогичные процессы происходили на других частях польской территории. Так, особенно отличались польские земли Германии, большая часть которых (кроме Верхней Силезии) оставалась аграрным «хинтерландом» рейха. Национальное самосознание здесь сформировалось в ходе сплочения разных слоев населения против политики германизации и антикатолического «культуркампа» О. Бисмарка. В противоположность этому в Австрии (Галиции) после 1867 г. существовали благоприятные условия для развития польской национальной культуры. Несмотря на социально-экономическое отставание от Польского королевства, в Галиции также четко выявились установки различных социальных сил в национальной сфере. Галиция (Краков и особенно находившийся вне польской этнической территории Львов, административный центр провинции) стала опорным пунктом развития польской общественной мысли в национальном масштабе.

Прочные контакты между общественными течениями разных польских земель, взаимовлияние близких по социальной основе группировок — все это свидетельствовало о зрелости внутринациональных связей в последней четверти XIX в.

В Чехии и наиболее крупных центрах Венгрии (Пешт-Буда) национально-политическая активизация мелкобуржуазных слоев имела место уже в 30–40-х годах XIX в., особенно она проявилась во время революции 1848–1849 гг., когда действовали радикально-демократические антигабсбургские группировки. В Хорватии сходные явления наблюдались в 50–80-х годах XIX в. и т. д.

Таким путем национальное самосознание и осознание связи национальных интересов с социальными утверждалось во все более широких слоях городского и несколько позднее — сельского населения. Этот процесс был следствием не только товаризации экономики и развития капитализма, но и кризиса старого способа производства и обмена, болезненного вымывания традиционных торговых-ремесленных слоев и нарушения прежних хозяйственных связей.

Первый фактор вскоре приобрел решающее значение в более развитых районах (Чешские земли, области Пешта-Буды, Варшавы, Лодзи и др.). Действие второго фактора было особенно длительным в районах, менее развитых экономически и испытывавших особые трудности перехода к новому экономическому и социальному строю (восток и юг монархии Габсбургов). При этом в политических программах и всей системе национальных взглядов сказалось разнообразие конкретных «национальных» интересов отдельных слоев, — как тех, которые более или менее успешно приспосабливались к новым условиям (либералы), так и переживавших длительный кризис (радикалы, консерваторы, шовинисты и пр.).

Проблема национального единства в идеологии буржуазии повсеместно стала выходить на передний план. В конце XIX — начале XX в. усиливаются клерикально-реформистские течения христианско-социального толка, по-своему добивавшиеся модернизации общества, и, с другой стороны, леволиберальные, буржуазно-демократические течения. Все они призывали к национальному сплочению.

У разных наций региона консолидация буржуазии в национальном масштабе проявлялась в оформлении группировок крупной буржуазии, в интенсивном обуржуазивании дворянства в конце XIX — начале XX в. Имущее дворянство, титулованные лица всё больше выступали в роли держателей акций банковских, промышленных, железнодорожных и иных компаний. В крупных земельных хозяйствах широко применялись машины и наемный труд. В этой обстановке усиливалась тенденция политического сближения дворянства с буржуазией.

Но при этом сохранялись — особенно в восточных областях монархии Габсбургов и в Польше — крупные остатки полуфеодальных отношений в сельском хозяйстве — помещичьи латифундии (фиденкомиссы), отработки, кабальная аренда и условия найма батраков и поденщиков. Это сдерживало почву, с одной стороны, для радикально-демократического движения крестьянства, вплоть до требований раздела помещичьей земли, с другой — для помещичьего консерватизма. Вплоть до распада империи Габсбургов землевладельческое дворянство сохраняло здесь политические и экономические привилегии, по существу имевшие сословный характер, и оставалось (по крайней мере часть его) наиболее консервативной социально-политической силой. Полного слияния дворянства с буржуазией вплоть до развала Австро-Венгрии не произошло.

Консолидация национальной буржуазии проявлялась также в ускорившемся росте фермерского крестьянства. Хронологические

рамки начала этого процесса в деревне — третья четверть XIX в. в наиболее развитых районах (Чехия), последняя четверть XIX в. в среднеразвитых (центральные районы Венгрии и Польши), конец XIX в. в остальных.

В Чешских землях с середины XIX в., в более отсталых южных и восточных частях монархии Габсбургов в конце XIX — начале XX в. происходило сближение национального кредитного капитала, переживавшего подъем (на основе спекуляции земельными участками, ростовщичества, финансирования торговли), с национальной промышленностью и сельским хозяйством¹⁷. Вместе с этим росла заинтересованность национального капитала не только в выходах на внешние рынки, но и во внутреннем рынке, происходила консолидация буржуазии в общенациональном масштабе, усиливалось и ее стремление быть «хозяином в собственном доме» на основе широкой автономии.

С буржуазией по своим интересам сливались богатые и зажиточные образованные круги, верхние слои интеллигенции. Это сближение шло не только по линии «материального положения» (высокие гонорары лиц свободных профессий, профессуры, адвокатов и пр.), но и непосредственно путем включения представителей интеллигенции в предпринимательство в качестве владельцев акций и т. д. При этом именно интеллигенция давала «национальных идеологов», лидеров, публицистов, идейно оформлявших национальные интересы.

Другой стороной созревания социальной структуры буржуазного общества являлось формирование фабрично-заводского рабочего класса и других слоев, работавших по найму, в том числе трудовой интеллигенции и служащих. Создание рабочих организаций (профессиональных союзов и политических партий), возникновение массового рабочего движения — все это свидетельствовало о зрелости наций. В Центральной Европе указанные процессы приходятся на период 70-х годов XIX в. — начала XX в.

Итак, консолидация наций и завершение их формирования были связаны с глубокой социальной дифференциацией, в том числе и крестьянства, нараставшей в Центральной Европе во второй половине XIX — начале XX в. Это вызвало массовую эмиграцию бедноты, преимущественно в США. Одновременно формировались новые средние слои буржуазного общества, однако в большинстве случаев этот интеграционный процесс заметно отставал от первого. Именно с консолидацией основных классов буржуазного общества была связана длительная историческая полоса обострения социально-политических противоречий в рамках каждого национального орга-

низма, причем противоречия буржуазного общества переплетались с противоречиями, оставшимися от феодализма.

Явления, свидетельствующие о неустойчивости, глубокой противоречивости социальных связей, присущих буржуазному обществу на этапе его становления и даже позднее, имели место и в Западной Европе, а также в западной части Центральной и Средиземноморской Европы. Этот этап завершился здесь в период примерно с конца XIX в. (Франция) по середину XX в. (Италия, Германия). Свидетельством его завершения в Испании был в общем и целом безболезненный демонтаж франкистского режима, в Греции — режима «черных полковников». Указанная историческая полсса в истории Европы свидетельствовала о длительном социальном кризисе в процессе становления современного (индустриального) капитализма. Но в наиболее развитых странах капитализм устоял в двух мировых войнах, более того, в условиях наиболее зрелого современного капитализма социальные противоречия уже не достигают стадии антагонизма ¹⁸.

В Центральной Европе процессы идеологического и политического отчуждения буржуазно-дворянского «общества» и широких слоев народа в XIX — начале XX в. привлекли пристальное внимание интеллигенции. Кажется парадоксальным, но именно процесс консолидации наций осознавался национальными идеологами как время «распада гражданской жизни» и «всякого человеческого сообщества», как угроза краха устоев национальной общности. В действительности в этой реакции на протекавший исторический процесс сказалась небезосновательная тревога большинства интеллигенции в связи с угрозой социальных катаклизмов в наступающем XX веке.

Данная ситуация в Центральной Европе способствовала формированию новых идейно-политических течений, ставивших своей целью «сблизить общество с народом», «засыпать пропасть» между ними путем ускоренного формирования средних слоев, уважения к интересам как собственников, так и рядового («маленького») человека. Тем самым ставилась задача политически и культурно «сплотить нацию», т. е. реформировать и сплотить существующее общество. В этих условиях национализм и «социальная политика» приобретали для национальных идеологов особое значение.

Здесь мы встречаемся с явлением, в некоторой степени аналогичным уже известному нам и относящемуся к периоду кризиса феодализма, когда в среде господствующего феодального класса началась пропаганда «сближения с народом» на национальной основе путем осуществления некоторых крайне назревших реформ (попу-

лярность «народной» одежды, обычаев, языка в ряде стран Центральной Европы; славянофильство в России). Объективно и в период перехода от феодализма к капитализму, и в период, который является предметом рассмотрения в данной статье, содержанием отмеченных явлений был процесс складывания наций.

В Чехии подобные воззрения давали о себе знать уже в 60–70-е годы XIX в.¹⁹, в южнославянских землях Австро-Венгрии они распространились с конца XIX в., в Венгрии и Королевстве Польском — особенно с 70–80-х годов XIX в.²⁰ Все эти даты примерно совпадают с этапом завершения складывания наций.

В конце XIX в. в Австро-Венгрии обнаружилось себя одно из новых течений — «реализм» или «прогрессизм». Его формирование происходило при сильном влиянии идей чешского профессора Т. Г. Масарика²¹. Постепенная демократизация политической жизни, расширение избирательного права, антиклерикализм, устранение из общества одиозных остатков прошлого, элементов сословного неравноправия крестьянства, социальная и политическая модернизация деревни, социальное законодательство, привлечение к общенациональному сотрудничеству социал-демократии, в среде которой преобладало центристское направление, — такова либерально-демократическая программа «реализма».

Другое течение — католический клерикализм, окончательно оформившийся после энциклики «Рерум новарум» Льва XIII (1891 г.). В отличие от консервативного помещичье-аристократического клерикализма, активизировавшегося в 60-х годах XIX в., новое христианско-социальное крыло клерикалов проповедовало защиту интересов людей труда, прежде всего мелких хозяев (но создавались и рабочие профсоюзы), — защиту от ничем не сдерживаемого господства крупного капитала. В габсбургском государстве клерикалы (австронемецкие, венгерские и славянские) выступали за консолидацию монархии. Наиболее прочные позиции клерикалы имели в австронемецком и словенском обществе.

Наконец, знаменательно появление аграризма. Его сторонники проповедовали первостепенное значение аграрных слоев (включая помещиков, сельскую буржуазию и зажиточное крестьянство) для будущего нации. Они утверждали, что в сельском хозяйстве существует гармония, способная преодолеть «как капитализм, так и социализм».

Как видим, все указанные течения стремились преодолеть кризисные общественные процессы путем модернизации экономики и социальных отношений.

Каждая группировка обычно объединялась вокруг «национальных», «патриотических» финансовых учреждений (банков, кредитно-сберегательных касс, кооперативов), стремилась вытеснить инонациональных конкурентов и распространить свое влияние на широкие слои населения. Действительно, владельцы и акционеры банков и касс, предоставляя займы крестьянам, заставляли их голосовать на выборах за угодных данной группировке кандидатов. Вместе с тем «патриотические» финансовые учреждения не менее беспощадно, чем инонациональные, распродавали с аукциона имущество и землю крестьян, способствовали росту городской и сельской буржуазии. Одновременно национальная буржуазия финансировала печать и учреждения национальной культуры.

В таких противоречивых формах в регионе происходило сплочение наций буржуазного общества.

Буржуазия отдельных наций региона сплачивалась в общенациональном масштабе первоначально не столько на основе внутреннего промышленного рынка, сколько на базе создания сети кредитно-сберегательных (финансовых) учреждений и развития национального денежного рынка. Объектом ее эксплуатации при этом выступал главным образом мелкий производитель, прежде всего крестьянин. Лишь на последующей стадии значительной силой становилась национальная промышленная буржуазия. Поэтому полем конкуренции буржуазии разных наций первоначально был денежный рынок, на котором шла борьба банков и сберегательных касс за вкладчиков и должников (займополучателей). Основным источником буржуазного накопления и формирования национальной буржуазии, особенно в менее развитых в промышленном отношении областях, даже в начале XX в. оставалось ростовщичество, приобретавшее общенациональную организацию в виде сети сберегательно-кредитных касс. Вместе с тем этот капитал уже переливался в промышленность. Именно последнее дает основания говорить о зрелости национального процесса²². Не случайно именно в начале XX в. обостряется борьба на рынке промышленных изделий. Это относится как к Центральной, так и к Юго-Восточной Европе (о чем свидетельствуют предпринятые Болгарией и Сербией меры по защите отечественной промышленности).

После ликвидации устоев феодализма в идеях общенационального сплочения, распространявшихся в дворянском и буржуазном (а затем в «дворянско-буржуазном») обществе, всё большее внимание стало уделяться крестьянству и мелким производителям вообще. Первоначально, однако, «национальные идеологи» не шли дальше программ просвещения крестьян. Лишь по мере углубления соци-

альных антагонизмов, связанных с обеднением большинства сельского населения, появляются разного рода социальные программы, как правило, направленные на модернизацию земледелия, ускорение роста слоя фермеров и арендаторов, развитие кредитно-сбытовой кооперации на селе.

Вслед за буржуазией и рабочим классом на поле политической борьбы вступало крестьянство. Политическая активизация зажиточного крестьянства проявилась, в частности, в упрочении его влияния в клерикальном лагере в Словении, в возникновении ряда крестьянских партий. Так, в Хорватии крестьянская партия (1905 г.) подчеркивала, что именно «простой народ», в основном состоящий из крестьян, и является нацией, и вокруг крестьянства должны сплотиться остальные слои, в том числе рабочие, а «господа» (дворянство, буржуазия, чиновничество и пр.) во имя национального единства должны отказаться от своекорыстной политики. Здесь крестьянское понимание нации пришло на смену дворянскому и буржуазному, в котором в лучшем случае господствовал принцип «покровительства» простым людям. В Польше крестьянство в центр своего внимания ставила партия Стронництво людове («людовцы», 1895 г.)²³. Крестьянские партии повсеместно выступали против остатков сословного неравноправия, не только бывшего по материальным интересам крестьянства, но и унижавшего их человеческое достоинство.

Подобного рода идейные концепции в разных странах свидетельствуют о том, что, проникаясь национальным самосознанием, каждый слой общества искал в национальном движении удовлетворение своего социального интереса, который обычно выдавался за общенациональный, и в нем (имеются в виду угнетенные, неполноправные нации) этот национальный интерес в разной мере получал действительное выражение.

Итак, в основе созревания нации находился главным образом не процесс становления буржуазной структуры многонационального общества региона или многонационального государства вообще, а прежде всего созревание национальных (по языку, культуре, самосознанию) классов общества. Это — один из основных критериев зрелости нации.

Однако данная констатация недостаточна для определения сформировавшейся нации. Социальный сдвиг фундаментального характера влек за собой изменения в надстройке. Утверждение принципа неприкосновенности частной собственности, охрана прав личности (что имело общедемократическое прогрессивное значение), ликвидация остатков сословного неравноправия, равенство граждан пе-

ред судом и законом, расширение избирательного права (в конечной цели — всеобщее равное избирательное право), участие граждан в делах общества, возможность их объединения по интересам (партии, профсоюзы и др.), — все это стало свидетельством зрелости гражданского общества и зрелости нации.

Даже неполный комплекс этих факторов, означавший утверждение буржуазно-либерального правопорядка, был присущ в XIX в. лишь немногим национально-буржуазным обществам (например в США после ликвидации рабства негров, в Великобритании или Швеции после устранения всевластия земельной аристократии).

В многонациональных государствах Центральной Европы эти факторы окончательно не сформировались вплоть до 1918 г., тем не менее здесь возникли условия для завершения процесса формирования ряда наций в основном. О том, что в условиях национального неравноправия процесс мог завершиться лишь в основном, свидетельствует ограниченное участие представителей неполноценных наций в государственной жизни, а также в большинстве случаев не удовлетворявшая национальное общество система просвещения, форма которой осуществлялась лишь в ходе упорной и далеко не всегда успешной борьбы.

Критерии зрелости социальной структуры в разных регионах несколько различаются. Так, английская нация сформировалась в условиях, когда уже существовал многочисленный рабочий класс, но еще не было его классовых организаций национального масштаба (т. е. до чартистского движения). То же можно утверждать относительно других наций Западной Европы. В Центральной Европе рабочий класс, возникнув позднее, использовал опыт рабочего и социалистического движения на Западе, и здесь создание рабочих организаций близко по времени завершению формирования социально-культурной структуры наций. Данный опыт связан также с тем, что формирование национального рабочего класса в Центральной Европе в ряде случаев обгоняло формирование национальной промышленной буржуазии. Еще в большей мере этот сдвиг характерен для Юго-Восточной Европы: здесь первые рабочие организации возникли задолго до завершения формирования наций.

Складывание зрелой (полной) социальной структуры каждого народа сопровождалось формированием развернутой системы современной национальной культуры, основы которой, как отмечалось, были заложены в эпоху перехода от феодализма к капитализму. В условиях национального неравноправия и угнетения строительство национальной культуры являлось элементом формирования нации и формой национального движения. Все формы движе-

ния имели национально-политическое значение. Таким образом, для становления нации в условиях угнетения была необходима целая серия сознательных, целенаправленных действий. Культура становилась важным средством консолидации наций (прежде всего национального самосознания), средством воздействия общества на национальный процесс.

Как свидетельствует история Центральной Европы, процесс складывания системы национальной культуры (включая национальное самосознание), связанный со становлением структуры буржуазного общества, вместе с тем сохранял значительную самостоятельность и обгонял, подчас весьма заметно, формирование новых классов. Именно это обстоятельство побуждает некоторых историков датировать завершение процесса формирования наций (процесса в действительности комплексного) рубежами складывания национального самосознания, выразительного проявления национальных чувств (прежде всего патриотизма)²⁴. По нашему мнению, этот подход неверен, поскольку игнорирует базисные факторы.

Таким образом, на интересующем нас этапе, как и ранее, мы имеем в виду «схождение» (взаимосвязь) социального и этнокультурного аспектов развития нации. Их невозможно изолировать друг от друга, нельзя и абсолютизировать, как это делает одна из западных школ при формулировании тезиса о *Kulturnation* (т. е. о нации, которой при отсутствии национального государства присуща собственная развитая культура). Такой нации вне социальных (включая экономические и политические) связей вообще не существует.

У М. Гроха наиболее лаконичной и удачной нам кажется следующая формулировка рубежа завершения формирования наций: «О завершении формирования малой нации можно говорить тогда, когда она достигла „органической“ классовой структуры, типичной для капиталистического общества, и создала самобытную национальную культуру»²⁵. Польский исследователь Т. Лэпковский также подчеркивает, что «современная нация... означала общность с развитой классовой социальной структурой капиталистической модели»²⁶.

Здесь же приведем авторитетное свидетельство, касающееся региона Западной Европы. Четко высказал свое мнение о критериях определения рубежа зрелости нации один из крупнейших французских историков Фернан Бродель (1902–1985): «Франция становится единой не при Жанне д'Арк и даже не во время Французской революции, но только после запоздалого — и по тем временам поистине чудесного — возникновения в стране сети железных дорог и повсеместного распространения начального образования...»²⁷ Обращает

на себя внимание совмещение Броделем социально-экономического и культурного критериев.

В Центральной Европе для завершения (в основном) процесса складывания наций, как и на его более ранних стадиях, сохраняли значение элементы национальной государственности, автономии, самоуправления (хотя бы на части этнической территории).

Однако все формировавшиеся неполноправные нации Центральной Европы (в число которых после 1867 г. не включаются венгры) оставались в состоянии раздробленности — административной (в рамках Цислейтании, как чехи и словенцы, и в рамках Транслейтании, как словаки) или административно-политической (как хорваты, входившие в состав Австрии, Венгрии и Боснии), либо — и это наиболее трудный для складывания наций вариант — находились в пределах двух или трех государств.

Последнее обстоятельство столь важно, что служит основанием для выделения особого типа складывания наций (поляки, сербы, румыны).

Однозначный ответ, сводящийся к тому, что поскольку в данных случаях не существовало единого этносоциального организма с общей социально-экономической и культурной жизнью, то не существовало и нации, удовлетворить не может. Так, в результате разделов Польши в 70–90-х годах XVIII в., нация, которая ко времени разделов уже начала формироваться, не «исчезла». Действительно, единой нации как этносоциального организма не существовало, тем не менее процесс ее формирования в коренным образом изменившихся условиях продолжался. Об этом свидетельствуют факты не только культурной, политической и социальной, но и — хотя в ограниченной мере — экономической жизни. В противном случае осталось бы невозможным и непонятным «ментальное» (в исторических масштабах) завершение процесса складывания польской нации после 1918 г. *

Сравнение формирования польской и немецкой наций побуждает видеть в возникновении наций из раздробленных частей исторический процесс, а не «единовременный» акт, якобы совпадающий с воссоединением этнической территории. Это объединение (в малогерманском варианте) лишь завершило складывание нации, причем

* Польский ученый К. Конколь формулирует эту проблему так: «Формирование современной нации с собственным рабочим классом, располагавшим глубоко укоренившимся национальным сознанием, было в условиях отсутствия государственности делом особенно трудным. Только государство могло объединить раздробленный до того организм» ²⁸.

местные субэтнические традиции устранены не были (например в Баварии, где они подкрепляются политической традицией и, как мы отмечали, наличием особого диалекта).

Аналогичная польской, но более сложная ситуация сложилась у сербов. Этническая территория, которую они занимали в начале XX в., никогда ранее объединена не была. Здесь формирование нации полностью завершилось в рамках Югославии после 1918 г.

В условиях политической раздробленности сохранялись и развивались общенациональная культура, национальное самосознание. Что касается социально-экономической структуры, то на отдельных частях этнической территории ее развитие в основном совершалось обособленно от других частей (хотя полностью связи между этими частями не прерывались). Однако само это развитие было элементом формирования нации. Такие части политически раздробленного народа можно назвать «частичными» (парциальными) нациями. Отличие последних от обычных наций заключалось в их стремлении к воссоединению, проявлявшемся в национальном движении.

Формирование других наций Центральной Европы, находившихся в состоянии раздробленности под австро-венгерской властью, полностью завершилось также после распада монархии Габсбургов. Все сказанное ни в коей мере не преуменьшает значения того факта, что некоторые из этих наций (прежде всего чешская) в основном сформировались значительно раньше. В словацкой науке высказан взгляд, что словацкая нация в основном сформировалась в Чехословацкой республике (т. е. в 20–30-е годы XX в.), а полностью этот процесс завершился в ЧССР²⁹.

Отмеченные выше критерии завершения процесса формирования наций в принципе действительны и для народов, обладавших государственным суверенитетом. Существенные различия между ними и народами неполноправными заключались в некоторых важных чертах национального процесса (у вторых — «национальный» характер общественного движения, его роль в национальном процессе).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Lepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu. Warszawa, 1967. S. 453 etc.*

² *Hroch M. Obrození malých evropských národů Praha, 1971. S. 35* (и ряд других трудов того же автора). Термином «малые народы» Грох обозначил народы с неполной структурой позднефеодального общества. Группа историков в качестве «критерия зрелости национального возрождения»

также указывает на широкое распространение национального самосознания. См.: *Mikulka J., Šestak M., Štastný V. Společenské myšlení slovanských národů habsburské monarchie a buržoazní revoluce ve střední Evropě // Československá slavistika 1983. Praha, 1983. S. 215.*

³ *Богданова И. А. Введение в проблематику становления словацкой национальной культуры // Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII -- 70-х годах XIX в.). М., 1974. С. 68.*

⁴ *Николюский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение; Национальное Возрождение. М., 1982. С. 120, 121.*

⁵ *Hroch M. Obrození malých evropských národů. S. 35.*

⁶ *Hroch M. Zur Periodisierung der asynchron verlaufenden nationalen Bewegungen im Europa des 19. Jhdts // Rapports, Co-Rapports, Communications Tchécoslovaques pour le IV-e Congrès de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. Prague, 1979. P. 198.*

⁷ *Паскалева В. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII--XIX в. София, 1986. С. 98-100.*

⁸ *Дьяков В. А. Эпоха «национального возрождения» в Центральной и Юго-Восточной Европе // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 26.*

⁹ *Николюский С. В. О некоторых задачах исследования литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху формирования наций // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979. С. 116.*

¹⁰ *Николюский С. В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования наций... С. 98.*

¹¹ *Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. С. 430-434.*

¹² *Мильников А. С. О понятии «культурно-исторический тип»: вопросы историографии // Методологические проблемы истории культуры. Л., 1982. С. 74-77.*

¹³ См., например: *Мартынова М. Ю. Хорваты. Этническая история XVIII-XIX вв. М., 1988.*

¹⁴ Поскольку нация формируется как сложный комплекс взаимосвязей, мы не абсолютизируем значение промышленного переворота в национальном процессе.

¹⁵ *Куля Ф. Формирование капитализма в Польше. М., 1959. С. 83 и далее.*

¹⁶ См.: Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864- 1914 гг. М., 1988. Гл. 2, 3.

¹⁷ См.: Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981. Гл. VIII.

¹⁸ Об этом см.: *Замошкин Ю. А.* За новый подход к проблеме индивидуализма // *Вопросы философии.* 1989. № 6. С. 8.

¹⁹ См.: Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989. Гл. 3, 4.

²⁰ Общественное движение на польских землях... Гл. 1-3.

²¹ Краткая история Чехословакии. М., 1988. Гл. IX. С. 264-265.

²² Подробнее об этом (с цифровыми данными) см.: Освободительные движения... С. 398 и далее.

²³ Общественное движение на польских землях... С. 151-161.

²⁴ См., например: История СССР. 1986. № 5. С. 61-62.

²⁵ *Hroch M.* Evropska národní hnutí v 19. století // *Společenské předpoklady vzniku povodobyých národů.* Praha, 1986. S. 286-287.

²⁶ *Łepkowski T.* Op. cit. S. 508. Автор считает, что поляки достигли этого рубежа к 1870 г., хотя тогда не более 30-35% людей, говоривших по-польски, осознавали себя поляками. Взгляды авторов на проблему различаются. Это связано с анализом различного этнического материала.

²⁷ *Бродель Ф.* Что такое Франция? Т. I. М., 1994. С. 7-8. Автор использовал данные географии, антропологии, демографии, политической экономики, политологии, социологии, исследований межгосударственных отношений, «культур и ментальностей» (Там же. С. 11).

²⁸ Известия. 1988. 10 ноября.

²⁹ *Gosiorovský M.* Doformovanie moderného slovenského naroda. 1944-1970 // *Studia nad rozvojem narodowym Polaków, Czechów, Słowaków.* Wrocław etc., 1976. S. 187-197.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Феномен национальной государственности тесно связан с процессами перехода от феодализма к капитализму и формирования нации. Создание национального государства нередко как бы венчает этот процесс, становится ярчайшим признаком сложившейся нации. С другой стороны, наличие национального государства или отдельных форм государственности облегчает процесс формирования нации, способствует развитию национальной жизни и самосознания народа.

Эти основные положения вполне применимы к регионам Центральной и Юго-Восточной Европы, где в процессе создания национальных государств проявлялись как общие закономерности, так и специфические особенности. Специфические черты, присущие процессу становления национальных государств у ряда народов данного региона, в определенной степени являются аргументом для признания их общности, что отнюдь не означает, будто все народы Центральной Европы шли к созданию своего государства одним и тем же путем, не отрицает своеобразия в решении каждым из них этой исторической задачи.

Наличие государственности или ее отсутствие и борьба за нее представляют собой один из важнейших факторов, влияющих на национальное самосознание (наряду с такими факторами, как социально-экономическое развитие, язык, культура, искусство, литература и пр.). При этом возможны различные варианты: для одних народов наличие национальной государственности было постоянным фактором; в других случаях свое государство имела лишь часть народа; некоторые народы, утратив государственность, сохранили ее элементы и традиции; были случаи, когда не существовало и реальных традиций государственности, их заменяли мифические построения.

О благотворном значении непрерывной линии национальной государственности для развития национальной экономики, языка, культуры, самосознания может свидетельствовать пример как фран-

цузского, так и русского народов. Правда, в последнем случае речь идет о многонациональной государственности, которая несет в себе опасные отрицательные моменты (шовинизм, национализм, национальные конфликты и др.).

Если национальное государство создавала часть народа (например, сербы), возникал национальный центр, ядро, вокруг которого формировалась нация. Сам факт наличия такого государства укреплял национальное самосознание, этому же способствовала целенаправленная государственная политика и пропаганда, объектом которой были собратья за рубежом.

Пример использования традиций и элементов государственности для развития национального самосознания дает история польского народа. Так, в Варшавском Княжестве и Королевстве Польском проводилась политика покровительства национальной экономике, просвещению, развитию языка, литературы и искусства; возводились памятники выдающимся деятелям польской истории и культуры, поддерживались и поощрялись монументальное направление в архитектуре, историческая живопись, создание героических образов в литературе и т. п.

Стремление опереться на традиции государственности нашло своеобразное преломление у румын, в историческом прошлом которых не было прочных государственных объединений. К национальному самосознанию румынского народа взывали напоминая о великом «дакском», «римском» прошлом. Ту же цель преследовало возвеличивание Михая I как основателя национального государства, хотя он создал лишь военно-политическое объединение.

Важным представляется вопрос о связи национального самосознания, национальной государственности и социально-экономического развития. Этот процесс, происходивший в странах Центральной Европы, создавал внутренние предпосылки как для формирования национального самосознания, так и для возникновения национальных государств. Всем центральноевропейским народам были свойственны тенденция накопления элементов капиталистического прогресса, единое направление происходивших в базе изменений. Но одновременно проявлялось своеобразие облика каждого формировавшегося буржуазного общества, складывались социальные структуры, различавшиеся национальным составом классов нового общества, степенью силы и самостоятельности национальной буржуазии, глубиной, последовательностью и темпами капиталистических преобразований, отсутствием либо наличием в той или иной мере остатков феодального уклада.

Можно считать закономерным, что народы, дальше других продвинувшиеся по пути социально-экономического развития, закладывали наиболее прочную основу для создания самостоятельного государства, как бы торопили и приближали его; как правило, они острее ощущали, что отсутствие национального государства мешало дальнейшему развитию капитализма, и стремились использовать все имевшиеся формы или элементы национальной государственности. Однако, если обратиться к странам Центральной Европы, то конкретный анализ исторической действительности показывает сложность происходивших там процессов и высвечивает явления, представляющиеся на первый взгляд парадоксальными.

Наиболее ярким примером может служить «чешский парадокс»: чехи, опередившие в социально-экономическом развитии другие народы Центральной Европы, в значительной степени были обязаны этим своему особому экономическому положению в Австрийской империи, и потому чешская буржуазия стремилась не к созданию самостоятельного государства, а к сохранению и укреплению своих позиций в рамках государства Габсбургов, добиваясь придания ему статуса федерации. В свою очередь, в условиях Российской империи создалась благоприятная ситуация для развития промышленности Королевства Польского, обеспечивавшая сырье, рынок сбыта, а в известные моменты и протекционистскую политику правительства, что также заставляло польских предпринимателей выступать за государственную связь с Россией, за автономию польских земель в составе царской империи.

Таким образом, и в чешском, и в польском случае социальные интересы выходили на первый план, проявлялись переплетение и связь (достаточно причудливая и противоречивая) национального и классового самосознания. Неоднозначный характер зависимости и связи между уровнем социально-экономического развития, национального и классового самосознания и фактором национальной государственности проявлялся также и в том, что в обоих случаях вхождение в чужое государственное образование, отсутствие собственной государственности привело, с одной стороны, к стимулированию экономического развития, а с другой — к определенной деформации национальной экономики, причем у поляков, чья национальная территория была разделена и включена в три различных государственных организма, эта деформация оказалась наиболее глубокой.

Свидетельством сложности и противоречивости рассматриваемых процессов является тот факт, что отнюдь не всегда создание на-

ционального государства представляло собой завершение складывания новой социально-экономической структуры, формирования нации и национального самосознания; далеко не везде моменты наивысшего развития национального самосознания и образования государства совпадали. Если сопоставить в этом плане Центральную и Юго-Восточную Европу в целом, то сразу бросается в глаза такое парадоксальное явление: во втором регионе, гораздо менее развитом в социально-экономическом отношении, национальные государства возникли намного раньше, еще в XIX в., в то время как центральноевропейские народы, ушедшие вперед по капиталистическому пути, получили независимость лишь после первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Эти народы Центральной Европы входили в состав крупнейших многонациональных империй — оплота феодально-абсолютистского строя, и судьба их была тесно связана со свержением абсолютистских монархий, с судьбой других народов, населявших эти многонациональные государственные образования. Отсюда следует, что хотя внутренний фактор — складывание социально-экономической основы национального государства — играл важнейшую роль в его создании, большое влияние оказывал и внешний фактор — международная ситуация, соотношение сил европейских держав и их политика, дипломатия и войны, а с другой стороны — первостепенное значение имели освободительная борьба народов, революционные потрясения в Европе и во всем мире.

Взаимодействие обоих факторов — внутреннего и внешнего — определяло не только момент, когда появлялись условия для возникновения национального государства; наряду с уровнем развития национального, социального, политического сознания они во многом обуславливали и форму государственности. Не случайно в XIX в. в национальных государствах народов Юго-Восточной Европы утвердилась монархическая форма правления, большинство же государств Центральной Европы, возникших уже в XX в., после крушения европейских монархий, сложились как республики.

Как уже отмечалось, большое значение имеет вопрос о преломлении идеи государственности в сознании народа и в связи с этим о роли, которую играют сохранившиеся элементы государственности или ее традиции. Что касается народов Центральной Европы, то большинство из них имели в прошлом государственную самостоятельность, но потеряли ее в разное время. И если словаки возводили свою государственную традицию к Великоморавской державе, распавшейся в XI в., то рубежом утраты государственной самостоятельности у венгров явился XVI в., а у чехов — XVI–XVII вв.; тра-

дия же польской государственности была совсем живой — Речь Посполитая перестала существовать лишь в конце XVIII в.

Важны были не только давность утраты собственной государственности, но и условия существования в чужом государственном образовании. Так, потеря государственности у поляков сопровождалась расчленением национальной территории и включением отдельных ее частей в состав разных государств. Другим народам Центральной Европы удалось сохранить компактную территорию, но словацкие и словенские земли, например, не имели какого-либо национально-административного выделения, тогда как чехи и венгры обладали атрибутами самостоятельности в виде элементов автономии их «исторических» земель. Прежде всего нужно назвать сословные сеймы — венгерский, чешский и моравско-силезский (а после 1849 г. — отдельные местные сеймы каждой из трех земель чешской короны); таким же сословным институтом были и польский галицийский сейм. В 60-е годы XIX в. венгры сумели серьезно укрепить свои позиции на пути к утверждению национальной государственности, добившись преобразования монархии Габсбургов в дуалистическую Австро-Венгерскую империю. Успехи галицийских поляков оказались скромнее: они направляли все усилия на расширение автономии, в результате чего к 70-м годам в Галиции возник ряд новых институтов и органов самоуправления.

Польской спецификой, связанной именно с неоднократными переделами территории бывшей Речи Посполитой, было то, что время от времени на польских землях появлялись новые государственные образования, представлявшие собой некую промежуточную форму польской государственности. Так, во время наполеоновских войн возникло по воле Наполеона и в интересах его политики марионеточное Варшавское Княжество, а после разгрома Наполеона Венский конгресс провозгласил создание Королевства Польского, связанного личной унией с Россией, наделенного широкой автономией и такими элементами государственности, как национальная армия, сейм и пр. Тогда же возникло еще одно польское государственное образование — так называемая Краковская республика (вольный город Краков), просуществовавшая до 1846 г. Автономия Королевства Польского была ликвидирована еще раньше — после восстания 1830-1831 гг. Тем не менее эти непрочные и неполноправные государственные образования сыграли большую роль не только потому, что создавали более благоприятные условия для развития национальной экономики и культуры, но и потому, что способствовали преемственности традиций национальной государственности, уп-

рочению и развитию в сознании народа идеи польского независимого государства.

Такое влияние как сохранившихся, так и вновь завоеванных элементов самостоятельности на развитие национального самосознания и укрепление стремления к государственной обособленности прослеживается на материале и других народов Центральной Европы. Оно представляется общей закономерностью процесса формирования наций и возникновения национальных государств. При этом в национальном самосознании обозначается тенденция роста и укрепления в нем идеи государственности: переход от требования автономии к требованию полной независимости. Примером здесь может служить история народов Румынии и Сербии в XIX–XX вв.

Традиция государственности помогала, таким образом, народам, опираясь на прошлое, строить свое будущее. Не случайно общим, характерным для большинства народов Центральной и Юго-Восточной Европы был аргумент «исторического права», напоминавший о прежней, утраченной государственности. Но в эпоху формирования современных наций апелляция к истории для обоснования требования образования национального государства могла привести и на деле вела к созданию не национального, а многонационального государства, так как «исторические земли чешской короны», например, включали в себя территории, населенные не только чехами, но и поляками, немцами. Воссоздание государства на землях «короны святого Стефана» также предполагало сосуществование в нем мадьярского большинства и национальных меньшинств. А восстановление Польши в исторических границах 1772 г. предопределяло включение в нее «кресов» — территорий с компактным украинским, белорусским и литовским населением. Это нашло подтверждение в исторической действительности, когда в 1918 г. в Центральной и Юго-Восточной Европе возникли некоторые новые государственные образования, причем не в «чистой» форме монационального государства, а в облике сложного государственного организма, обремененного антагонизмом между господствующей нацией и национальными меньшинствами (Польша, Югославия и др.). Как правило, в случае создания такого государства или стремления к нему национальное сознание оказывается отягощенным национализмом, шовинизмом; недаром возникали и долгое время оставались популярными великогреческая, великосербская, великорумынская, великоболгарская и прочие подобные идеи. Дело не ограничивалось идейной борьбой: постоянно разгорались межнациональные конфликты, вспыхивали вооруженные столкновения и ло-

кальные войны, как, например, войны между балканскими государствами в начале XX в.

Иными словами, положительную роль, которую исторические традиции государственности сыграли в процессе формирования наций, национального самосознания и национальных государств, в то же время нельзя и абсолютизировать. По мере перехода от феодализма к капитализму, утверждения капитализма и развития монополистического капитала обращение к традициям государственности и историческим правам нередко становилось отражением, с одной стороны, претензий старых феодальных классов на сохранение своего национального и социального господства, а с другой — империалистических стремлений буржуазии к захвату колоний. Это означает, что интерпретация традиций государственности, составляющая важную черту национального самосознания, зависит также и от классового сознания, позиций различных элементов нации.

Такая зависимость ясно просматривается и в истории национально-освободительного движения народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Национально-освободительная борьба является основным путем каждого угнетенного народа к созданию своего независимого государства, а с другой стороны, создание национального государства есть конечная цель борьбы: здесь происходит как бы переплетение в процессе государственного строительства национально-освободительных и национально-созидательных задач. У разных народов Центральной Европы формы национально-освободительной борьбы были многообразными и различными, они зависели от сложного переплетения многих факторов, от конкретных особенностей обстановки, в частности, от политического режима в тех странах, куда входили польские, чешские, словацкие, венгерские, словенские территории, от внутреннего и международного положения этих стран, а также от специфики контактов, взаимовлияний и сотрудничества между собой освободительных движений отдельных народов.

Различия и сходство национально-освободительных движений в Центральной Европе прослеживаются не только в формах борьбы. Свообразие каждого из них определялось, в первую очередь, характером их движущих сил. От степени развития социально-экономических отношений у того или иного народа, а следовательно, от степени развития классов буржуазного общества зависело, в какой мере разные социальные слои участвовали в национально-освободительной борьбе, какие социальные элементы ее возглавляли. У поляков и венгров, например, руководящей силой движения была шляхта, дворянство, у чехов — буржуазия, у словаков, как и у сло-

венцев на более ранней стадии, — мелкобуржуазная интеллигенция, у украинцев также мелкобуржуазная интеллигенция и низшее духовенство. Выработывавшаяся ими идеология отдельных национальных движений соответствовала интересам данной социальной группы, и часть этой идеологии составляли взгляды по комплексу вопросов, связанных с национальным государством, включая как уже упоминавшиеся традиции государственности, так и модели будущего государственного устройства, планы осуществления этих идеалов и т. п.

Все классы и социальные слои того или иного народа, принимавшие участие в национально-освободительной борьбе, казалось бы, стремились к одной конечной цели — созданию самостоятельного национального государства, но каждая социальная группа имела свой, продиктованный классовыми интересами идеал государства, свое представление о путях достижения цели, свою интерпретацию идеи «исторического права» и требования «исторических границ» будущего государства. При этом обнаруживалось, что в ряде случаев классовый интерес диктовал и отступление от вышеупомянутой конечной цели, заставлял удовлетворяться определенными элементами национальной государственности, ее как бы «урезанными» формами. Так, известные круги польской аристократии устраивала конституция Королевства Польского, дававшая автономные права части польских земель, и поэтому в восстании 1830 г. они старались отстоять именно этот status quo. Впоследствии буржуазию Королевства, заинтересованную в тесной связи с экономикой Российской империи, вполне устраивала автономия края под эгидой царизма. Точно так же, исходя из классовых интересов, господствующая верхушка венгерского общества на определенном этапе довольствовалась такой формой участия в осуществлении государственной власти, как дуализм в империи Габсбургов. Что касается Чехии, то там онемеченное дворянство вовсе не ставило вопроса о национальном чешском государстве, видя идеал в старой сословной автономии «исторических чешских земель». Чешская же буржуазия, если рассматривать ее как класс в целом, в большинстве, по уже упоминавшимся причинам экономического характера и из-за опасения перед германской угрозой, также не стремилась к государственному отделению от Габсбургской монархии и выступала за широкую автономию уже современного, буржуазного характера. В Словакии, где лидером национального движения была мелкобуржуазная интеллигенция, целью борьбы оказывались, прежде всего, культурно-национальная автономия и права родного языка, выдвигались требования административного выделения словацких земель и создания

национальной администрации на местах. К государственному отделению не стремились и словенская буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция: их основной целью было политическое объединение словенских земель внутри Австрийской империи. А на более позднем этапе идейно-политической борьбы, когда встал вопрос о возможности распада Австро-Венгрии, дальнейшее существование Словении мыслилось буржуазными идеологами также лишь в составе многонационального государства, что нашло практическое осуществление с созданием в 1918 г. Королевства Югославии. Пример Словении особенно ярко демонстрирует, как на протяжении значительного периода с конца XVIII до начала XX в., по мере развития национальной буржуазии, менялись национальные идеалы и лозунги.

Если речь идет о различиях в уровне национального самосознания и в подходе к проблемам национальной государственности у разных классов, то важнейшим оказывается вопрос национального самосознания у вышедшего в конце XIX в. на авансцену истории нового класса — пролетариата и его отношения к идее национального государства. Существуют известные марксистские положения о важном значении национального государства, наличие которого создает благоприятные условия для развития рабочего движения, классовой борьбы пролетариев. Вместе с тем именно классовые интересы лежат в основе национальной программы пролетариата, они должны определять отношение его к требованию создания самостоятельного государства.

Между тем в странах Центральной Европы рабочий класс и его авангард с трудом воспринимал марксистские взгляды по вопросам, связанным с национальным государством. Это объяснялось, в частности, закономерным для определенного этапа развития всего европейского рабочего движения влиянием идей анархизма, ненавистью пролетариев к буржуазному государству как орудию насилия эксплуататоров, стремлением навсегда уничтожить этот аппарат классового господства. Фактором, общим для всех европейских народов, являлась также борьба между интернационализмом и национализмом, но отпечаток, который она накладывала на постановку пролетариатом вопроса о национальном государстве, был особенностью рабочего движения именно в Центральной Европе (перед рабочими Болгарии, Румынии, Сербии, Греции вопрос о создании национального государства не стоял). Эта борьба в специфических условиях развития каждого из центральноевропейских народов проявлялась по-разному.

В Польше в рабочем движении возникло несколько течений, каждое из которых по-своему решало вопрос о независимом польском государстве. Националистическая ППС-фракция ставила достижение этой цели превыше классовых интересов польского пролетариата и интересов интернациональной пролетарской солидарности; на первое место лозунг независимой Польши выдвигался и Польской социал-демократической партией Галиции и Силезии. Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, исходя из принципов интернационализма и задач борьбы против национализма, заняла ошибочную позицию, сделав лозунг совместной с пролетариатом всей России революционной борьбы за демократические права и автономии Королевства Польского альтернативой лозунгу независимости Польши. К оптимальному сочетанию задач социальной и национальной борьбы наиболее приблизилась ППС-левица, также стоявшая на платформе интернационализма и революционности: требование автономии Королевства Польского в ее программе не препятствовало выдвиганию лозунга создания независимого польского государства как одной из важнейших целей борьбы.

Сложность и запутанность вопроса о национальном государстве в польском рабочем движении составляли одну из его особенностей. Это было своеобразным проявлением борьбы в сознании народа идей интернационализма и национализма, обусловленное, в частности, расчленением польской национальной территории.

На постановку вопроса о национальном государстве рабочими партиями других народов Центральной Европы оказывали воздействие, с одной стороны, факт вхождения этих народов в империю Габсбургов, а с другой — общий характер реформистского, «парламентарного» течения во II Интернационале, где одну из руководящих позиций занимала Социал-демократическая рабочая партия Австрии, являвшаяся объединением национальных социал-демократических партий австрийской части дуалистической империи. Показательно, что вопрос о национальном государстве не ставился ни в чешском, ни в словацком рабочем движении, а лозунг права наций на самоопределение, представлявший собой теоретическую посылку для постановки этого вопроса и первоначально выдвигавшийся всеми партиями II Интернационала, затем был вытеснен идеями австро-марксизма и культурно-национальной автономии. Вместе с тем позиция, например, венгерской социал-демократии, не поднимавшей вопроса о независимом национальном государстве, отражала, подобно как и у Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, опасение скатиться от интернационализма к национализму; од-

нако на деле это вело к национальному нигилизму, оборотной стороной которого как раз и был национализм.

Таким образом, позиция рабочего класса по вопросу национального государства обуславливалась как внутренними условиями его борьбы и уровнем национального и классового самосознания, так и внешним фактором — влиянием международного рабочего и социалистического движения. Воздействие последнего не было однозначным, как не было единым само это движение. Выступления марксистского крыла II Интернационала, революционная борьба международного пролетариата находили отклик в рабочих массах стран Центральной Европы и отражались также на отношении к лозунгу борьбы за национальную независимость и государственность. Характерно, что чешские пролетарии выдвинули такой лозунг в 1905 г. во время первой народной революции в России, а в период первой мировой войны он зазвучал в выступлениях левого крыла чешской социал-демократии.

Еще более показательным является факт влияния в этом плане Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России. В результате Февральской революции пал царизм, многонациональное Российское государство оказалось в кризисе, вступило на путь распада. Победа Октября непосредственно высвободила из-под ярма значительную часть польской территории; революция провозгласила лозунг воссоединения всех польских земель в независимом государстве и способствовала осуществлению этого лозунга: под ее сильнейшим воздействием произошли активизация революционных сил в Германии и Австро-Венгрии, нарастание национально-освободительной борьбы народов этих государств, что привело к революциям и распаду многонациональных государственных образований, к созданию условий для возникновения самостоятельных республик Польши и Чехословакии, а также Венгерского королевства. Таким образом, Октябрьская революция в России имела особое значение для народов Центральной Европы в процессе формирования их национальной государственности. Эта характерная черта сближает центральноевропейские народы на пути к обретению государственной самостоятельности.

ПОПЫТКИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ПРИМИРЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ 1848—1849 гг.

В ходе венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848—1849 гг. дали о себе знать накопившиеся национальные противоречия, приведшие к вооруженным столкновениям. Тогда же как венгры, так и представители других национальностей страны выдвинули различные предложения решения национальной проблемы.

Завоевания мартовской революции нашли горячий отклик у невенгерских народов страны. Первые требования о праве на национальное самоопределение невенгерских народов в Венгрии появились в апреле — мае, когда этот вопрос подняли хорваты и сербы, а также словаки и трансильванские румыны. При этом первые пожелали полностью отделиться от Венгрии и в качестве автономных провинций вступить в военный и финансовый союз с монархией Габсбургов. Вскоре радикализировались и устремления словаков, которые в мае высказались за федерализацию государства по этническому принципу, за самостоятельное словацкое национальное собрание. Они высказались за широкую автономию для каждой национальности, за свободное применение национальных языков в общегосударственном собрании. Трансильванские румыны же в середине мая потребовали признать их самостоятельной политической нацией.

Венгерское правительство не прислушалось тогда к справедливым национальным требованиям. Оно ошибочно считало, что предоставление демократических прав и свобод, признание равноправия граждан независимо от национальной принадлежности удовлетворит и национальные меньшинства.

Такую же позицию занимали Л. Кошут и его сторонники из рядов либерального дворянства, полагавшие, что демократические завоевания революции должны вызвать всеобщее удовлетворение не только у венгров, но и у других национальностей и автоматически решить многие проблемы, включая национальную. Исходя из этого,

они долго не считали необходимым принятие специального закона по национальному вопросу. Такая позиция объяснялась прежде всего тем, что нацию как таковую они считали политической категорией, отождествляли ее с самим государством. Революционные демократы и либеральные дворяне исходили из того принципа, что одна нация может включать в себя несколько национальностей, которые могут жить в едином (венгерском) государстве, «не возвышаясь над государством, не противореча интересам государства»¹. Это означало, что государственные интересы они ставили выше национальных и не допускали нарушения территориальной целостности страны. На деле это означало признание единой политической нации.

В 1848 г. Кошут считал, что «свободные народы [страны] не должны выступать, [а тем более] воевать друг против друга», так как в противном случае могут стать жертвой Габсбургов либо «северного великана», т. е. России. Он рассчитывал на взаимную поддержку освободившихся народов. Несомненным просчетом такого политического курса революционного руководства в то время было непонимание роли и значения все настойчивее встающей в повестку дня национальной проблемы. Лидеры революции 1848 г. на ее начальном этапе не считались в должной мере с требованиями невенгерских национальностей, упустили возможность принять специальный закон о национальностях.

Действия невенгерских национальных движений, с одной стороны, и нежелание венгерского политического руководства, опасавшегося за территориальную целостность страны, считаться с их требованиями, с другой, безусловно мешали созданию единого фронта борьбы за свободу и независимость, ослабляли революционные силы.

В сложившихся условиях представители польской политической эмиграции во главе с А. Чарторыским в числе первых осознали, что от внутривенгерских противоречий выигрывают только силы реакции. Будучи заинтересованным в восстановлении независимости Польши и стремясь завоевать симпатии как венгров, так и славянских народов Габсбургской монархии, Чарторыский в мае 1848 г. пытался выступить посредником в разрешении межнациональных противоречий, возникших в Венгрии. Он предлагал преобразовать страну в федеративное государство. По его расчетам, каждый народ — венгры, трансильванские румыны, словаки и южные славяне — мог бы иметь совершенно самостоятельное политическое устройство, но вместе они объединились бы в сильное государство с единым центром, которое для внешнего мира представляло бы внушительную военную и моральную силу. Такой равноправный и де-

мократический союз народов, при полном признании национальных прав на самоопределение, позволил бы входящим в него народам освободиться от власти Габсбургов, добиться независимости². В перспективные расчеты польской эмиграции входил также союз с итальянцами — создание широкого славяно-латинского союза от Адриатики до Балтийского моря с участием Польши, который стал бы противовесом как царской экспансии, так и Габсбургам. Свой план Чарторыйский намеревался осуществить при поддержке Франции.

Идеи Чарторыйского оказали влияние на воззрения румынских революционных демократов, в частности, на таких писателей и политиков, как Ион Гика и Николае Бэлческу. Последний еще в качестве министра иностранных дел революционного правительства вынашивал идею венгеро-румынского союза, в который вошли бы объединенные Дунайские княжества, Венгрия и Трансильвания (последняя в качестве самостоятельного образования)³. Считается, что венгерские революционеры поддерживали устремления Дунайских княжеств к сближению и даже к более тесному союзу. К Л. Кошуту тогда приехал либеральный политик Думитру Брэтиану в качестве поверенного, чтобы содействовать организации совместно с венгерским революционным правительством в Будапеште союза, который должен был воспрепятствовать росту влияния царизма в регионе⁴.

Во время пребывания Д. Брэтиану в Венгрии газета «Кошут Хирлапя» выступила со статьей о конфедерации. В ней отмечалось, что судьба венгерского и румынского народов зависит от двух факторов: продвижения царских войск и дако-романского плана, которые одинаково мешают взаимопониманию двух народов. Автор статьи полагал, что проблему могла бы решить венгеро-румынская конфедерация. Между тем основной причиной, помешавшей тогда сближению Пешта и Бухареста, стали различия в подходе к вопросу о судьбе трансильванских румын. Переговоры, прошедшие в июле, к концу августа 1848 г. завершились безрезультатно.

К началу осени 1848 г. национальный вопрос в Венгрии приобрел новое звучание. Если до этого времени невенгерские национальности обращались к венгерскому правительству, то теперь население национальных окраин вынуждено было искать поддержку у Габсбургов, т. е. перешло в лагерь реакции. Сказались недочеты венгерского революционного руководства (включая Кошута) по национальной политике. В то же время габсбургский двор и его пропаганда умело разыгрывали национальную карту, изолировали силы венгерской революции.

Польская эмиграция во главе с Чарторыским в условиях осеннего наступления австрийских войск вновь активизировалась. Поверенный Чарторыского в Белграде граф Людвик Бытшоновский вел тогда переговоры с патриархом Й. Раячичем о венгеро-сербском соглашении. Он действовал в интересах создания федерации венгров с южными славянами, предполагающей полное равноправие всех ее участников. Такой союз государств состоял бы из Хорватии, Сербии, Венгрии и Галиции под патронажем Франции. Посланник князя сообщил патриарху, что Франция желает прекращения войны и поддержала бы венгеро-южнославянский союз типа швейцарской федерации⁵. Поляки же как посредники пытались добиться соглашения Загреба и Пешта. Хотя Бытшоновский получил заверения Раячича, что тот напишет личное письмо Кошуту и повлияет на Елачича в интересах проведения переговоров с венграми, старания поляков не увенчались успехом. Дело в том, что в ноябре А. Виндишгрец в двух письмах предостерег патриарха от контактов с Кошутом и от имени Габсбургов пообещал, что вопрос о сербских национальных требованиях будет решен. Раячич в итоге открыто встал на сторону Вены⁶.

В дальнейшем в польских эмигрантских кругах выдвигались и другие варианты федеративного устройства в регионе, продиктованные стремлением к восстановлению Польши, но уже базировавшиеся на сохранении монархии Габсбургов, предполагавшие ее реформирование⁷. Но этим вариантам, как и прежним, не было суждено реализоваться. Им не благоприятствовали международные условия.

Наступление революционной венгерской армии в Трансильвании в начале 1849 г. вдохновило польских и румынских демократов на новое сближение с венграми. Обстановка сама толкала представителей национальных окраин Венгрии к этому: было распущено общенациональное собрание, началась реставрация абсолютизма, национальные требования не были удовлетворены, что явно разочаровало их. В сложившихся условиях князь Чарторыский решил активизировать связи с представителем венгерского правительства, ведущим дипломатом революционной Венгрии в Париже графом Ласло Телеки, который еще в 1848 г. установил хорошие отношения с румынскими революционерами. В марте 1849 г. польский граф Замойский, выполняя поручение Чарторыского, обратился к Телеки с целью выяснить намерения венгров в отношении славян. На его письменный запрос ответил секретарь Телеки, Фридеш Сарвади, который изложил позицию венгерского руководства.

В этом письме к Замоискому от 7 марта 1849 г. была выражена идея необходимости тесного союза соседних народов, желательность взаимных уступок, надежда на прекращение национальной розни, важность создания атмосферы взаимной открытости и откровенности. «Правительство [Венгрии] готово заключить со славянами (и с румынами также), которые воюют против нас, искренний мир. Оно готово претворить в жизнь абсолютное равноправие всех национальностей, — подчеркивалось в письме. — Пусть венгерский язык больше не пользуется приоритетом в государственном собрании (пожелает ли Хорватия участвовать в нем, это ее дело) вплоть до принятия окончательного решения большинством избранных и пользующихся равными правами депутатов от различных национальностей. Пусть Венгрия, а также Хорватия и Трансильвания будут связаны с остальными наследными землями только персоной общего правителя... Монархия могла бы стать союзом государств, которые оказывали бы друг другу взаимную поддержку»⁸.

Существуют и другие письменные подтверждения того, что, являясь представителем Кошута в Париже, Л. Телеки (который в отличие от других политиков по ряду вопросов национальной политики занимал более прогрессивную позицию) с согласия правительства заявлял о возможности уступок национальностям, о создании условий для сосуществования «с объединенным славяно-хорвато-далматским королевством в самом широком конфедеративном государстве». Что же касается Сербии и Трансильвании, «венгры готовы предоставить национальностям все те права, которыми пользуются свободные венгры, включая всеобщее избирательное право и народное представительство»⁹. Об этом Телеки информировал Чарторьского. Он отмечал, что в Пеште ожидают прибытия сербского представителя, «надеются, и даже уверены, что венгры договорятся с сербами»¹⁰.

Телеки направил также письмо Кошуту, в котором подчеркивалось: «Нам надобно договориться не столько с австрийцами, сколько с сербами, хорватами и румынами... Ради Бога, напишите хорошее обращение, дайте им все, что только возможно». Далее он отмечал, что «если иначе нельзя победить Австрию, Венгрию следует преобразовать на конфедеративной основе»¹¹.

Сложившаяся в мае 1849 г. ситуация, когда против революционной Венгрии развернулась царская интервенция, благоприятствовала активизации федералистских устремлений Чарторьского. По настоянию кругов, близких к князю, возникла идея чехо-венгеро-польской встречи.

Л. Телеки, который из Парижа следил за развитием событий и анализировал позиции национальных представителей, 14 мая 1849 г. обратился с письмом к Л. Кошуту. Телеки пришел к выводу, что примирение венгров с южными славянами и румынами, процесс их сближения наталкиваются на территориальную проблему, поэтому он подчеркивал, что если венгерское правительство не пойдет на уступки в этом вопросе, то в лице национальных меньшинств потеряет потенциальную опору. С учетом этого Телеки предложил Кошуту признать не только выход Хорватии из состава Венгрии, но и разрешить также создание Сербского воеводства, а трансильванским румынам предоставить «внутреннюю автономию и широкие муниципальные права». Он предлагал осуществить это таким образом, чтобы проживающие в этих краях «немцы и венгры не попали под румынскую или сербскую юрисдикцию»¹². Согласно его представлениям, делами сербов и румын в венгерском правительстве должны заниматься специальные отделы, а как правосудие, народное образование и религия могут находиться в ведении самих национальностей в комитатах, где во всех сферах деятельности использовался бы родной язык. При этом Телеки отмечал, что если все это осуществится, то не только невенгерские национальности страны, но и те, «которые находятся за пределами наших притязаний, будут смотреть с надеждой и радостью на Венгрию, как на ядро будущей дунайской конфедерации... способной окончательно сломить чудовище абсолютизма и расширяться от Балтики до Черного моря»¹³. К Дунайской конфедерации, считал он, могли бы принадлежать не только автономные территории невенгерских народов страны, но и Дунайские княжества, Сербия и Болгария. В нее также могли быть включены Чехия и Моравия, с которыми следовало бы координировать вопросы внешней политики.

19 мая 1849 г. в Париже состоялась чехо-польско-венгерская встреча. На ней чехов представлял Франтишек Ригер, поляков — А. Чарторыйский. В венгерскую делегацию вошли Л. Телеки, Ф. Сарвади и сотрудник Кошута Ференц Пульски, известный историк, посол в Лондоне. Среди широкого круга вопросов, обсуждавшихся на встрече, были: возможность восстановления межнационального мира между венграми и невенгерскими народами Венгрии, проблема объединения усилий в интересах успешного противостояния как австрийской, так и российской интервенции. Участники встречи пришли к выводу, что освобождение народов требует низвержения Габсбургов и преобразования монархии. В то же время они понимали целесообразность сохранения сильного государства между Россией, Турцией и Западной Европой. Исходя из этого, они полагали,

что часть народов монархии (чехи, мораване, силезцы и иллирийцы) должны создать совместно с Венгрией государство с федеративной структурой¹⁴. Подчеркивалось, что своими революционными действиями Венгрия завоевала себе моральное право призвать в нужный момент народы монархии к созданию такой федерации при сохранении национальных автономий внутри союза. Участники встречи считали, что итальянскому и немецкому населению монархии необходимо предоставить право выбора в вопросе присоединения к союзу.

Венгерские участники встречи заявили о своей готовности предоставить другим народам страны все права, «на которые они могут справедливо претендовать». Они полагали, что невенгерские народы страны с учетом исторических традиций можно разделить на две группы: 1) получающие полную территориальную автономию (хорваты, сербы, трансильванские румыны), которые были бы связаны с венгерской короной лишь федеративными узами; 2) получающие местную автономию (немцы и словаки) со своей национальной администрацией, правосудием, свободным использованием родного языка в делах школы и церкви. Населению же Военной границы предлагалось решить, оставаться ли самостоятельной территориальной единицей, либо присоединиться к южнославянской провинции. Венгрия таким образом стала бы федеративным государством в составе конфедерации¹⁵.

Участники встречи договорились о совместной борьбе против габсбургского дома, о замене монархии свободным союзом равноправных народов, который должен был состоять из самостоятельных национальных либо обладающих широкими автономными правами территорий. Румыны, хотя и не присутствовали на этой встрече, в июне 1849 г. в лице И. Гики и Н. Бэлческу ознакомились с протокольными записями поляка Яна Вороницкого. Первый из них после этого счел желательным образовать союзное государство в составе Венгрии, Молдовы, Валахии, Баната и Трансильвании. Южные славяне, которые также не были представлены на указанной парижской встрече, выразили готовность вступить в союз с венграми и другими народами, борющимися за свободу в Центральной и Юго-Восточной Европе, на принципах полного равноправия и территориальной автономии.

Телеки в ответ на запрос румынской эмиграции, интересовавшейся позицией венгерского руководства, через Замоиского дал ей знать, что венгерское правительство в национальном вопросе намерено проводить единую политику в отношении как трансильванских румын, так и всех других невенгерских народов страны. Венг-

ры выражали готовность к примирению, подчеркивая, что в случае победы Габсбургов сделать это будет уже поздно. Если же успех будет сопутствовать венграм, то правительство превратит принцип равноправия в реальность, — указывалось в письме, отправленном от имени Телеки его секретарем Сарвади. Здесь также говорилось о конфедеративном переустройстве монархии, о предоставлении самоуправления Хорватии и Трансильвании. Последних, как и Венгрию, с монархом связывала бы, согласно высказанному в письме предложению, только персональная уния¹⁶.

Следует отметить, что сформулированные Телеки предложения по решению национального вопроса в Венгрии свидетельствовали о его готовности к компромиссу весной 1849 г. и отличались большей демократичностью от существовавших тогда проектов.

Таким образом, Л. Телеки, который тесно соприкасался с революционными эмигрантами соседних с Венгрией стран, помогал Кошуту искать пути к межнациональному примирению, к удовлетворительному решению национальной проблемы в стране на завершающем этапе национально-освободительной борьбы. Его предложения вызвали интерес у румынских эмигрантов в Константинополе, наиболее видные из них (И. Гика, И. Бэлэчану и Н. Бэлческу) в поисках румыно-венгерского сближения решили предпринять конкретные шаги, которые получили выражение в поездке Бэлческу к Кошуту, в проекте пачификации, равно как и в подготовке закона о национальностях.

Идеи примирения с венграми у представителей румынских демократов появились уже после поражения их революции. В Константинополе И. Гика установил контакты с графом Дюлой Андраши. Румынские эмигранты тогда исходили из того, что победа венгерской революции при поддержке румын может стать гарантией также и их будущего. Гика, Бэлэчану и Бэлческу пришли к выводу о возможности создания в Трансильвании румынского легиона¹⁷.

Когда 27 мая 1849 г. Кошут принимал Бэлческу в Дебрецене на переговорах о примирении и решался вопрос о создании румынского добровольческого легиона в поддержку венгерской национально-освободительной борьбы, трансильванские румыны выдвинули довольно умеренные требования, приемлемые для венгерского правительства. На этой встрече Кошут сказал Бэлческу, что венгры не могут согласиться на расчленение Венгрии. В ответ прозвучало, что румыны не собираются отрывать Трансильванию от Венгрии, а скорее намерены объединиться с венграми. В ходе переговоров Бэлческу с венгерским правительством было сформулировано 17 пунктов пожеланий румынской стороны, касавшихся языковых и религиоз-

ных вопросов. Они и должны были стать основой «Проекта примирения», который был призван урегулировать правовые отношения сторон. Этот документ, подписанный 14 июля 1849 г. в результате переговоров, вошел в историю под названием «Проект пацификации». Он признал румын в качестве самостоятельной национальности, официально утвердил право румынского языка свободно использоваться народом в делах церкви и школ, в местном и комитатском самоуправлении¹⁸.

3 июня Бэлческу, информируя И. Гику о ходе переговоров, подчеркивал: «Сейчас нет ничего более важного, как постараться примирить венгров и румын»¹⁹.

14 июня 1849 г. было подписано соглашение о создании румынского легиона. В нем подчеркивалось, что интересы у румын и венгров совпадают, поэтому они должны бороться под одним знаменем. В качестве первоочередной задачи выдвигалась необходимость «стимулирования молдово-валашских патриотов» на формирование легиона, который будет «воевать против австрийцев и русских в Венгрии за общую свободу»²⁰.

Венгерское политическое руководство, проинформированное Л. Телеки о трехсторонних переговорах, проведенных в мае в Париже, 6 июня 1849 г. специально занялось проблемой примирения с национальными движениями страны²¹. Правительство Венгрии в своем постановлении не касалось вопроса конфедерации или федеративного объединения, но выразило готовность пойти навстречу требованиям невенгерских национальностей, заявив об амнистии тех, кто перешел в лагерь реакции в случае, если они признают независимость Венгрии. Оно подтвердило, что гарантирует буржуазные свободы всем национальностям страны, свободу использования национальных языков, но по-прежнему не желало отказаться от принципа территориальной целостности. Принцип нерушимости единства государства был зафиксирован в специальном секретном циркулярном письме, которое 10 июня 1849 г. министр иностранных дел Венгрии К. Баттjани направил дипломатическим представителям за рубежом и военному командованию. В нем разъяснялась позиция правительства в связи с переговорами по примирению, указывалось на необходимость соблюдения единого подхода к вопросам о единстве и территориальной целостности государства и ведущей роли венгров в стране²². В письме отмечалось, что с представителями «мятежных наций» (воюющих против венгерской независимости) следует вести переговоры с учетом этих трех принципов²³. «Кроме этих трех главных принципов венгерская нация не только предоставила всем национальностям, проживающим в нашей стране, все гра-

жданские права, но и гарантирует равноправие»²⁴, — говорилось в этом документе.

В циркуляре подчеркивалось, что правительство Венгрии выполнит все национальные требования, которые, не нарушая данные принципы, будут способствовать национальному развитию невенгерских народов.

С иностранными государствами, признающими независимость Венгрии, правительство выразило готовность жить в мире, развивать с ними политические и торговые отношения. Наряду с созданием военного союза против интервенционистских сил в циркуляре К. Баттяни речь шла также о возможности образования в регионе конфедеративного объединения государств, но этот вопрос предполагалось обсудить позже на специально созванном съезде. По мнению венгерского правительства, такое межгосударственное объединение должно было бы охватить сферу торговли, транспорта, финансов, систему измерений и, возможно, таможи сопредельных государств²⁵.

Следовательно, в циркуляре К. Баттяни нашли подтверждение основные принципы правительственного подхода к решению национальной проблемы (территориальная целостность, отказ от признания в стране других политических наций) и одновременно были обозначены основные направления уступок, необходимых для межнационального примирения (языковые и культурно-национальные права), а также идеи конфедерации. Все это означает, что Кошут и его окружение в целом поддерживали майские договоренности в Париже. И хотя правительство оговорило в циркуляре три упомянутых основных принципа, от которых не желало отказываться, оно по сути, как это показали его действия, склонялось к компромиссам. Это четко проявилось во время последующих переговоров с представителями невенгерских национальностей страны. При этом венгерское правительство стремилось до сведения соседних государств основные принципы своей национальной политики — гражданское равноправие, свободное использование родного языка в частной, религиозной, школьной и административной сферах. Характерно, что в упоминавшемся циркуляре выражалось пожелание заручиться поддержкой сербского и румынского правительств ради заключения межнационального мира с сербами и румынами Венгрии²⁶.

Наиболее ярким проявлением того, что Кошут и его сторонники осознали важность национального вопроса для Венгрии, в ходе революции, является принятие первого в стране, да и вообще в Европе закона о национальностях. Характерно, что он базировался на ито-

гах переговоров между Кошутом и Езлческу, на упоминавшемся проекте венгеро-румынского примирения («Проект пацификации»), подписанном сторонами 14 июля 1849 г. в Сегеде.

В сложных условиях лета 1849 г., когда интервенция угрожала завоеваниям свободы и независимости, правительство не могло разработать более детальный законопроект, поэтому 21 июля внесло его на утверждение парламента в форме правительственного постановления. Представляя его парламента, председатель совета министров Б. Семере подчеркивал: «Правительство полно решимости выполнить пожелания главным образом румын и южных славян». Обосновывая необходимость закона, Семере говорил: «Пусть всем народам будет позволено свободное национальное развитие. Национальность является не целью, а средством к достижению свободы, равно как и свобода является не целью, а средством к совершенствованию человека и гражданина! ... Поэтому я считаю, что национальное собрание должно высказаться. Пусть народы видят, что мы не хотим следовать той австрийской политике, при которой народы противопоставляются друг другу и подавлены. Пусть Европа видит, что венгерский народ, который годами борется за благосостояние всех остальных народов страны, ведет свою освободительную борьбу в одиночестве... в отличие от прежних революций, предоставляет гражданам не только желанную свободу... но дает народам и их национальность... мы считаем все народы своими братьями»²⁷.

Следует отметить, что во время голосования 28 июля 1849 г. проект был принят подавляющим большинством голосов и вошел в общественное сознание страны в качестве первого в Венгрии закона о национальностях. Семере на следующий день в одном из писем так суммировал итоги парламентского обсуждения: «Была большая дискуссия на закрытом заседании, но и большинство громадное, которое проголосовало за него при открытом голосовании, 9/10. В этом решении я узреваю новую политику [по национальному вопросу] не только для Венгрии, но и для всей Европы. Вопрос о национальностях сейчас поставлен и будет зиждаться на подлинной основе»²⁸.

Принятием закона о национальностях правительство, разумеется, попыталось привлечь на свою сторону невенгерские национальности. Закон не только отражал намерения правительства прекратить межнациональное противостояние, но и гарантировал для своего времени тот максимум национальных прав, который были готовы предоставить Кошут и все венгерское политическое руководство невенгерским национальностям при сохранении территориальной

целостности Венгрии и венгерского характера государства. Закон гарантировал свободное и широкое использование национальных языков. Либеральные политики Венгрии отказались от мысли сохранить за венгерским языком исключительные права во всех сферах жизни. Согласно закону, граждане получали возможность обращаться на родном языке в любые инстанции, вплоть до правительства (§ 8), на муниципальном и комитатском уровне языком органов самоуправления становился язык большинства населения данной территории (§§ 2, 3). В сфере народного образования и в церковных делах национальностям предоставлялась полная самостоятельность (§§ 6–7, 9–11), а в будапештском университете должен был открыться богословский факультет специально для православных верующих (§ 12)²⁹. И хотя в законе ничего не говорилось о территориальной автономии для национальностей, для того времени он выделялся своим либерализмом и демонстрировал пример государственной защиты национальных прав другим странам Европы.

С принятием закона о национальностях реализовалось одно из важнейших условий соединения венгерской освободительной борьбы и национальных движений невенгерских народов.

Однако, для претворения закона в жизнь у венгерского правительства практически не осталось времени, помешали превосходящие силы интервентов, задушившие как венгерскую свободу и независимость, так и надежды национальностей Венгрии. Проведенный анализ показывает, просчеты и ответственность не только руководителей венгерской революции, но и лидеров национальных движений невенгерских народов, проявивших в 1848–1849 гг. революционное нетерпение и поддержавших габсбургскую реакцию, чем они нанесли урон не только делу венгерской независимости, но и собственным национальным интересам. Кошут же и его сторонники ответственны за запоздалое осознание необходимости взаимного согласия в решении национального вопроса. На венгерском революционном руководстве лежит ответственность за то, что только летом 1849 г. оно поняло по-настоящему, что одни гарантии всеобщих и равных буржуазных прав и личной свободы недостаточны, и лишь тогда решилось в законодательном порядке зафиксировать положение о праве «всех проживающих на территории Венгрии народов на свободное национальное развитие».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Mérei Gy.* Föderációs tervek Délkelet-Európában és a Habsburg-monarchia. 1840–1918. Bp., 1965. 24. old.
- ² *Mérei Gy.* Op. cit. 28. old.
- ³ *I. Tóth Z.* A magyar-román szövetség kérdése 1848-ban // *Századok*. 1948. 1–4. sz. 259–260. old.; *Idem.* Bălcescu Miklós élete. 1819–1852. Bp., 1958. 74–75. old.
- ⁴ *Mérei Gy.* Op. cit. 29–32. old.
- ⁵ *Miko I.* Nemzetiségi jog és nemzetiségi politika. Kolozsvár, 1944, 64. old.
- ⁶ *Mérei Gy.* Op. cit. 34–35. old.
- ⁷ *Ibid.* 36–53. old.
- ⁸ *Teleki L.* Válogatott művei. II. köt. Bp., 19. old.
- ⁹ *Mérei Gy.* Op. cit. 15. old.
- ¹⁰ *Ibidem.*
- ¹¹ *Teleki L.* Op. cit. 19. old.
- ¹² Magyarország története. 6. köt. Bp., 1979. 409–411. old.
- ¹³ *Mérei Gy.* Op. cit. 58. old.
- ¹⁴ Az 1848–1849. évi forradalom és szabadságharc története. Bp., 1996. 345. old.; *Mikó I.* Op. cit. 64. old.
- ¹⁵ Az 1848–1849. évi forradalom... 345. old.
- ¹⁶ *Mérei Gy.* Op. cit. 55. old.
- ¹⁷ *Asztalos M.* Kossuth Lajos kora és az erdélyi kérdés. Bp. 1928. 144–145. old.; *Mikó I.* Op. cit. 65. old.
- ¹⁸ *Spira Gy.* A magyar forradalom 1848–1849-ben. Bp., 1959. 566. old.; *Mikó I.* Op. cit. 65. old.
- ¹⁹ *Asztalos M.* Op. cit. 146. old.
- ²⁰ *Ibid.* 147. old.
- ²¹ Az 1848–1849. évi... 345. old.
- ²² *Ibidem.*
- ²³ *Mérei Gy.* Op. cit. 62. old.
- ²⁴ Az 1848–1849. évi... 345. old.
- ²⁵ *Ibid.* 345–346. old.
- ²⁶ *Ibid.* 349. old.
- ²⁷ Nemzetiségi törvény, 1849. Forradalmi örökség // *Magyar Hírlap*, 1974. július 28.
- ²⁸ Az 1848–1849. évi... 345. old.
- ²⁹ *Mikó I.* Op. cit. 67–68. old.; *Asztalos M.* Op. cit. 147–148. old.

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г. И НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ВЕНГРИИ

В середине 60-х годов XIX в., когда шла подготовка заключения соглашения между Австрией и Венгрией, а австрийская дипломатия вела активную борьбу за преобладание в Германском союзе, среди венгерских политиков еще не существовало единой концепции будущей внешнеполитической ориентации и нового механизма управления создаваемой двуединой монархии. Разногласия существовали как между основными политическими силами Венгрии — партией Ференца Деака и Левым центром Кальмана Тисы, так и внутри этих партий (особую позицию заняли консерваторы, влившиеся в состав партии Деака, и крайне левые партии Тисы)*.

Еще в начале 60-х годов XIX в. венгерские государственные деятели постепенно приходят к выводу, что решение венгерского вопроса является частью общеевропейской перестройки. В период, когда Бисмарк уже делал первые шаги к объединению Германии под эгидой Пруссии, в центре внимания венгерского общественного мнения находился вопрос о месте Венгрии в новой европейской структуре и о ее отношении к переменам в Европе.

* Партия Деака была создана в 1866 г. на базе бывшей партии петиции и объединила вокруг себя крупных землевладельцев, аристократов, среднепоместных дворян, а также впоследствии и буржуазию. В деятельности партии участвовали такие яркие представители венгерского либерального движения, как Дюла Андраши, Йожеф Этвэш, Кемень Габор и др. В нее вошла также небольшая группа консерваторов во главе с Дьёрдем Алтони. Партия Левый центр, созданная на базе партии резолюции 1861 г., опиралась главным образом на протестантских помещиков Восточной Венгрии и Трансильвании. Наиболее радикальные члены Левого центра, сторонники Кошута, составили так называемую крайне левую группу, впоследствии известную как партия 1848 г. Крайне левые во главе с Йожефом Мадарасом исповедовали мелкобуржуазные демократические принципы и представляли главным образом средних и мелких дворян, а также городскую буржуазию и интеллигенцию.

Венгерские политики связывали объединение Германии с независимостью своей страны. Так, в марте 1862 г. газета партии Деака «Пешти напло» («Пештский дневник») опубликовала серию статей о неизбежности объединения разрозненных немецких государств¹, в которых утверждалось, что нужно таким образом строить отношения с Австрией, чтобы не мешать ее связям с Германией, так как «одним из условий объединения германских земель является независимость Венгрии»². Один из идеологов венгерского либерализма Йозеф Этвэш, уделявший в прессе много внимания проблеме будущего устройства Европы, также отмечал в журнале центристской группировки партии Деака «Политикан хетилап» («Политический еженедельник»), что великие державы не допустят, чтобы Венгрия вошла в Германский союз, и скорее согласятся на независимость Венгерского королевства³.

Большинство венгерских государственных деятелей считали, что интересам Венгрии наиболее отвечает вариант объединения германских земель с немецкими провинциями Австрии, потому что: во-первых, не вошедшие в состав Германии австрийские земли тогда вынуждены были бы заключить персональную унию с Венгрией, а, во-вторых, это препятствовало бы чрезмерному усилению Пруссии, становящейся опасным соседом. «Представим себе, что Австрия или любая другая страна встанет на пути расширения Пруссии, — писал в 1865 г. известный писатель и публицист Микша Фальк, — нет сомнения, что Пруссия будет пытаться основательно разбить противника»⁴.

Венгерские либералы с тревогой следили за борьбой либерализма и консерватизма в Пруссии и враждебно встретили приход Бисмарка к власти. По этому поводу лидеры партии Деака сокрушались, что либеральным реформам в Германии пришел конец⁵. В этот момент сама мысль о союзе с Пруссией, государством, где «к власти пришли люди с устаревшими взглядами», а «руками железного канцлера будет вырыта яма парламентаризму»⁶, казалась венгерским либералам кощунственной. «Задача Австрии — сыграть ведущую роль в объединении Германии в федеративной форме на основе конституционной свободы», — писала «Пешти напло» летом 1865 г. Причем для осуществления этой внешнеполитической задачи необходимо было в первую очередь, по мнению автора статьи, решить внутренние проблемы — добиться мира между обеими частями монархии Габсбургов⁷.

Газета критиковала правительство Шмерлинга за снижение авторитета Австрии на международной арене. Накануне австро-прусской войны ведущие лидеры партии Деака Дюла Андраши, Габор

Кемень и Агоштон Трефорт неоднократно выступали в прессе с требованием активизировать подготовку соглашения с Венгрией и «освободить» руки для решения вопроса с Пруссией⁸, так как цель последней — гегемония в Германии, а «с момента прихода к власти „бранденбургского герцога“ столкновение между Австрией и Пруссией стало вопросом времени»⁹.

Деакисты возлагали большие надежды на победу Австрии в войне с Пруссией, разразившейся в июле 1866 г. По предложению лидеров партии венгерское Государственное собрание перед роспуском на время военных действий приняло крайне лояльную резолюцию, выразившую верность и преданность императору¹⁰. Разгром австрийских войск при Садовой явился крахом их планов объединения Германии под началом Габсбургов и решения в этом ключе венгерского вопроса. «С точки зрения интересов нашей страны, Австрии, Германии, конституционализма и либерализма можно лишь скорбеть о победе Пруссии», — писал автор передовицы в «Пешти напло»¹¹. В ситуации, когда под вопрос было поставлено само существование Австрии как великой державы, партия Деака, сделавшая компромисс с династией своим политическим кредо, находилась в смятении. Обеспечение стабильности монархии Габсбургов стало в это время для сторонников Деака залогом осуществления их политических целей — сохранения прав и конституционного законодательства Венгрии в составе двуединой монархии. Именно поэтому от разбитой династии не потребовали новых уступок при подготовке соглашения.

Вместе с тем для отдельных деятелей партии Деака война с Пруссией стала поворотным моментом в их отношении к внешнеполитической ориентации монархии. На страницах партийной прессы всё чаще звучат слова об отличии венгерских интересов в международной жизни и необходимости давления на Габсбургов с целью их осуществления, и даже допускается возможность использовать помощь прусского кабинета в случае неуступчивости Австрии. Так, барон Габор Кемень призвал признать, что Австрия перестала быть немецким государством и ее единственная возможность восстановить свой престиж в качестве великой державы — это, заключив соглашение с Венгрией, обратить свой взор на Восток. Он высказал даже смелую мысль объединиться с Германией в борьбе против влияния России на Востоке¹².

Однако несмотря на отдельные подобные заявления, на этом этапе руководители партии Деака еще не были готовы к повороту на сто восемьдесят градусов во внешней политике — союзу с Пруссией Бисмарка. И одним из главных препятствий тому была «традицион-

ная дружба Пруссии с Россией, давнишним врагом Венгрии»¹³. Более естественным союзником на внешнеполитической арене, в том числе в борьбе с Россией на Востоке, большинство правящей партии видело Францию, любое правительство которой, по их мнению, будь оно «имперским, республиканским или орлеанистским, всегда считало бы в своих интересах борьбу с русской экспансией»¹⁴. Еще накануне войны деакисты с одобрением встретили заключение австро-французского договора 12 июня 1866 г., по которому Франция в обмен на Венецию обязалась сохранять нейтралитет в войне¹⁵, видя в нем первый шаг к союзу с Наполеоном III.

Вместе с тем, несмотря на симпатию к Франции, либеральное большинство партии Деака крайне отрицательно отнеслось к намерениям реваншистских кругов Вены использовать Францию для восстановления позиций Австрии в Германском союзе. Это с особой ясностью проявилось на встрече двух императоров — Франца-Иосифа и Наполеона III — летом 1867 г. в австрийском городе Зальцбурге. На встрече обсуждались перспективы союза между двумя странами, причем в основе меморандума, представленного французской стороной, лежал план войны с Пруссией и пересмотр в случае поражения последней пражского мира 1866 г., подытожившего австро-прусскую войну, что должно было, по мнению французов, привлечь австрийскую сторону¹⁶. «В германских делах Австрия и Франция не могут делать общее дело», — писал Микша Фальк в «Пешти налло» во время встречи в Зальцбурге¹⁷.

На переговорах в Зальцбурге наиболее ярко была продемонстрирована и позиция одного из самых видных политических деятелей того времени премьер-министра Венгрии, будущего министра иностранных дел двуединой монархии, графа Дюлы Андраши. Вынашивая планы борьбы с Россией на Балканах, Андраши считал Францию главным потенциальным союзником в осуществлении этой задачи. Анализ французской прессы этого периода, проникнутой антипатией к России, от которой, по словам либеральной газеты «Ла пресс» («Пресса»), «исходила угроза независимости Запада»¹⁸, подтверждает реальность его замыслов. В это время Андраши неоднократно обсуждал с французским послом перспективы совместных действий в случае конфликта с Россией¹⁹.

Вместе с тем Андраши отдавал себе отчет в том, что интересы Франции в тот момент в первую очередь были направлены на решение территориальных споров с Пруссией. Поэтому во время беседы в Зальцбурге с французским императором Андраши предупредил его, чтобы в случае войны с Северогерманским союзом Франция не рассчитывала на венгров, которые являются «самой эгоистичной

нацией в мире и хотят прежде всего сохранить свою независимость и свободу»²⁰.

По отношению к Пруссии Андраши, учитывая интересы Венгрии и венгерское общественное мнение, старался придерживаться оборонительной позиции, дабы провокационными действиями не вызвать новую войну, пагубную для своей страны.

Несмотря на отрицательное отношение центра партии Деака к реваншистским планам Вены, сторонники продолжения борьбы за гегемонию в Германском союзе имели и своих союзников в этой наиболее влиятельной партии Венгрии. Отдельные представители консервативного крыла партии, включавшего аристократов и «старых консерваторов», такие, как граф Дьёрдь Аппони и граф Дюла Майлат, занимавшие в начале 60-х годов ряд видных государственных постов в империи Габсбургов, поддерживали притязания Вены на восстановление власти в Германии. С конца 1865 г. их позиция нашла свое выражение на страницах газеты «Мадяр вилаг» («Венгерский мир»), которая явилась как бы аналогом венской «Ди дебатте» («Борьба»). Путем возврата к старым государственным порядкам сторонники Аппони стремились восстановить свое явно пошатнувшееся положение в правительственных кругах²¹.

Задачей номер один на внешнеполитическом поприще эта группа считала восстановление утраченных позиций Австрии в Германском союзе путем военного и дипломатического разгрома Пруссии. На страницах газеты все время звучали предостережения о чрезмерной агрессивности Пруссии. По словам Йожефа Секея, ответственного редактора газеты «Мадяр вилаг», «лишь восстановив положение в Германии, можно было бы вести активную политику на востоке, иначе Пруссия всегда бы оставалась миной замедленного действия в тылу империи»²². Газета приветствовала возобновление торгового договора с Францией, который, по мнению Аппони, должен был послужить прологом более серьезных отношений. Союз с Францией дал бы большие преимущества для укрепления внешнеполитического положения Австрии, а авторитет Наполеона III в Европе, по замыслам этой группы консерваторов, позволил бы «наладить отношения с другими державами и добиться изгнания Пруссии из Германии»²³.

Однако не все представители консервативного направления придерживались той же позиции, что и сторонники Аппони. После австро-прусской войны, наглядно продемонстрировавшей слабость монархии Габсбургов, ее политического строя и армии, часть консерваторов признала попытки вернуться к старым порядкам в Европе исторической утопией. Рупором этой группы стала газета «Пеш-

ти хирнё» («Пештский вестник»), выходящая с 1860 г. и имевшая через своих представителей в провинции связь со всеми комитетами Венгрии.

Входившие в лагерь «Пешти хирнё» такие деятели консерватизма, как Янош Тёрёк, граф Агоштон Форгач из Эстергома, живущий в эмиграции Бергалан Семере и др., хотя и дискутировали с «Пешти наплю» по некоторым проблемам (консерватизм — либерализм, муниципальное направление — централизованная власть и др.), во внешнеполитической области сходились со своими либеральными оппонентами во мнении, что «вместо бесплодной и сомнительной немецкой политики нужно переориентироваться на восточное, балканское направление, которое основано на историческом праве венгерской короны»²⁴.

Газета разжигала в венгерском обществе антирусские настроения, активно освещая кризис в дунайских княжествах, разразившийся в феврале 1866 г. после свержения князя Кузы. Газета называла Россию «злым гением Европы», предупреждая, что «без Австрии Европа беспомощна против России на Востоке»²⁵. По словам Йенё Станчича, постоянного автора внешнеполитической рубрики «Пешти хирнё», Австрия должна была использовать дунайские княжества как базу в борьбе против России и ее влияния в Сербии и Болгарии. Он считал необходимым потребовать княжества в качестве компенсации за отказ от Венеции²⁶.

Вместе с тем, хотя сторонников этой группы консерваторов и беспокоило усиление влияния Франции в дунайских княжествах, в союзе с Наполеоном III они видели единственную возможность противостоять политике России на Балканах. От их внимания укрылся вполне очевидный факт, что именно Пруссия в первую очередь заинтересована в перемене внешнеполитического направления Австрии, перенесения его с европейского фронта на восток. И об этом уже с тревогой замечает министр иностранных дел России князь А. М. Горчаков, докладывая царю 22 сентября 1865 г., что «последствием соглашения австрийского кабинета с венграми может быть отдаление его внешней политики от западных традиций и сближение с восточными интересами, в чем в первую очередь заинтересован Бисмарк»²⁷. Посол России в Австрии Штакельберг также доносил из Вены, что венгры «больше всех заинтересованы в укреплении связей Австрии и Пруссии»²⁸.

Как писал сам Отто фон Бисмарк в своих мемуарах, «если бы Австрия и Россия были заняты на Востоке, то в интересах их соседей (Пруссии. — *Е. Д.*) было... не мешать им, а скорее поощрять и укреплять обе державы в направлении их восточных домогательств.

ослабляя их нажим на наши границы»²⁹. Дальновидный политик, Бисмарк уже в то время видел возможность использовать венгров в своем давлении на Габсбургов. Во время австро-прусской войны, когда победа Пруссии еще не была предreshена, так как сохранялась опасность вступления в войну Франции, а позиция России была неопределенной, он советовал королю «обратиться с призывом к венгерской нации... и развязать там национальное движение»³⁰.

Бисмарк вел также переговоры с генералом Клапкой, командовавшим венгерским легионом, созданным по инициативе Кошута в Италии в июне 1859 г.³¹ По замыслу Кошута, в случае новой австро-итальянской войны легион должен был перейти границу Венгрии и стать решающей силой в ее освобождении от австрийского гнета. Обещая Венгрии «полную свободу», прусский канцлер добился желаемого результата — 3 августа 1866 г. легион Клапки пересек венгерскую границу, и хотя ему не пришлось принять участие в военных действиях, он безусловно сыграл свою роль в предотвращении французского вмешательства в австро-прусский спор, ускорив подписание мирного договора.

Еще до окончания австро-прусской войны Бисмарк начинает вынашивать идею союза с Австрией. Он сожалеет об уходе с поста министра иностранных дел Австрии Рехберга, с которым у него сложились весьма доброжелательные отношения³². Канцлер использует свое влияние на короля, чтобы не допустить вступления прусских войск в Вену на заключительном этапе войны, аргументируя это тем, что «для дальнейших отношений с Австрией необходимо предотвратить оскорбительные для нее воспоминания»³³.

Считая будущий конфликт с Францией неизбежным, Бисмарк видел залог успешных действий в добрых отношениях с Австрией, которые «будут зависеть от того, в каком настроении мы оставим нашего противника, сколь тяжелая рана будет нанесена Австрии и насколько у нее останется потребность в реванше, чтобы толкнуть ее к объединению с Францией в этой войне»³⁴. Он с беспокойством следил за зальцбургской встречей австрийского и французского императоров, отмечая, что назначение на пост министра иностранных дел Австрии Фридриха Фердинанда фон Бойста, этого «озлобленного саксонского министра», вызывает в нем опасение, что Австрия вступит на путь реванша³⁵.

Поддержку своим планам прусский канцлер нашел у венгерской оппозиции — в партии Левый центр Кальмана Тисы. Если лидеры правящей партии были еще только на полпути к осознанию необходимости переориентации внешней политики империи в венгерских интересах, то руководители Левого центра уже ясно осознавали ис-

торическую неизбежность такого поворота. Основную базу оппозиции составляли кальвинисты восточной Венгрии и Трансильвании, чем во многом объяснялась симпатия этой партии к протестантской Пруссии.

Среди руководителей Левого центра царило единодушие по поводу того, что не может быть возврата к старому — вмешательству в дела Пруссии, так как это не соответствует венгерским интересам. Поэтому сторонники Кальмана Тисы после начала австро-прусской войны голосовали в парламенте за такой проект резолюции, в котором высказывался резкий протест по поводу беззакония, в результате которого Габсбурги «распоряжаются кровью венгерской нации и ее деньгами»³⁶. Результатом такой политики, по их мнению, могла быть только нищета венгров, потому что интересы страны требуют мира.

Орган Левого центра «А Хон» («Родина») также откликнулся на начало войны гневной статьей 16 июля 1866 г., в которой критиковалось правительство, подвергающее страну «страшной опасности»³⁷. Автор статьи отмечал и дипломатическое фиаско австрийского кабинета — недальновидный договор с Францией 12 июня, в результате которого Пруссия ускорила открытие военных действий против Австрии.

Австро-прусская война стала событием, активизировавшим оппозицию. На заседании Государственного собрания, вновь открывшегося после прекращения военных действий, Имре Иванка, один из наиболее авторитетных деятелей Левого центра, заявил, что «необходимо приложить все силы для заключения союза с Пруссией, как уже сделали большинство государств в Германии»³⁸. Задачу австрийской внешней политики лидеры партии видели не только в том, чтобы «ликвидировать холод между Веной и Берлином», но и «заключить договор с Северогерманским союзом, суть которого была бы во взаимном соблюдении интересов и, если нужно, взаимной поддержке»³⁹.

С особой позиции подошли к решению вопроса о будущей внешнеполитической ориентации страны крайне левые, проводившие в парламенте идеи жившего в эмиграции Лайоша Кошута. Как и большинство венгерских патриотов, Кошут был крайне озабочен возможными последствиями для Венгрии повторной войны с Пруссией, точнее теперь уже со всем Северогерманским союзом. Он писал в своих известных «письмах Кассандры», обращенных к Ф. Деаку, что в случае победы Пруссии Австро-Венгрии грозит чрезвычайная опасность со стороны этого мощного и агрессивного соседа и необходимость постоянно держать войска в боевой готовно-

сти на границе с Германией, чем непременно воспользуется Россия для укрепления своих восточных территорий. В случае же поражения Пруссии мадьярам, по словам Кошута, предстоит оказаться лицом к лицу с мощной германской общностью во главе с Австрией, уже не нуждающейся в системе дуализма, результатом чего станет новое порабощение Венгрии⁴⁰.

Развивая в парламенте мысли Кошута, лидер крайне левых Йозеф Мадарас призвал альтернативой военных действий с Пруссией признать заключение союзного договора с этой страной. Причем он по-новому подошел к вопросу, взявшись доказать преимущества нового прусского режима, который, «хоть и не столь конституционный на словах, однако на деле представляет в Германском союзе принципы свободы и реформ, что начинает завоевывать симпатии народов в Германии, в отличие от Габсбургов в Австрии». Он по достоинству оценил финансовую структуру Пруссии, организацию ее армии, а также отметил «словкость прусской дипломатии», заявив, что «с таким сильным и коварным соседом лучше находиться в союзных отношениях, чем в конфронтации, так как не случайно 18-миллионная армия Пруссии одержала победу над 36-миллионной австрийской армией»⁴¹.

Кошут и его сторонники в парламенте связывали будущую внешнюю политику монархии с борьбой за независимость соседних народов. Так, Кошут призывал венгерских лидеров проводить дружественную политику по отношению к Румынии и Сербии, поддерживая их независимость, и не допустить интервенцию Вены на Балканах. Только так, по его мнению, можно было решить национальную проблему внутри самой Венгрии. Он разработал план Дунайской конфедерации, которая представляла собой союз Румынии, Сербии и независимой от Габсбургов Венгрии⁴².

Оппозиция поддержала Кошута лишь на словах. «Никогда не будет нашим призыванием порабощать чужие народы», — заявил с трибуны Государственного собрания редактор газеты «А Хон» Мор Йокаи⁴³. «Если в случае решения восточного вопроса народы Дунайских княжеств... получают свободу, буржуазное право, возможность духовного и материального развития, мы будем это только приветствовать», — поддержал его Имре Иванка⁴⁴. Вместе с тем высказанное в проекте Мадараса предложение «способствовать осуществлению свободлюбивых планов юго-восточных соседей и развить конституционную свободу по течению Дуная»⁴⁵ поддержки не получило.

После поражения при Садовой оппозиция поставила вопрос об обеспечении влияния Венгрии на внешнюю политику страны, по-

скольку, как сказал Кальман Гици в одном из своих выступлений в парламенте, «если бы Венгрия могла настоять на своей позиции — не вмешиваться в немецкие и итальянские дела — положение монархии, как материальное, так и духовное, не было бы сейчас столь плачевным»⁴⁶. Эта проблема обсуждалась на заседаниях комиссии шестидесяти семи, а чуть позже — подкомиссии пятнадцати, созданных с целью подготовки проекта будущего соглашения с Австрией. В результате работы комиссий на рассмотрение Государственного собрания были представлены три проекта. «Проект большинства» сторонников Деака был составлен в духе концепции «общих дел» — такой системы управления дуалистической монархией, которая признавала внешнюю политику, оборону и финансы двух независимых парламентских монархий общеимперскими делами⁴⁷. «Проект меньшинства» Левого центра вносил в систему «общих дел» существенные коррективы, связанные с расширением прав венгерских государственных институтов, их влияния на общеимперские дела, в том числе на внешнюю политику⁴⁸. Наиболее радикальным был проект Йозефа Мадараса. Крайне левые предложили полностью отказаться от «общих дел», по их мнению, ущемляющих права Венгрии на совершенно независимую политику, военные, денежные и внешне-торговые дела⁴⁹.

Десять дней шло в Государственном собрании обсуждение представленных проектов соглашения, во время которого были затронуты наиболее важные вопросы дальнейшего развития венгерского государства, его места в бывшей империи Габсбургов, в том числе в общегосударственной внешней политике, а также проблемы международных отношений в Европе, в особенности судьба Германского союза. Во время дискуссии оппозиция, отстаивавшая необходимость кардинальной переориентации внешней политики страны, выступила за создание самостоятельной армии Венгрии, которая могла бы обеспечить интересы своей страны в общеимперской политике.

При подготовке соглашения император уделял вооруженным силам особое внимание. Он хотел получить абсолютную власть над армией и таким образом лишить Венгрию возможности оказывать на него давление. Поэтому он требовал не только декларирования общих вооруженных сил, но и упразднения венгерского министерства обороны. Андраши, обсуждавший с Францем Иосифом этот вопрос, первоначально согласился на временную ликвидацию министерства, так как считал, что вся военная система будет со временем реформирована. Однако такая постановка вопроса вызвала бурю протеста в венгерском обществе. Император вынужден был усту-

пить. По предварительной договоренности общий совет министров, принимающий решения по вопросам общих вооруженных сил, должен был разделить власть с министерствами обороны обоих государств, ведавшими народным ополчением.

Несмотря на явные уступки династии, оппозиция не была довольна решением вопроса о вооруженных силах. По мнению руководителей Левого центра, без самостоятельной армии не могло быть независимого государства. «Ничто не представляет для Венгрии такой важности как самостоятельная армия», — сказал во время своего выступления в парламенте Кальман Гици⁵⁰. Недовольство оппозиции вызвал также тот факт, что в отличие от законодательства 1848 г. председателем венгерского министерства обороны должен был быть назначен император.

Все парламентарии сошлись во мнении, что «венграм чужды великодержавные амбиции Габсбургов и основная цель венгерской политики — сохранить себя и не вмешиваться во внутренние дела соседей»⁵¹. Однако позиции депутатов разделились, когда встал вопрос о том, какие органы власти должны быть наделены большими полномочиями, чтобы обеспечить влияние Венгрии при проведении общеперской внешней политики. Дискутируя с позицией авторов «проекта большинства», считавших делегации залогом активного участия венгров во внешней политике монархии, лидеры оппозиции потребовали предоставить больше прав исконно венгерскому институту — Государственному собранию, а делегации сделать лишь вспомогательными органами. Рассуждая о роли парламента в государственной жизни Венгрии, Кальман Тиса с сожалением отметил, что такая важная прерогатива венгерского парламента как утверждение бюджета, которая во всех странах является гарантом влияния законодательного органа на внешнюю политику, по большей части превратилась в миф⁵². «Делегации отбирают у венгерского парламента его основную функцию, — отметил Имре Иванка, — в то время как эти органы не могут представлять ни интересы венгерской нации, ни тем более интересы других национальностей Венгрии, так как не избираются всенародным голосованием»⁵³.

По мнению Тисы, общее министерство иностранных дел также не могло адекватно выражать венгерские интересы во внешней политике. Лишь парламента, наделенный широкими полномочиями, мог, по мнению оппозиции, обеспечить «влияние Венгрии на внешнеполитические дела в полном масштабе». «Если мы не добьемся преобладающего влияния парламента на решение вопросов войны и мира, внешняя политика может проводиться не в интересах Венг-

рии, а в чуждых интересах», — предупредил один из авторов «проекта меньшинства» Бела Кеглевич⁵⁴.

Наиболее радикальную позицию по данному вопросу заняли, как всегда, крайне левые во главе с Мадарасом, который во время дискуссии неоднократно выступал с требованиями отказаться от любых компромиссов с династией и обеспечить невмешательство австрийских государственных деятелей в венгерскую внешнюю политику. По мнению Мадараса, общеимперское министерство иностранных дел явилось бы регрессом в отношении самостоятельности венгерского государства. Лишь независимое венгерское министерство могло выработать внешнеполитическую концепцию, отвечающую интересам Венгрии. Как заявил Мадарас, венгры получили право на самостоятельную внешнюю политику еще по закону 1723 г. и это право ими использовалось крайне редко или совсем не использовалось. «Проект большинства» Мадарас назвал отказом от суверенитета в области внешней политики⁵⁵.

Оппозиции отвечал в своей заключительной речи Йозеф Этвэш. Защищая позицию большинства, он заявил, что сохранить самостоятельность Венгрии, не подвергая ее опасностям, можно лишь объединившись с остальными территориями бывшей империи Габсбургов⁵⁶. Он выразил мнение основной массы депутатов парламента, и проект партии Деака был принят большинством голосов⁵⁷. Потерпев поражение в парламенте, лидеры оппозиции продолжали теперь уже в комитатах пропагандировать свои идеи, развивая их в направлении большего обеспечения венгерских интересов в общеимперской политике, в особенности во внешнеполитической области. Рост тиража органа оппозиции «А Хон» параллельно с падением популярности «Пешти напло» и «Мадяр вилаг» свидетельствует о том, что после австро-прусской войны позиция Левого центра стала пользоваться большей популярностью среди населения⁵⁸. О том, что и среди низших слоев населения после войны усилилось недовольство политикой Вены, говорит отчет верховного королевского пристава, который после призыва императора к венгерскому населению поднять отряды добровольцев против Пруссии в случае новой войны доносил, что «существует опасность использования мадьярами оружия в других целях»⁵⁹ (т. е. против династии. — Е. Д.).

Таким образом, австро-прусская война 1866 г. и поражение австрийской армии при Садовой с особой остротой поставили в повестку дня проблему обеспечения Венгрией своих особых интересов во внешней политике будущего государства, что проявилось во время подготовки соглашения между Австрией и Венгрией-

ей. Относительно внешнеполитической переориентации создаваемой двуединой монархии среди венгерских политических деятелей существовало единство лишь по одному вопросу — не в интересах Венгрии плыть в фарватере политики реванша, вынашиваемого определенными кругами Вены. Эти планы поддерживала лишь небольшая группа консерваторов, объединившаяся вокруг Д. Аппони и газеты «Мадяр вилаг». Остальные же политические группировки сходились во мнении, что необходимо обратить свой взор на Балканы, сферу исторических интересов Венгрии, где основным соперником была Россия. Вместе с тем в то время, как большинство правящей партии Деака считало возможным осуществить свои планы на Востоке в союзе с Францией и поддерживало шаги Габсбургов по налаживанию отношений с Наполеоном III, оппозиция в лице партии Левый центр уже видела перспективы внешней политики империи в заключении дружественного договора с Северогерманским союзом, объединившимся под эгидой Пруссии.

Отстаивая права Венгрии влиять на принятие внешнеполитических решений, оппозиция выступила в парламенте за расширение компетенций Государственного собрания, а также за создание самостоятельных вооруженных сил. Поддерживая в принципе курс своей партии на союз с Пруссией, крайне левое крыло — соратники Кошута — отстаивали полную независимость Венгрии и отказ от общеимперских институтов.

Таким образом, австро-прусская война 1866 г. оказала существенное влияние на формирование новой внешнеполитической доктрины Венгрии. В то время, когда взрывоопасная международная ситуация грозила мадьярам быть втянутыми в новую кровопролитную войну с Пруссией за чуждые ей интересы в Германии, значительная часть венгерских государственных деятелей и венгерского общества уже была готова к коренному пересмотру традиционной внешнеполитической концепции монархии и заключению союза со всё усиливающейся Пруссией, бывшим соперником Габсбургов в Германском союзе.

Международные события, последовавшие за подписанием соглашения 1867 г., способствовали дальнейшей перегруппировке сил в венгерском обществе, что не позволило Габсбургам несколько лет спустя вмешаться в спор между Пруссией и Францией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Pesti Napló. 1862. 5, 8, 11, 14, 15, 21. III.
- ² Pesti Napló. 1862. 21. III.
- ³ Politikai Hetilap. 1865. 6–7 sz.
- ⁴ Pesti Napló. 1865. 17. I.
- ⁵ Pesti Napló. 1862. 17. X; Politikai Hetilap. 1865. 5 sz.
- ⁶ Pesti Napló. 1863. 2. VIII.
- ⁷ Pesti Napló. 1865. 17. VIII.
- ⁸ Pesti Napló. 1866. 22. III; 1866. 26. IV; 1866. 24. V.
- ⁹ Pesti Napló. 1866. 10. III.
- ¹⁰ A Magyar Országgyűlés képviselőházának naplója (далее — К. Н.). V K. Budapest, 1868. 178. old.
- ¹¹ Pesti Napló. 1866. 4. VII.
- ¹² Pesti Napló. 1866. 24. VII.
- ¹³ Pesti Napló. 1866. 19. VII.
- ¹⁴ Pesti Napló. 1866. 28. X.
- ¹⁵ *Onken H. Die Rheinpolitik Kaiser Napoleons III von 1863 bis 1870 und der Ursprung des Krieges von 1870–1871.* Berlin; Leipzig, 1926. Bd. I. N 147.
- ¹⁶ *Taplé V.-L. Autour d'une tentative d'alliance entre la France et l'Autriche. 1867–1870.* Wien, 1971. P. 13–14.
- ¹⁷ Pesti Napló. 1866. 27. VIII.
- ¹⁸ Архив внешней политики России (далее — АВПР), 2-я газетная экспедиция, 1865. Д. 137. Л. 67, 68; Д. 140. Л. 151; Д. 143. Л. 142; 1866. Д. 152. Л. 107.
- ¹⁹ *Auswärtige Politik Preussens 1858–1871.* Oldenburg, 1935–1939. Bd. 8. S. 676.
- ²⁰ Цит. по: *Decsy J. Prime Minister Gyula Andrassy's Influence on Habsburg Foreign Policy During the France-German War of 1870–1871.* New-York, 1979. P. 47.
- ²¹ АВПР. Канцелярия. Оп. 469. Д. 218. Л. 35.
- ²² *Magyar világ.* 1866. 12. IX.
- ²³ *Magyar világ.* 1866. 5. XII.
- ²⁴ *Pesti Hírnök.* 1866. 17. VII.
- ²⁵ АВПР. 2-я газетная экспедиция. 1866. Д. 152. Л. 107.
- ²⁶ *Pesti Hírnök.* 1866. 3. III.
- ²⁷ АВПР. Канцелярия. 1865. Д. 48. Л. 204–218.
- ²⁸ АВПР. Канцелярия. 1865. Д. 180. Л. 70–74.

- ²⁹ *Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. I. С. 197.*
- ³⁰ Там же. Т. II. С. 35.
- ³¹ АВПР. Канцелярия. Оп. 469. Д. 219. Л. 16; *Бисмарк О. Указ. соч. Т. II. С. 43.*
- ³² *Бисмарк О. Указ. соч. Т. I. С. 251.*
- ³³ Там же. Т. II. С. 37.
- ³⁴ Там же. С. 42.
- ³⁵ Там же. С. 51.
- ³⁶ K. N. I K. 178–179. old.
- ³⁷ A Hon. 1866. 16. VII.
- ³⁸ K. N. IV K. 28. old.
- ³⁹ K. N. IV K. 35. old.
- ⁴⁰ *Deák F. Beszédei. V K. Budapest, 1903. 177. old.*
- ⁴¹ K. N. III K. 169. old.
- ⁴² *Kossuth L. Irataim az emigrációból. III K. Budapest, 1882. 734. old.*
- ⁴³ K. N. III K. 255. old.
- ⁴⁴ K. N. IV K. 28. old.
- ⁴⁵ K. N. III K. 170. old.
- ⁴⁶ K. N. IV K. 5. old.
- ⁴⁷ *Országgyűlés képviselőházának irományai (далее — K. I.). II K. Budapest, 1867. 87–94. old.*
- ⁴⁸ K. I. II K. 95–97. old.
- ⁴⁹ K. I. II K. 102–103. old.
- ⁵⁰ K. N. IV K. 5. old.
- ⁵¹ K. N. III K. 368. old.
- ⁵² K. N. III K. 361. old.
- ⁵³ K. N. IV K. 27. old.
- ⁵⁴ K. N. III K. 340. old.
- ⁵⁵ K. N. III K. 348. old.
- ⁵⁶ K. N. III K. 366. old.
- ⁵⁷ K. N. IV K. 134. old.
- ⁵⁸ *Galantai J. A Habszбург-Monarchia Alkonya. Budapest, 1985. 71. old.*
- ⁵⁹ *Ibid.* 68. old.

ЮГОСЛАВЯНСКАЯ ПОЛИТИКА АНДРАШИ (1867–1871 гг.)

Известному политику и дипломату эпохи австро-венгерского соглашения Дюле Андраши¹ (1823–1890 гг.) было суждено сыграть одну из ключевых ролей в дуалистическом преобразовании Дунайской империи и во многом заложить основы ее внешней политики. Двенадцать лет из полувекового существования Австро-Венгрии приходится на то время, когда Андраши — сначала в качестве венгерского премьер-министра (1867–1871), а затем и министра иностранных дел двуединой монархии (1871–1879) — мог существенно влиять на выбор курса во внешней, а также внутренней политике. За время второго, венского, периода государственной деятельности Андраши была осуществлена внутренняя консолидация системы дуализма и укреплены позиции Австро-Венгрии на международной арене, что нашло свое выражение в известном соглашении трех императоров (1873), ходе и результатах Берлинского конгресса 1878 г. и, наконец, в заключении союза с Германской империей в 1879 г.

Оставляя в стороне этот более известный период деятельности Андраши, мы бы хотели обратиться к событиям начала его дипломатической карьеры, к тому времени, когда, находясь на посту венгерского премьера, он разрабатывал свою концепцию внешней политики Австро-Венгрии, прежде всего восточную.

Предлагаемая работа поможет проследить генезис взглядов Андраши, их роль в определении последующей внешней политики Австро-Венгрии, особенно в таком ключевом для ее существования вопросе, как югославянский. Необычная судьба Андраши, оказавшая несомненное влияние и на его политические взгляды, заслуживает краткого изложения.

Граф Дюла Андраши родился 8 марта 1823 г. в комитате Земплин на северо-востоке Венгрии в семье либерального аристократа. Он получил хорошее домашнее образование, затем продолжил его в пештском университете. Большое значение для становления личности молодого аристократа и вовлечения его в политическую борьбу имело его знакомство и последующие тесные отношения с выдающимся венгерским реформатором и мыслителем И. Сечени, а затем и с Кошутом. Осенью 1847 г. Андраши был избран депутатом Государственного собрания от своего комитата, где, несмотря на моло-

дость, играл довольно значительную роль. Во время революции 1848 г. Андраши был фёйшпаном (главой) комитата Земшлен, командиром батальона своего комитата, в боях проявил личную храбрость, за что был назначен адъютантом А. Гёргея — венгерского главнокомандующего. К весне 1849 г. относится дебют Андраши на дипломатическом поприще — он стал одним из «дипломатов Кошута», послом революционной Венгрии в Константинополе. Остановив свой выбор на 25-летнем революционере, Кошут учитывал различные его достоинства — представительную внешность и графский титул (для усиления «представительности» Андраши, имевший чин майора, был срочно произведен в полковники), знание европейских языков и явный интерес молодого аристократа к международной политике, выказанный им в речах в Государственном собрании в 1848 г.

В условиях готовившейся царской интервенции, при активном противодействии послов России и Австрии, Андраши должен был обеспечить максимально благоприятную позицию Османской империи по отношению к никем не признанной Венгрии. Андраши попытался даже склонить турок к вступлению в войну против России², а после поражения революции, опираясь на дипломатическую поддержку Англии, смог воспрепятствовать выдаче Австрии и России интернированных в Турции венгерских революционеров. Из Константинополя Андраши эмигрировал в Париж — центр венгерской эмиграции, где был принят в самых высших кругах общества, включая императорскую фамилию. В 1851 г., во исполнение приговора о заочном повешении, черная доска с его именем и именами 35-ти других участников революции была прибита палачом к виселице, что только прибавило Андраши популярности в Париже, где его стали называть «прекрасным повешенным». Обширные связи при дворе, как и изменение общей политической обстановки в Австрии, позволили Андраши добиться в 1857 г. амнистии. После возвращения на родину он примкнул к партии Деака и сразу выдвинулся в первые ряды сторонников дуализма. По всей видимости, именно ему принадлежала идея создания двусторонних делегаций³ — этого институционального выражения соглашения между Австрией и Венгрией, — с помощью которых удалось избежать создания центрального парламента, заменив его специальными «делегациями» австрийского рейхсрата и Государственного собрания Венгрии. 17 февраля 1867 г. Франц Иосиф по совету Деака назначил Андраши первым премьер-министром Венгрии, что и стало официальной датой заключения Соглашения. Правительство Андраши осуществило ряд мер, направленных на консолидацию системы дуализма, в

частности, административную и избирательную реформы, национальный закон 1868 г., создание венгерской армии хонведов, упразднение Военной границы * и т. д.

Личные качества Андраши были довольно необычны для дипломатов «старой школы», преобладавшей в Европе. Энергичный, темпераментный до порывистости венгерский граф избрал своим дипломатическим стилем искренность. «Настоящий венгерский кавалер» ⁴, любитель экстрима, пытался практиковать джентльменский стиль отношений и на государственном уровне — в важном вопросе мог потребовать честного слова и удовлетвориться им ⁵ и т. д. В целом этот стиль вызывал доверие, хотя находились и скептики, не верившие в «гениальную прямоту» венгерского премьера ⁶.

Андраши удалось остаться в стороне и от сомнительных финансовых сделок, приобретших в первые годы дуализма невиданный масштаб. Его подчеркнутая чистоплотность в подобных делах — в эпоху грюндерства и становления парламентаризма — вызывала у современников удивление, граничившее с непониманием ⁷. В целом популярность Андраши в Венгрии, за исключением периода, связанного с оккупацией Боснии и Герцеговины в 1879 г., была так высока, что, по шутливому замечанию писателя Д. Круди, когда однажды Андраши упал с лошади, вместе с ним хромал каждый сколько-нибудь уважаемый венгерский кавалер.

Свою деятельность на посту венгерского премьер-министра Андраши начал в переломный момент, когда во внешней политике монархии Габсбургов разрушались последние остатки наследия Меттерниха с его легитимистскими принципами, стремлением к верховенству в Италии и Германии, поддержкой Турции на Балканах и попытками сохранения там *status quo*. Национальные движения за объединение Германии и Италии вытеснили Габсбургов из этих стран. В таких условиях оживление в Австрии славянского национализма могло стать концом существования некогда могущественной империи. Особенную остроту ситуации придавало соперничество Франции и Пруссии, в Европе многие серьезно опасались, что балканские народы воспользуются этим обстоятельством, чтобы поднять всеобщее восстание против Османской империи. Эти опасения подогревались тем, что с мая 1866 г. на Крите шла, не прекращаясь, вооруженная борьба с турками, грозившая перекинуться в другие земли Юго-Восточной Европы. В этой обстановке в Австрии уси-

* Так называлась особая милитаризованная область, населенная сербскими-границарами и подчинявшаяся непосредственно венскому военному министерству.

ленно шли поиски новой внешнеполитической доктрины вместо рухнувшей, и вскоре такая доктрина была найдена.

Назначенный в октябре 1866 г. министром иностранных дел Австрии бывший саксонский министр барон Ф. Ф. Бойст считал главной задачей германского направления внешней политики империи сохранение особого положения Южной Германии, гарантированного ей Пражским миром 1866 г.⁸ В восточной же политике Бойст объявил об открытии новой эры. До сих пор, считал он, Австрия всегда становилась на точку зрения Турции. Теперь венскому кабинету больше нельзя ставить себе задачей только «участие в похоронах отболевших вопросов», как это было в Италии и Германии, а потому на Востоке Австрия должна признать принцип автономии провинций и защиты христианского населения Турции⁹. Таким образом сохранялась целостность Османской империи и вместе с тем отдавалась необходимая дань и национальным стремлениям балканских народов, просто игнорировать которые было уже невозможно.

В отличие от Бойста, до своего призыва на австрийскую службу мало соприкасавшегося с балканскими проблемами, Андраши ко второй половине шестидесятых годов уже имел определенную позицию в восточной политике монархии и, как мы видели, даже некоторый практический опыт.

Вероятно, первую попытку систематически изложить свое видение внешней политики Австрии и ее места в Европе Андраши предпринял уже на следующий год после революции, в 1850 г. В английском журнале «Эклектик ревью» появилась его статья, основные положения которой заключались в следующем: с Австрией Венгрии следует договориться мирным путем; необходимо добиваться конституционных преобразований в Австрии, так как благодаря им она смогла бы отойти от России и преградить ей путь на Балканы; обещания, дающиеся славянам Австрийской империи, только усиливают панславистскую пропаганду и влияние России, что может закончиться распадом Австрии, особенно если Россия захватит Дунайские княжества; Австрия нуждается в Венгрии как в государстве, которое в условиях оживления славянских освободительных движений заинтересовано в сохранении империи, а Европе нужна Австрия как единственный противовес России¹⁰.

В этой программной статье Андраши заметно соединение двух идеологических компонентов. С одной стороны, это широко распространенное в Европе представление об Австрии как о «европейской необходимости», имевшее как традиционные, великодержавные («европейское равновесие»), так и либеральные («барьер цар-

скому деспотизму») корни. С другой — это специфически венгерский национальный интерес, с его традиционной антиславянской направленностью. Общеперские задачи признаются там и постольку, где и постольку они отвечают специфическим венгерским интересам, сосредоточенным прежде всего на юго-восточном, балканском направлении, тогда как другие актуальные интересы Австрии (в частности, в Германии и Италии) не были в такой же степени важны для Андраши.

Говоря о влиянии венгерских интересов на внешнюю политику всей империи, необходимо отметить, что Андраши вполне разделял представления, характерные для венгерских политиков первых лет дуализма ¹¹.

В балканской политике Андраши существовали определенные приоритетные направления. Так, критская проблема, почти три года приковывавшая к себе внимание европейской дипломатии, интересовала его, в отличие от Бойста, не столько с точки зрения сохранения целостности Османской империи, сколько лишь в связи с ее значением для других христианских народов Турции. Баварский посол в Вене Брай доносил в связи с этим, что Андраши, «который оказывает на *восточную* (выделено в тексте. — А. М.) политику монархии тем более значительное влияние, что в отношении прочих политических вопросов проявляет сдержанность, высказывает свое убеждение: что любой восточный конфликт, хотя и не с самого начала, но при большей продолжительности, неминуемо имел бы следствием всеобщее возмущение румын, сербов, боснийцев и болгар» ¹². Главное значение для венгров югославянского, т. е. прежде всего сербского и хорватского вопроса (как и румынского), заключалось в том, что значительную часть населения Венгрии составляли представители именно этих народов, уже громко заявлявших о своих национальных интересах.

Целью сербской политики Андраши этого времени было, во-первых, умиротворение Сербии в целях локализации восточного кризиса, вызванного Критским восстанием, во-вторых, обеспечение ее благожелательного нейтралитета или даже союзничества на случай возможной войны с Россией, в-третьих, нейтрализация, в той или иной форме, влияния Белграда на предстоявшее решение югославянского вопроса в самой Венгрии.

Идея венгерско-сербского союза давно увлекала Андраши. Еще в 1849 г., когда на пути в Константинополь он посетил Белград, состоялся его первый контакт с сербскими лидерами: Андраши пытался заключить «естественный союз» с И. Гарашанином, автором известной программы югославянского объединения ¹³. Тайные кон-

такты с сербскими политиками продолжались и после возвращения Андраши из эмиграции, став интенсивными в июле-августе 1866 г. Это объяснялось тем, что, с одной стороны, из-за поражения Габсбургов в австро-прусской войне оживились надежды сербов на достижение их национальных целей, с другой — возросло значение венгров как партнера по переговорам, так как в результате войны заключение австро-венгерского Соглашения стало реальностью. На переговорах Н. Крестича, эмиссара Гарашанина, с доверенным лицом Андраши Л. Хуньяди в начале августа 1866 г. последний изложил возможные условия сербско-венгерского сотрудничества, включавшие в себя, помимо прочего, содействие Венгрии в изгнании турок из сербских крепостей и обязательство Сербии при определенных обстоятельствах оказать Венгрии военную помощь. Предполагалось заключить формальный договор между двумя правительствами о наступательном и оборонительном союзе, причем осуществление этого проекта связывалось с заключением австро-венгерского соглашения¹⁴.

17 февраля 1867 г. Андраши был назначен главой первого венгерского ответственного министерства и сразу же обратился к сербскому князю Михаилу с просьбой прислать свое доверенное лицо для переговоров. 22 февраля Крестич уже получил инструкции от Гарашанина, в которых отмечалось внимание Белграда к заселенным сербами областям Венгрии и подчеркивалась взаимная заинтересованность в противостоянии Германии и России¹⁵.

На встрече Андраши с Крестичем 3 марта серб изложил две главные задачи, стоявшие перед белградским правительством — ближайшую и отдаленную: изгнание турок из сербских крепостей и освобождение югославян в турецких землях с последующим их объединением. Андраши же подчеркнул общность интересов Венгрии и Сербии, поскольку обеим странам, по мнению венгерского премьера, угрожала одна и та же опасность — Россия. Для того, чтобы противостоять ей, необходима сильная держава в центре Европы — Венгрия. Если Венгрия будет захвачена, то скоро настанет и черед Сербии. Поэтому Венгрия необходима в качестве барьера между сербами и русскими, с одной стороны, сербами и немцами — с другой. Однако реально Сербии угрожает только Россия, так как возможным австрийским претензиям на сербские земли венгры, не заинтересованные в территориальном расширении империи, будут активно противодействовать. Что же касается сербских требований, то Андраши настаивал на мирном пути их осуществления, в связи с чем была поднята проблема Боснии и Герцеговины. Крестич заявил, что единственный мирный путь югославянского объедине-

ния — отказ Порты от непосредственного владения этими областями в пользу Сербии, при сохранении османского сюзеренитета и уплаты Белградом дани за Боснию. Андраши не выдвинул каких-либо существенных возражений¹⁶.

В этих высказываниях вполне узнаваемы старые мысли Андраши о «европейском предназначении» Венгрии. Гораздо интереснее его реакция на предложение Кристича о Боснии. Сейчас трудно судить с определенностью, был ли это первый случай, когда Андраши обратил к боснийской теме. Во всяком случае, именно с этого времени идея какого-либо практического использования Боснии как средства решения югославянской проблемы надолго завладела им.

В течение всего 1867 г. Андраши не расставался с этой мыслью. Однако для ее осуществления отсутствовали необходимые внутренние и внешние предпосылки: с одной стороны, она находилась в полном противоречии не только с восточной политикой Бойста¹⁷, но и со взглядами Франца Иосифа и влиятельных военных кругов на боснийскую проблему¹⁸. С другой — сербские претензии на Боснию¹⁹ не нашли поддержки в Пруссии²⁰, Франции²¹ и Австрии. Более того, Франция, продолжая курс на сближение с Веной, дала «обязательные заверения» в том, что в Боснии сохранится *status quo*, и подтвердила свое намерение принимать во внимание «жизненные интересы» Австрии в Боснии и Герцеговине²².

Тем не менее Андраши не отказался от своей идеи: на его встрече с кн. Михаилом в Иванке в августе 1867 г. вновь главной темой была Босния. Точных сведений об этой встрече нет, предполагается, что Андраши предложил князю Боснию в обмен за разрыв Сербии с Россией и за соблюдение нейтралитета по отношению к Критскому восстанию²³. Вероятно, свидание в Иванке находилось в определенной связи с зальцбургскими переговорами Франца Иосифа с Наполеоном III в августе 1867 г., на которых подробно обсуждалась и критская проблема²⁴. Известно также, что Наполеон III предложил Австро-Венгрии захватить Боснию, но Андраши решительно отверг эту идею, ссылаясь на «наполненность венгерской ладьи»²⁵. Возможно, что именно это предложение вынудило его прямо из Зальцбурга поспешить в Иванку, чтобы согласовать с Михаилом некий план действий. Гарашанин, также находившийся в это время в Иванке, предполагал даже, что визит Андраши состоялся не без ведома участников Зальцбургской встречи²⁶. Однако действительной поддержки с австрийской стороны венгерский премьер, видимо, все же не получил: на встрече с Гарашанином в сентябре 1867 г., вновь подчеркивая полную незаинтересованность Венгрии в аннексии Австрией Боснии и Герцеговины²⁷, Андраши предпочел не ответить

на вопрос, такого же мнения придерживаются Бойст, а также другие народы империи (т. е. хорваты) ²⁸.

1868 год принес дальнейшее усложнение международной обстановки. Началась затяжная антиавстрийская кампания Бисмарка, в которой он успешно использовал и восточный вопрос ²⁹, продолжалось сближение Австрии и Франции, подкрепленное общностью устремлений в Южной Германии — против прусских и на Балканах — против русских интересов. Продолжалось Критское восстание и тайная деятельность Сербии по созданию на Балканах антитурецкого блока ³⁰. Повсюду росло ожидание большого европейского конфликта.

В этой обстановке Андраши все внимание вновь сосредоточил на своих боснийских планах. Некоторые персональные изменения облегчали его задачу: в ноябре 1867 г. покинул пост премьер-министра и министра иностранных дел Сербии И. Гарашанин, противник слишком тесного сербско-венгерского сближения, а вскоре в австро-венгерское министерство иностранных дел на высокую должность — шеф секции — был назначен барон Бела Орци, «доверенное лицо графа Андраши» ³¹. Но самое главное — ключевой пост генерального консула в Белграде занял весной 1868 г. Бени Каллаи, венгр, «друг на „ты“» Андраши ³², специалист по югославянскому вопросу. В сопроводительной инструкции Бойста Каллаи 5 апреля 1868 г. предлагал противодействовать вооружению Сербии, препятствовать созданию антитурецкого блока на Балканах и решительно сопротивляться планам Сербии присоединить Боснию, указывалось также, «что если Порта вообще когда-либо согласится с такой мерой, то при существующих доверительных отношениях с к. к. (кайзеровско-королевским, т. е. австрийским. — А. М.) правительством, она охотнее отдаст ее выполнение в его руки, чем в руки сербского правительства» ³³.

Несмотря на столь четко сформулированную позицию Вены, Андраши продолжал проводить самостоятельную боснийскую политику. В мае 1868 г. состоялись его переговоры с эмиссаром сербского правительства А. Орешковичем. Кроме обычных рассуждений об «исторической миссии Венгрии» — спасении Европы от «русского варварства», Андраши высказал несколько новых соображений о роли Турции и Сербии в связи с этим. Его высказывания о Турции любопытны прежде всего потому, что они подвергают сомнению бытующие в историографии представления о туркофильстве Андраши ³⁴, связанном прежде всего с благодарной памятью о роли Турции в венгерской революции 1848–1849 гг. Турция, по мнению Андраши, была обречена, и сохранять ее следовало лишь временно и

только как орудие в борьбе с Россией. Сербии также отводилось важное место в подготовке войны с северным соседом. В войне с Россией Сербии следовало бы идти с Западом, но было бы достаточным, если бы Белград просто остался нейтральным и не напал на Турцию. В противном же случае Сербия будет иметь дело не только с Турцией, но и с Италией, которая может высадить свои войска в Далмации и Истрии. В отношении Боснии и Герцеговины Андраши также предложил новое соображение: ссылаясь на интересы «военной партии» и хорватов, он фактически высказался за раздел этих провинций между Сербией и Австро-Венгрией³⁵. Выяснить время возникновения этой идеи довольно сложно. Во всяком случае, уже в марте 1868 г. Л. Хуняди, пересылая князю Михаилу новую книгу о Боснии, писал, что хорошо по крайней мере иметь одинаковые карты того, что предстоит поделить³⁶. Сам Андраши уверял, что идея раздела принадлежала князю³⁷. На встрече с Орешковичем венгерский премьер изложил и условия предполагаемого раздела. На этот раз он не настаивал на мирном приобретении Боснийского вилайета Сербией, но только в том случае, если оно состоится до начала войны с Россией, в противном случае это означало бы выступление на ее стороне. Австрия не только не стала бы осуществлять интервенцию, но и постаралась бы удержать другие державы. Этот раунд сербско-венгерских переговоров закончился предложением Андраши заключить договор, по которому Босния и Герцеговина, за исключением одной части, так называемой Турецкой Хорватии, переходили бы к Сербии. В качестве компенсации Сербия получала бы также Нишский пашалык в Болгарии. Сербия должна была обязаться после получения этих провинций заключить с Венгрией оборонительный союз. Эти предложения Андраши решено было содержать в глубокой тайне и сообщить только самому князю³⁸.

Идея присоединения части Боснии к Австрии шла значительно дальше прежних предложений Андраши. Во-первых, это давало некоторые шансы добиться поддержки этой идеи у высшего руководства империи и, возможно, даже отвратить кайзера от вероятных реваншистских планов в Германии³⁹. Во-вторых, новый план до некоторой степени удовлетворял претензии хорватов на боснийские земли, что было весьма важно с точки зрения переговоров с Хорватией о соглашении с Венгрией, проходивших в это время. В-третьих, Андраши и Каллан надеялись, что таким образом удастся лишить почву югославянскую идею, ибо «...самым благоприятным результатом политики присоединения Боснии было бы зарождение враждебности между сербами и хорватами»⁴⁰. В-четвертых, хотя присоединение территорий, населенных славянами, и противо-

речило венгерской максиме «насыщенности», но население здесь было относительно невелико, к тому же большая его часть исповедовала католицизм и мусульманство⁴¹. Далее, Андраши опасался, что присоединение всей Боснии и Герцеговины к Сербии оказало бы притягательное воздействие на славян империи⁴². Наконец, Андраши, «приумножив империю», мог бы рассчитывать на благосклонность императора, что было крайне важно в несовершенных конституционных условиях Австро-Венгрии, где позиции ведущих министров фактически зависели единственно от воли кайзера. Об Андраши говорили, что, еще продемонстрировав Францу Иосифу на церемонии коронации в 1867 г. флаг древней «Босны», он как бы дал обещание вернуть ее⁴³. И последнее — в отличие от первоначального плана присоединения всей территории Боснийского вилайета к Сербии, когда речь формально шла об изменениях в рамках Османской империи, теперь нарушалась целостность Турции, что противоречило духу и букве решений Парижского конгресса 1856 г. Горчаков многократно заявлял, что покушение Австрии на Боснию и Герцеговину Россия рассматривала бы как *casus belli*⁴⁴. Андраши не только отдавал себе отчет в возможности такого поворота событий, но и, как мы убедимся, включал его в свои расчеты.

Поддержки своей восточной политики венгерский премьер в первую очередь ожидал от Франции. Орешковичу он заявил, что на предполагаемый договор нужно получить согласие Франции, но что Венгрия берет это на себя⁴⁵. Когда после убийства князя Михаила (29 мая 1868 г.) Орешкович вновь прибыл в Пешт, чтобы подтвердить верность сербских наместников выбранному Михаилом курсу на сближение с Венгрией, Андраши рассказал ему о своем намерении просить поддержки у принца Жерома Наполеона, когда тот во время своего европейского турне⁴⁶ посетит Австро-Венгрию.

Принц Наполеон прибыл в Вену 5 июня 1868 г. Хорошо информированный венгерский агент Бисмарка доносил, что поездка принца «находится в теснейшей связи с восточным вопросом и возможным возбуждением польского вопроса отнюдь не относится к досужим комбинациям»⁴⁷. Проводились совещания Деака и членов венгерского правительства с видными польскими деятелями, а сам принц Наполеон особенно много общался с Андраши, с которым они некогда были друзьями в Париже⁴⁸. И. Тюр, бывший хонведский генерал и видный деятель венгерской эмиграции, сообщил находившемуся с ним в дружеских отношениях Орешковичу, что принц обещал венгерским деятелям предложить план Андраши императору⁴⁹. Благодаря подробной записи Каллаи мы обладаем,

может быть, самым законченным вариантом восточных планов Андраши этого времени.

19 августа в имени Андраши в Теребеше состоялась его беседа с приехавшим за инструкциями Каллаи. Андраши отметил некоторые трудности в осуществлении боснийского плана, поскольку «военная партия» не перестала рассматривать Боснию как компенсацию за предыдущие потери и старается таким же образом настроить и императора. Бойст же опасается такой смелой политики. Однако кайзера можно склонить к этому плану, если к Австрии будет присоединена часть Турецкой Хорватии до реки Врбас. Другая трудность — сопротивление Турции, которая «в своей неразумной привязанности к прошлому» не захочет уступить Боснию. Третью трудность представляло собой присоединение упомянутой части боснийской территории к Австро-Венгрии. Это был бы чувствительный удар России.

Император хочет войны, чтобы исправить впечатление от поражения под Кёниггрецем. Андраши также заявил, что империи необходима победоносная война и что эта война должна вестись ни против кого иного, как против России, чтобы навсегда сломить ее. Когда принц Наполеон склонял Андраши к выступлению против Пруссии, тот решительно отказался, но дал ему совет ⁵⁰ вместе с Австрией напасть на Россию под предлогом освобождения Польши. Принц Наполеон поддержал этот план и заявил, что в случае необходимости 200–300 тыс. французов за несколько недель будут в Риеке, чтобы затем вместе вторгнуться в Польшу.

Андраши считал, что для осуществления этого плана необходимо, чтобы Россия сама начала войну, и с этой точки зрения нужно разыграть боснийскую карту, на что Россия не пойдет, и таким образом дело может дойти до войны. С войной, с одной стороны, нужно подождать до тех пор, пока вступят в силу военные реформы, с другой — нужно спешить, пока жив Наполеон ⁵¹.

Таким образом, с боснийской комбинацией Андраши связывал прежде всего идею превентивной войны с Россией. Из-за существовавшей «интимности» между Петербургом и Берлином, а также поскольку поводом должен был служить польский вопрос, Пруссия как союзник была малопригодна. Французское же сотрудничество имело свои недостатки. Прусский поверенный в делах Ладенберг еще в сентябре 1867 г. доносил, что «венгры в их безграничном страхе перед русскими... ожидают получить безопасность... только от сближения с Францией. Эту точку зрения представляет граф Андраши» ⁵², Бисмарк также отмечал «известные французские тенденции» венгерского графа ⁵³. Тем не менее говорить об односторонне

французской ориентации его политики не приходится. Он решительно отвергал все предложения антипруссского сотрудничества с Францией⁵⁴, поскольку столкновение с Пруссией было крайне нежелательно с точки зрения венгерских интересов⁵⁵. С другой стороны, не вполне понятно, как Андраши предполагал его избежать, поднимая польский вопрос и избрав в союзницы Францию. Некоторые его высказывания в начале франко-пруссской войны, в частности его слова на решающем заседании 18 июля 1870 г. о нежелательности победы Пруссии⁵⁶ и его планы возможного присоединения к Франции⁵⁷, оставляют место для предположения, что для Андраши французская помощь против России имела все же несколько более высокую ценность, чем опасности, вытекавшие из возможного поражения Пруссии.

Не вполне ясно, с какого времени боснийский план Андраши стал подразумевать провоцирование России на войну. Но идея войны с Россией под предлогом восстановления Польши и с обеспеченным югославянским тылом, несомненно, принадлежала к числу его излюбленных. Тем более, что восстановленная Польша могла служить буфером между двумя восточноевропейскими империями. Еще в апреле 1867 г. венгерский агент Бисмарка доносил, что между французским послом и Андраши состоялись консультации об использовании польского вопроса в войне с Россией. Андраши ответил тогда, что Австрия нуждается в мире, но в случае возможного конфликта с Россией в любом случае окажется на стороне Франции⁵⁸. Довольно сдержанный ответ венгерского премьера объясняется не в последнюю очередь тем, что здесь подразумевался вполне определенный конфликт — между Францией и Пруссией по поводу Люксембурга, а втягивать империю в войну из-за столкновения интересов на Западе Андраши не хотел. Венгерский премьер-министр покровительствовал и полякам Галиции, сказав однажды, что нельзя требовать от него, чтобы он помогал уничтожить единственных полонифилов Андраши становился в дни кризисов, когда его мечты о войне с Россией, казалось, были близки к осуществлению. Осенью 1868 г., в дни румынского кризиса⁶⁰, в Пеште проводились консультации с поляками различной партийной окраски, на которых выяснялось их отношение к возможности войны с Россией⁶¹. В критические дни начала франко-пруссской войны Андраши, вновь не без задней мысли, касавшейся Польши, предполагал присоединиться к победоносной французской армии в районе Дрездена и вместе выступить против России⁶². Накануне Понтийского кризиса⁶³ осенью 1870 г. Андраши в беседе с прусским послом Швайнитцем вы-

сказывался в том смысле, что когда дело дойдет до войны с Россией, он рассчитывает на поддержку поляков, что обеспечит им впоследствии восстановление Польши⁶⁴. Похожие мысли Андраши развивал и перед турецким послом Халил-беем⁶⁵.

Все эти планы, однако, если и имели какие-то шансы на осуществление, то только при условии, что югославянские окраины империи и пограничные с ней области останутся спокойными. Однако предназначенная для этого боснийская комбинация по-прежнему наталкивалась на сопротивление Бойста и Турции. В конце 1868 г. Андраши попытался воздействовать на рейхсканцлера обходным маневром: он предложил Каллаи подтолкнуть наместников в Белграде составить меморандум австро-венгерскому министерству иностранных дел. В нем бы подчеркивалось, что Сербия заинтересована в сохранении Турции, наместники настроены мирно, но если не будут сделаны уступки в боснийском вопросе, они не смогут долго удерживать нацию от выступления против Порты⁶⁶. С другой стороны, Андраши считал, что критские затруднения Турции можно использовать, чтобы оказать на нее давление. Поэтому он не был сторонником созыва конференции по критскому вопросу⁶⁷, считая, что лучше предоставить это дело тем, кого оно касается, и использовать эту возможность для решения боснийского вопроса⁶⁸.

В течение всего 1869 г.⁶⁹ Андраши продолжал разыгрывать боснийскую карту в отношениях с Сербией⁷⁰, а в начале года, вероятно, даже смог временно склонить к принятию своего плана и Бойста, что стоило ему некоторых уступок в германской политике⁷¹. Однако Турция оставалась непреклонной и не пошла на новое предложение Андраши — эффективную помощь в случае ее войны с Россией взамен уступки Турции Боснии⁷². В сентябре 1869 г. венгерский политик заявил Каллаи, что Россия нападет на Австрию, как только закончит строительство своих железных дорог. В связи с этим, по мнению Андраши, главная задача заключалась в том, чтобы в будущей войне были защищены тылы Австро-Венгрии и Турции, поэтому присоединение Боснии к Сербии — «краеугольный камень нашей югославянской политики, без этого мы строим свое оружие на песке»⁷³.

Борьба Андраши за Сербию не ограничивалась уступками в боснийском деле. Он и Каллаи энергично поддержали сербские требования об отмене консульской юрисдикции, почтовой конвенции и т. д.⁷⁴, что далось без особого труда, поскольку совпадало с курсом мелких уступок на Балканах, проводимым Бойстом. Однако Каллаи не уставал рекламировать в Белграде позицию Андраши, представляя дело так, что обещанные Бойстом облегчения в деле консуль-

ских прав и почтовой конвенции до сих пор не осуществились из-за «созданных в Вене» (выделено в тексте. — А. М.) трудностей, тогда как венгерский премьер стоит совершенно на стороне Сербии ⁷⁵. Кроме того, Венгрию и Сербию связывал реальный материальный интерес в связи с проектируемой в то время железной дорогой на Константинополь. Вена предполагала проложить трассу через Боснию, тогда как Венгрии и Сербии более экономически выгодным был бы путь от Пешта через Белград ⁷⁶. К тому же в этом вопросе венгерский премьер находился под особенно сильным давлением оппозиции, утверждавшей, что Андраши либо не обладает значительным влиянием на внешние дела империи, либо не может применить его в этом крайне важном деле ⁷⁷.

С другой стороны, Андраши ратовал за активное вмешательство во внутренние дела Сербии. После убийства князя Михаила он выступал, например, за энергичное воздействие на выбор нового князя. В переписке с Каллаи Андраши был более откровенен, нежели с сербскими политиками, добиваясь союза и дружбы с Сербией: «Я вообще убежден, что князь Сербии должен быть выбран императором Австрии и королем Венгрии как фёйшпан какого-нибудь комитата... В принципе нашу поддержку должен получить тот кандидат, который является слабейшим, или самый преданный нам. Слабый князь был бы менее склонен авантюрами предприятиями опрометчиво подтолкнуть к решению Восточного вопроса...» ⁷⁸. В июне 1868 г. Андраши частным образом запрашивал Каллаи о величине суммы, достаточной для создания в Сербии партии, на которую можно было бы рассчитывать при любых обстоятельствах ⁷⁹.

Франко-прусская война ⁸⁰ оживила многочисленные подозрения венгерского премьера, и особенно — о тайном русско-прусском союзе. Близкая Андраши газета «Пестер Ллойд» писала 20 июля, что для Австрии не исключается возможность участия в антипрусской деятельности и «единственная причина этому — опасения прусско-русского союза...» ⁸¹. В критические дни войны Андраши несколько раз встречался с прусским послом в Вене Швайнитцем и с большой нервозностью высказывал ему свои опасения, что Пруссия «сожрет» западные, австрийские земли, а Россия — восточные, югославянские ⁸². Вместе с тем при благоприятном повороте войны венгерский премьер надеялся развязать конфликт с Россией, в этом случае, заявил он Каллаи 29 июля, «нужно дразнить Россию, пока она не бросится на нас». Каллаи понял из этого разговора, что Андраши искренне желает войны, но не имеет решимости, чтобы энергично ее начать ⁸³. Андраши планировал заключить союз с Турцией, вновь потребовав от нее за это уступку Боснии Сербии, и уже обратился в

Константинополь с предложением вступить в переговоры⁸⁴. Одновременно через Орци и английского посла Блумфильда он попытался заручиться поддержкой Англии в этом деле⁸⁵. Но Андраши ожидал полное фиаско. Все попытки добиться согласия Турции наталкивались на однозначный отказ: «*non possumus*»⁸⁶. Лондон также ответил отказом, причем Бойст, еще до получения английского ответа узнав об инициативе Андраши, дезавуировал ее⁸⁷.

Поражения Франции лишили Андраши возможного союзника на Востоке и заставили поспешить с изъявлениями лояльности к Пруссии. В сентябре он дал понять Швайниццу, что с австрийской стороны не будет возражений против аннексии Эльзаса и Лотарингии, причем обратил внимание прусского посла на факт, «что с поражением Франции держава, которая, будь то из тщеславия или других побудительных причин, выступала на Востоке против России, теперь исчезла»⁸⁸.

Андраши попытался также использовать изменившуюся европейскую ситуацию для очередного раунда авансов Сербии. В письме к Каллаи 24 октября 1870 г. он поручил австрийскому консулу разъяснить заместителям, что после победы Пруссии уже ничто не говорит в пользу союза Сербии с Россией, потому что Пруссия теперь не будет нуждаться в ее поддержке. С другой стороны, для победыносной Пруссии Австрия не только больше не является соперником, но и представляет собой естественного союзника в антирусской позиции, принимая во внимание немецкие претензии на Балтике и австрийские интересы на Балканах⁸⁹.

Известная нота Горчакова от 31 октября 1870 г. об отказе выполнять решения Парижского конгресса о нейтрализации Черного моря вызвала в Венгрии взрыв возмущения, венгерское правительство через «Пешти напло» полуофициально высказалось за войну⁹⁰. Каллаи ожидал «больших событий» и считал, что в качестве ответа на русский вызов нужно назначение Андраши на пост министра иностранных дел дуалистической монархии⁹¹.

14 ноября состоялось совещание министров Австро-Венгрии с участием Андраши, посвященное ноте Горчакова⁹². Венгерский премьер высказался за коллективный шаг протеста держав — участников Парижского конгресса 1856 г. Он рассчитывал на безусловную поддержку не только Англии и Италии, но и Франции и даже Пруссии. Андраши указал на огромную важность коллективного протеста также с точки зрения воздействия на южных славян, воспринявших выступление России как сигнал к борьбе за реализацию своих планов. Министры считали, что Россия не в состоянии вести сейчас войну и отступит перед лицом единодушного выступления

великих держав. Решающее значение имела позиция Пруссии. Бойст думал, что выступление России согласовано между Петербургом и Берлином, Андраши же полагал, что это спонтанный шаг России. Он утверждал, что несогласованность действий России и Пруссии в этом вопросе представляется ему вполне вероятным делом, хотя Швайниц неоднократно уверял его в обратном⁹³, а в самый день совещания даже заверил венгерского графа, что если Берлин будет поставлен перед необходимостью выбора между Россией и Австро-Венгрией, то он выберет Россию⁹⁴. На совещании было решено отклонить ноту Горчакова и присоединиться к позиции Англии. Как известно, сопротивление Австро-Венгрии ни к чему не привело, и на Лондонской конференции в начале 1871 г. ограничения в отношении России были отменены⁹⁵.

Во время этого кризиса Андраши вновь энергично поднимает боснийскую тему: по его поручению Каллаи во второй половине ноября сообщил сербскому регенту М. Блазнавацу о готовности министра дать гарантии, что после войны с Россией Австро-Венгрия сподобовала бы присоединению части Боснии к Сербии, если потребуется, то и с помощью силы⁹⁶. К энергичным действиям побуждал Андраши и неофициальный запрос Халил-бея, действительно ли Австро-Венгрия склонна на определенных условиях помочь Турции⁹⁷.

Вскоре деятельность Андраши по осуществлению своих боснийских планов достигла кульминации. В конце декабря 1870 г. он сообщил Каллаи о согласии кайзера на раздел Боснии и уполномочил консула заявить об этом — за спиной Бойста — в Белграде⁹⁸. Итогом четырехлетнего сближения стал проект договора, подготовленный одним из регентов — Й. Ристичем — в конце декабря 1870 г. Документ был полностью в духе Андраши: в мирное время в случае столкновения Сербии с Турцией Австро-Венгрия не предпримет интервенции и приложит все умения, чтобы сдержать другие державы; в случае войны Австро-Венгрии и России Сербия сохраняет доброжелательный нейтралитет, а после ее окончания получает Боснию и Герцеговину, отдав часть территории в качестве компенсации Хорватии⁹⁹. Проект не был осуществлен не в последнюю очередь из-за публикации в так называемой «Красной книге» — официальном сборнике австрийских дипломатических документов — инструкции Бойста от 23 ноября 1870 г., в которой, в связи с нотой Горчакова, подчеркивалась незыблемость status quo, установленного решением 1856 г. на Востоке¹⁰⁰. Кроме того, Ристич счел предложение Андраши слишком опасным, так как в случае поражения Австро-Венгрии в войне с Россией Сербию ожидало бы возмездие Петербурга, а

победившая империя Габсбургов могла бы просто не выполнить своих обещаний¹⁰¹.

Отказ Сербии от «данайского дара» Андраши произошел не сразу. Еще в июле 1871 г. Ристич признавал, что главный интерес, который связывает Сербию с Австро-Венгрией — это боснийское дело¹⁰². Однако в общем декабрьский проект Ристича стал не только моментом максимального сближения, но и точкой отсчета долговременного охлаждения между двумя странами. Целый ряд причин, особенно самостоятельная позиция Сербии на Лондонской конференции и «очень демонстративный», по мнению Андраши, визит князя Милана в Ливадию в 1871 г., испортили австро-сербские отношения настолько, что Андраши, уже будучи министром иностранных дел, обвинил Белград в политических грехах и заявил, что, судя по всему, Сербия не хочет дружбы Австро-Венгрии¹⁰³.

Подводя итоги, можно сказать, что цели югославянской политики Андраши были осуществлены лишь частично. Насколько эффективным было его влияние в сдерживании балканской политики Сербии, с большой определенностью судить трудно, но несомненно, что обещания венгерского премьера наряду с тактикой уступок Бойста сыграли свою роль в умиротворении Белграда и неудаче попыток антирусской кооперации христианских народов Османской империи. Другая задача — нейтрализация воздействия Сербии на решение югославянского вопроса внутри Венгрии — также была отчасти выполнена. Хотя и не столько из-за взаимных претензий сербов и хорватов на Боснию, как предполагали венгерские политики, сколько по причине недовольства хорватов как раз сербской политикой сближения с Венгрией (вызванной в первую очередь обещаниями Андраши), в действительности наступило некоторое охлаждение во взаимоотношениях двух югославянских народов, особенно после визита лидера хорватов Штроссмайера в Белград осенью 1868 г.¹⁰⁴ Не принес неприятных сюрпризов венграм и другой крайне важный для них вопрос — роспуск Военной границы. В Пеште опасались, что при неблагоприятном повороте событий Военная граница вновь, как во время революции 1848 г., может быть использована против Венгрии. В своих опасениях венгерское правительство зашло настолько далеко, что даже дало распоряжение тайно контролировать телеграфную корреспонденцию между Веней и администрацией Границы через специальных агентов на телеграфных станциях¹⁰⁵. Андраши надеялся, что с помощью Белграда ему удастся заставить граничар отвернуться от Вены¹⁰⁶.

Что же касается третьей и, безусловно, важнейшей для Андраши задачи — проведения такой югославянской политики, которая бы

содействовала достижению конечной цели — войны с Россией и отеснения ее на восток, то здесь его ждала полная неудача.

С одной стороны, причиной этому был недостаток политических средств, имевшихся в распоряжении Андраши. Еще в самом начале сербско-венгерских переговоров он обозначил путь, на котором рассчитывал добиться успеха: кайзер питает личное доверие к нему, и поэтому он в состоянии добиться цели в обход Бойста ¹⁰⁷. При всем политическом весе Венгрии в этот период и собственном влиянии на императора Андраши оставался главой лишь одной из частей двуединой империи и имел ограниченный арсенал возможностей воздействия на общую внешнюю политику. Собственно, из текста Соглашения следовало лишь то, что внешнеполитические решения должны приниматься с согласия премьер-министров обеих половин монархии ¹⁰⁸. Таким образом, и юридически, и с точки зрения реальной политической практики прерогативы Андраши оказывались достаточными скорее для негативной, разрушительной, чем для созидательной работы: венгерский премьер был в состоянии заблокировать практически любое не устраивавшее его решение, но в осуществлении своих планов был вынужден искать компромисс с имперским руководством, прежде всего с кайзером и Бойстом. Все это делало Андраши не вполне свободным в своих маневрах, с одной стороны, и не вполне надежным партнером — с другой, часто вызывая скепсис сербских контрагентов ¹⁰⁹. Кстати, именно на эту организационную слабость позиции Андраши указал Горчаков, советуя сербам не соблазняться боснийской приманкой ¹¹⁰.

С другой стороны, неудача попыток антирусского использования боснийской проблемы коренилась и в отсутствии необходимых международных условий и некоторой неадекватности их оценки Андраши. Это нашло свое выражение в явной недооценке прусско-русских отношений на этом этапе, в преувеличении готовности Англии отказаться от традиционного курса поддержки status quo на Балканах и особенно в турецкой политике Андраши. Орци писал Каллаи, что главная причина русско-турецкого сближения в 1871 г. заключается в том, что Андраши откровенно заявил Халил-бею, что единственная возможность спасения для Турции — это отказ от Боснии ¹¹¹. Возможно, что прямой нажим Андраши послужил одной из причин полной несговорчивости Турции и на Лондонской конференции.

Наконец, не способствовала успеху непоследовательность и нерешительность Андраши в боснийском вопросе, что часто критиковал Каллаи ¹¹². Многочисленные паузы, указания Каллаи временно приостановить контакты с сербскими лидерами ¹¹³ диктовались раз-

личными причинами. Особенно интенсивной политика в отношении Сербии становилась лишь в моменты обострения внутренней и международной ситуации¹¹⁴. Принципиальным соображением Андраши, по всей видимости, было то, что он хотел заключить союз с Сербией непосредственно перед столкновением с Россией, так как опасался, что «сербы против нашей воли и раньше времени» пустятся «на авантюрную политику»¹¹⁵. Так, в декабре 1870 г. Андраши отменил собственные указания, сообщив Каллаи, что в настоящий момент не следует заключать договор с Сербией, потому что война с Россией, кажется, отсрочена¹¹⁶.

Здесь не место рассуждать о том, была ли фиксированность Андраши на идее войны с Россией следствием некоторой психологической «травмы» времен Вилагоша и Крымской войны, как считает один современный исследователь¹¹⁷, но вот вывод об «образцовой роли» Андраши в становлении в 60-х годах «взвешенной политики» между Востоком и Западом¹¹⁸ анализом его деятельности в восточном, прежде всего югославянском направлении, подтвердить не удается.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об Андраши: *Wertheimer E. Graf Julius Andrássy. Sein Leben und seine Zeit. Bd. I–III.* Stuttgart, 1913; *Díószegi I. Österreich-Ungarn und der französisch-preussische Krieg 1870–1871.* Budapest, Akadémiai kiadó, 1974; *A magyar külpolitika útjai.* Bp., 1984; *Simányi T. Julius Graf Andrássy. Baumeister der Doppelmonarchie, Mitstreiter Bismarcks.* Wien, 1990; *Schmidt R. F. Die gescheiterte Allianz. Österreich-Ungarn, England und das Deutsche Reich in der Ära Andrássy (1867 bis 1878/79).* Frankfurt am Main, Bern v. a., 1992.

² *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. I. S. 17.

³ См.: *Okolicsányi A. Beiträge zur Charakteristik des Grafen Andrássy // Deutsche Revue.* 1890. № 5.

⁴ *Раденић А.* (изд.) Дневник Бенъамина Калаја 1868–1878. Београд-Нови Сад (далеко: Дневник...), 1976. С. 733.

⁵ *Waecker-Gotter an Bismarck.* Pest. 15. Mai 1869. Bonn, Politisches Archiv Auswärtiges Amtes (далеко — P. A.) R 8442.

⁶ *Waecker-Gotter an Bismarck.* Pest. 29. Januar 1870. PA. R 8442.

⁷ *Waecker-Gotter an Bismarck.* Pest. 19. April 1870. PA. R 8442.

⁸ См. о германской политике Бойста: *Lutz H. Österreich-Ungarn und die Gründung des Deutschen Reiches: Europäische Entscheidungen 1867–1871.* Fr. a/M v. a., 1979.

⁹ Werther an Bismarck. Wien. 10. December 1867; Die auswärtige Politik Preussens (APP) 1858–1871. Bd. VIII. S. 208; О политике Бойста в отношении Боснии и Герцеговины см. также: Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1865–1875. М., 1988. С. 70–71.

¹⁰ Gonda I. Bismarck és az 1867-es osztrák-magyar kiegyezés. Bp., 1960. 23–24 old.

¹¹ См. об этом: *Diószegi I. A magyar ellenzéki pártok és a közös külpolitika // A magyar külpolitika útjai.* Bp., 1984.

¹² Bray an Ludwig II. Wien. 2. Februar, Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BHStA). MA III. № 2437.

¹³ Hermann R. «A szép akasztott». Andrassy Gyula 1848–1849-es szerepéről // Hadtörténelmi közlemények. Bp., 103 évf. 1990, 4 sz. 40 old.

¹⁴ Дневник Н. Кристича. Белград. 27 мая // Политичка акција Србије у Јужнословенским покрајинама Хабсбуршке монархије 1859–1874. Београд, 1965 (далее: Политичка...). С. 187–189.

¹⁵ Там же. С. 244–245.

¹⁶ Там же. С. 248–249.

¹⁷ См. выше.

¹⁸ См. об этом: *Kos F.-J. Die Politik Österreich-Ungarns während der Orientkriege.* Köln — Wien, 1984. S. 36–52.

¹⁹ См. в этой связи обращение кн. Михаила: Политичка... С. 253.

²⁰ Историја српског народа (далее: Историја...). Београд, 1981. VII. С. 297.

²¹ Политичка... С. 252.

²² Werther an Bismarck. Wien. 27. März 1867. APP. Bd. 8. S. 517.

²³ См. об этом: *Bevrau D. Russische Orientpolitik und die Entstehung des Deutschen Kaiserreiches 1866–1870/71.* München, 1974. S. 95; Историја... С. 300; *Kos F.-J. Op. cit.* S. 56.

²⁴ См.: *Lutz H. Op. cit.* S. 73–82.

²⁵ См. предисловие А. Раденича: Дневник... С. XVI.

²⁶ *Гарашанин И.* Запись (декабрь 1867). Политичка... С. 323.

²⁷ См.: APP. Bd. 9. S. 526.

²⁸ Ibidem.

²⁹ *Lutz H. Op. cit.* S. 87.

³⁰ Историја... VII. С. 298.

³¹ Bray an Ludwig II. Wien. 20. Dezember 1869. BHStA. MA III. № 2437.

³² Rosen an Bismarck. Belgrad. 15. Januar 1868. APP 10. S. 470.

³³ Beust an Kállay. Wien. 5. April 1868. Политичка... С. 349–354.

³⁴ *Novotny A. Aussenminister Gyula Graf Andrassy d. Ä. (1823–1890) // Gestalter der Geschichte Österreichs,* Tyrolia Verlag, Innsbruck u. a. 1962. S. 468.

- ³⁵ *Орешкович А.* Меморандум (июнь 1868 ?) // Политичка... С. 356–363.
- ³⁶ Hunyady an Fürst Michael. Budapest, 16. März 1868. С. 348.
- ³⁷ *Орешкович А.* Меморандум // Политичка... С. 370.
- ³⁸ Ibidem.
- ³⁹ *Kos F.-J.* Op. cit. S. 66.
- ⁴⁰ Дневник... С. 151.
- ⁴¹ *Kos F.-J.* Op. cit. S. 61.
- ⁴² *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. I. S. 461.
- ⁴³ *Hegyedüs L.* Két Andrassy és két Tisza. Budapest, Athenaeum kiadása, 1941. 135–136 old.
- ⁴⁴ См., напр.: APP. Bd. 8. S. 348, 517, 692.
- ⁴⁵ *Орешкович А.* Меморандум // Политичка... С. 265.
- ⁴⁶ См. о турне принца Наполеона: APP. Bd. 10. S. 53, 69, 82.
- ⁴⁷ APP. Bd. 10. S. 83 (Anm.).
- ⁴⁸ Ibidem.
- ⁴⁹ *Орешкович А.* Меморандум // Политичка... С. 380.
- ⁵⁰ И. Диосеги считает, что давая этот совет, Андраши руководствовался исключительно либеральными принципами: *Diószegei I.* Die Anfänge der Orientpolitik Andrassy // Der Berliner Kongress von 1878. Die Politik der Grossmächte und die Probleme der Modernisierung in Südosteuropa in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1982. S. 252.
- ⁵¹ Дневник... С. 77–79.
- ⁵² *Ladenberg* an Bismarck. Wien, 16. September 1867. APP 9. S. 235.
- ⁵³ *Bismarck O.* Die gesammelten Werke. Berlin, 1924–1935, Bd. 6b. S. 539.
- ⁵⁴ См., напр.: APP. Bd. 9. S. 235 (Anm.).
- ⁵⁵ О позиции венгров по отношению к франко-прусской войне см.: *Gonda I.* Op. cit. 132–141 old.
- ⁵⁶ *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. I. S. 521.
- ⁵⁷ Ibid. S. 514.
- ⁵⁸ APP. Bd. 8. S. 676 (Anm.).
- ⁵⁹ *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. 2. S. 35.
- ⁶⁰ См.: *Gonda I.* Op. cit. 115–120 old.
- ⁶¹ APP. Bd. 10. S. 282 (Anm.).
- ⁶² *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. I. S. 514.
- ⁶³ Кризис, вызванный нотой Горчакова об отказе от нейтрализации Черного моря.
- ⁶⁴ *Schmidt R. F.* Op. cit. S. 44.
- ⁶⁵ Ibid. S. 45.

⁶⁶ Andrassy — Kállay. Budapest, 27. december 1868 // *Петровић Н. Светозар Милетић и народна странка. Сремски Карловци, 1968. Т. 1. С. 573.*

⁶⁷ См. о Критској конференцији: *Veugau D.* Op. cit. S. 125–139.

⁶⁸ Andrassy — Kállay. Budapest, 27. december 1868 // *Петровић... С. 573.*

⁶⁹ См.: *Kos F.-J.* Op. cit. S. 61; *Schmidt R. F.* Op. cit. S. 37. По мненију ових аутора, Андраши после 1868 г. вернуо се к боснијској идеји само у вези с војном 1870 г.

⁷⁰ См. Дневник... С. 151, 216.

⁷¹ Ibid. С. 168–170.

⁷² Ibid. С. 169.

⁷³ Ibid. С. 216.

⁷⁴ Ibid. С. 38, 57, 80.

⁷⁵ Rosen an Bismarck. Belgrad. 5. Januar 1869. APP. Bd. 10. S. 428.

⁷⁶ *Kos F.-J.* Op. cit. S. 57; APP. Bd. 10. S. 560; Дневник... С. 80, 170.

⁷⁷ Waecker-Gotter an Bismarck. Pest, 17. Juni 1869. PA. R 8442.

⁷⁸ Andrassy — Kállay. Budapest, 14. junius 1868 // *Петровић... С. 455.*

⁷⁹ Andrassy — Kállay. Budapest, 28. junius 1868 // *Петровић... С. 474.*

⁸⁰ О франко-пруској војни и односима к њој владајућих кругова Аустрије и Венгерије см.: *Lutz H.* Op. cit. : *Diószegi I.* Op. cit.

⁸¹ *Mérei Gy.* Elzász-Lotharingia Németországhoz csatolása 1870–1871-ben és a magyar közvélemény. Acta Univ. Szegediensis. Acta historica XXX (1968). 5 old.

⁸² *Wertheimer E.* Op. cit. Bd. 1. S. 521.

⁸³ Дневник... С. 317.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Ibid. С. 337.

⁸⁷ *Schmidt R. F.* Op. cit. S. 39.

⁸⁸ Schweinitz, General v. // *Denkwürdigkeiten des Botschafters.* Berlin, 1927, Bd. 1. S. 287.

⁸⁹ Дневник... С. 731–732.

⁹⁰ *Diószegi I.* Nemzet, dinasztia, külpolitika. Bp., 1979. 18 old.

⁹¹ Дневник... С. 339.

⁹² *Kónyi E.* Beust und Andrassy 1870–1871 // *Deutsche Revue*, 1890, № 4. S. 25; *Schmidt R. F.* Op. cit. S. 47–49.

⁹³ Schweinitz. Op. cit. Bd. 1. S. 251.

⁹⁴ Ibid. С. 282.

⁹⁵ *Veugau D.* Op. cit. S. 234–252.

⁹⁶ Дневник... С. 342.

⁹⁷ Ibid. С. 345.

⁹⁸ Ibid. С. 347.

⁹⁹ Ibid. С. 348–349.

¹⁰⁰ Раденич пише, что эта нота Бойста фактически дезавуировала переговоры Андраши (Ibid. С. 826).

¹⁰¹ Историја... VII. С. 358.

¹⁰² Дневник... С. 392.

¹⁰³ Ibid. С. 422.

¹⁰⁴ См. об этом: Политичка... С. 371–380, 389.

¹⁰⁵ Waecker-Gotter an Bismarck. Pest, 22. November 1869. PA. R 8442.

¹⁰⁶ Освободительная борьба... С. 136.

¹⁰⁷ Политичка... С. 248.

¹⁰⁸ Corpus juris hungarici. Magyar Törvénytár. Bp., 1896–1915. 7 köt. 335 old.

¹⁰⁹ См.: Политичка... С. 362; Дневник... С. 83.

¹¹⁰ Освободительное движение... С. 138.

¹¹¹ Дневник... С. 136.

¹¹² Ibid. С. 337.

¹¹³ Ibid. С. 38, 100.

¹¹⁴ Дневник... С. 820 (послесловие А. Раденича).

¹¹⁵ Andrásy — Kállay. Budapest, 28. junius 1868 // Петровић... С. 475.

¹¹⁶ Дневник... С. 347.

¹¹⁷ Schmidt R. P. Op. cit. S. 3.

¹¹⁸ Bencze L. Andrásy Gyula Gróf és a magyar biztonság 1860–1870 // Hadtörténelmi közlemények. 103 évf. 1990, 4 sz. 83 old.

УКРАИНСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ, ПОЛЬСКИЕ ПОМЕЩИКИ, АВСТРИЙСКИЙ И РУССКИЙ ИМПЕРАТОРЫ В ГАЛИЦИИ 1872 г.

С отменой барщины в 1848 г. крестьянский вопрос не утратил в Галиции своего первостепенного значения и на протяжении всей второй половины XIX в. оставался одним из важнейших факторов, определявших социально-политическую ситуацию в провинции. Историки не раз обращались к рассмотрению различных аспектов этой проблемы¹. В этих исследованиях показано, что в 60-е и особенно в 70-е годы, когда острота борьбы за сервитуты стала ослабевать, крестьянский вопрос приобрел новое качество — в Галиции шел ускоренный введением автономии процесс политической эмансипации крестьянства. В Восточной Галиции по мере развития национального самосознания украинцев и становления их политического движения за равноправие обострились отношения между польскими помещиками и украинским крестьянством. В этой части провинции социальные, национальные и религиозные противоречия переплетались и взаимно усиливались. Политическое самосознание крестьян еще только начинало формироваться. Они в значительной мере оставались объектом манипуляций, с одной стороны — австрийских властей, неизменно использовавших социальные и национальные конфликты для давления на польских политиков в Галиции, а с другой стороны — местной администрации и помещиков, поскольку курия мелких земельных собственников избирала в сейм самое большое число депутатов, а с введением в 1873 г. прямых выборов в рейхсрат крестьяне оказывали непосредственное влияние на состав делегации Галиции в венском парламенте.

Различные аспекты крестьянской проблемы были предметом острых дискуссий и политических столкновений в господствовавшем в Галиции консервативном лагере. В 70-е — начале 80-х годов отношение к проекту Ю. Дунаевского, предусматривавшему административное объединение помещичьего фольварка и крестьянской гмины в надежде на установление сотрудничества помещиков и крестьян в административных и хозяйственных вопросах, служило критерием размежевания группировок в сейме. В конечном счете разно-

гласия сводились к тому, могут ли помещики, благодаря некоторым уступкам, помощи в хозяйственных вопросах, в организации просвещения, преодолеть или, по крайней мере, смягчить недоверие и враждебность со стороны крестьян (так считали западногалицийские консерваторы), или единственно возможной политикой в отношениях с крестьянством является политика с позиции силы (такую позицию занимали восточногалицийские помещики, так называемые подоляки).

Что касается настроений самих крестьян, то мы знаем в общем, что они видели в помещиках своего главного противника и притеснителя, однако непросто оценить эмоциональный заряд этой враждебности, прочность определенных стереотипов в крестьянских представлениях, а от этого во многом зависели и перспективы развития политического самосознания крестьян, и их отношений с помещиками. Сложности при рассмотрении вопросов, связанных с массовым сознанием крестьянства, обусловлены в значительной мере недостатком соответствующих источников. В этой связи заслуживает внимания сохранившаяся в ЦГИА Украины во Львове переписка старост ряда поватов Восточной Галиции с Президиумом галицийского наместничества в 1872 г. (ф. 146, оп. 4, д. 3984 Президиума наместничества).

Открывается переписка донесением жешовского старосты от 12 апреля 1872 г., в котором сообщалось: «Граф Людвик Водзицкий, владелец поместий в здешнем повате, сообщил мне в прилагаемом письме о распространении среди крестьян слухов, будто бы он из-за происшедшей между ним и императором ссоры приговорен в Вене к повешению... Такая весть действительно кружит в окрестностях местечек Чуча и Небыльца, и крестьяне упорно верят в ее правдивость. Выяснить источник слухов мне не удалось. Я старался в доверительных разговорах убедить крестьян не верить этой фальшивой и вредной вести, однако сомневаюсь, чтобы мои усилия имели успех. Напуганные угрозой возвращения барщины, крестьяне подозрительно относятся к попыткам разубедить их» (л. 3–3 об.).

Это сообщение вызвало в Президиуме наместничества беспокойство, и уже 16 апреля из Львова поступило распоряжение провести в округе Небыльца полицейское расследование для выявления источника слухов и их распространителей (л. 5). 29 апреля жешовский староста доносил, что все его усилия, в том числе многочисленные допросы крестьян, не дали в этом плане успеха. Крестьяне упорно ставили следствие в тупик, ссылаясь на какого-либо незнакомого проезжего, рассказавшего им эту историю. Старосте удалось лишь выяснить, что эти вести распространялись не только в жешовском

повете, но и в соседних (л. 5). Резолюция на этом донесении (вероятно, одного из членов Президиума) требовала незамедлительно информировать о дальнейшем ходе расследования, а в Бжозов, Бубрку и Пшемышляны были посланы предписания об организации следствия и пресечении слухов (л. 9–9 об.).

Сообщения, поступающие в Президиум наместничества в течение последующих двух месяцев, показывают, что остановить распространение слухов не удалось. В мае о появлении молвы сообщали из Бжозова, Бирчи (л. 8), Чешанова (л. 11), Бубрка (л. 15), в июне из Злочова (л. 37), Самбора (л. 39), Сокаля (л. 41), Пшемышлян (л. 59), Жидачева (л. 63), Бучача (л. 68), Глогува (л. 75). Как видно из этого перечисления, слухи охватили по крайней мере 11 поватов, т. е. почти всю Восточную Галицию с украинским в массе своей крестьянством.

Содержание молвы было довольно драматическое. Согласно ей, паны добивались у императора «прежних прав», т. е. восстановления барщины, а по другой, менее распространенной версии, пытались убедить императора отказаться от намерения раздать крестьянам леса и пастбища (см., например, л. 11). Один из «панов-министров», разгневанный упорством императора, выхватил палаш, отрубил императору ухо и ранил его в руку (л. 13 об., донесение старосты из Бжозова 13 мая). Одно из интересных обстоятельств этой истории заключается в том, что роль посягавшего на жизнь императора приписывалась в каждой местности ближайшему крупному помещику: в окрестностях Жешува им был гр. Л. Водзицкий, в Бубрках и Пшемышлянах — гр. Альфред Потоцкий, в Жураве — кн. Яблоновский и гр. Ланцдороньский, а в Бучаче и Монастерисках — К. Кшечунович.

По слухам, злодей был схвачен и приговорен к смерти. В кешовском повате крестьяне говорили, будто гр. Водзицкого должны четвертовать и возить затем по деревням (л. 28), а в Пшемышлянах — что «гр. Потоцкий схвачен и терпит страшные муки, и что желающие на это посмотреть могут отправиться в Вену, для чего получают деньги и пропуск для поездки по железной дороге» (из донесения пшемышлянского старосты). Слухи о том, что всякий может бесплатно поехать в Вену посмотреть казнь, распространялись и в других поватах (л. 30, 63). В начале мая полицией был задержан некий крестьянин, делегированный в Вену более чем десятью гминами присутствовать при казни². Вместе с тем, крестьяне не считали, что опасность миновала, и были настолько встревожены, что даже у жандармов пытались выяснить, что же происходит в Вене (л. 37, донесение из Злочова).

Конечно, в действительности никаких событий, сколько-нибудь схожих с теми, о которых говорили крестьяне, не было. Однако то обстоятельство, что А. Потоцкий и Ф. Земляковский заняли министерские посты в Вене, а в 1871 г. А. Потоцкий стал премьером венского кабинета, повлияло, вероятно, на возникновение у крестьян образа императора, окруженного коварными министрами. Успехи галицийского магната в его карьере в Вене крестьяне Восточной Галиции воспринимали как угрозу своим интересам.

По слухам, разгневанный непокорностью польских панов император решил передать Галицию царю. Как доносил староста из Жешува, крестьяне ждали скорого появления российских жандармов и говорили, будто для них уже строят казармы (л. 28). Крестьяне полагали, что «под московским надзором подешевеет хлеб» (л. 13, 28). «Газета народов» и «Дзенник Польский», кратко сообщившие в мае о слухах, главное внимание уделили именно этой их стороне и целиком возлагали ответственность за распространение молвы на «московскую агентуру». Директор львовской полиции в письме в Президиум наместничества допускал возможность политической провокации (л. 45), однако полицейское расследование не выявило никаких фактов, подтверждающих это. Полиции удалось найти лишь двух бродяг, признавших в распространении ложных вестей, но и они отделались лишь двухнедельным арестом (л. 118).

Есть свидетельство, что молва послужила для крестьян и толчком к активным формам борьбы. В слухах, в частности, шла речь о том, что император запретил крестьянам наниматься к помещикам за поденную плату менее 80 центов. В результате крестьяне села Каменный Брод единодушно отказались работать на жатве у помещика кн. К. Пониньского, ссылаясь на мнимый императорский патент. Оценивая стойкость крестьян в этой забастовке, следует учесть, что дело происходило в трудный для них период перед новым уржаем, когда крестьяне, по свидетельству сообщившей об этом случае «Газеты Народовой», голодали и искали заработка³.

В донесениях старост нашел отражение тот факт, что будоражившие крестьян вести распространялись и лицами, которые не принадлежали к крестьянской среде, но постоянно жили в деревне и в силу своего положения пользовались среди крестьян заметным влиянием. Жешовский староста 29 апреля сообщал, что «гминный писарь Ян Зелиньский во время исполнения служебных обязанностей 24 апреля говорил, будто бы читал в газетах о прибытии москалей, которые установят здесь новый порядок» (л. 5 об.). В донесении старосты из Пшемышлян от 19 июня говорилось: «Униатский священник Петр Козиньский из Войчеховиц 15 мая с. г. в ходе службы

в память отмены барщины говорил собравшимся из Войцеховиц, Зедовиц и Тучного приложанам о попытках гр. Потоцкого и других панов в Вене вернуть барщину, а также о том, что граф Потоцкий ранил императора. 6 июня он не только повторил в церкви эти возмутительные вести, но и призвал собравшихся подписать протест против резолюции (о восстановлении барщины. — А. М.)» (л. 59). Таким образом, униатский священник и сельский писарь оказались враждебны помещикам и открыто способствовали распространению молвы, несомненно, рискуя при этом своим положением.

Низшие чины администрации, священники, сельские учителя — в деревне с каждым годом множилось число лиц, которые могли не только составить помещикам конкуренцию в их влиянии на крестьянство, но и придать зарождавшемуся политическому движению крестьян острую антипомещичью направленность. Этим обстоятельством и объяснялась в значительной мере настойчивость западногалицийских консерваторов в поисках путей упрочения влияния помещиков в деревне. (Разумеется, что иллюзий о возможности вполне мирного сосуществования с крестьянами они не питали — оснований для пессимизма было достаточно, особенно это касалось роли, отведенной в слухах главным сторонникам компромисса с крестьянством — Л. Водзицкому и А. Потоцкому.)

В июле 1872 г. слухи стали постепенно затихать, в результате чего было прекращено и дело № 3984. Документов о каких-либо решениях и мерах властей оно не содержит. Крестьяне верили в эти слухи, были ими сильно обеспокоены, что и послужило главной причиной их широкого распространения (вся Восточная Галиция) и устойчивости (с марта по июль 1872 г.). В молве отразилось, что даже и через сто лет после присоединения Галиции к Австрийской империи у галицийских крестьян существовал исключительно прочный миф об императоре-опекуне и защитнике от помещиков. (Укреплению этой легенды, несомненно, способствовали решительные действия Стадиона во время революции 1848 г.) В австрийских властях крестьяне Восточной Галиции видели своего союзника в конфликтах с помещиками. Не случайно крестьянские депутаты сейма требовали отмены автономии и возвращения к старому, централизованному, т. е. австрийскому, правлению. Враждебность же крестьян по отношению к помещикам проявилась в этой истории очень сильно. Память о барщине и боязнь ее возвращения оставались в начале 70-х годов, как выясняется, очень живыми и вызвали даже больше эмоций, чем насущный вопрос сервитутов. Ощущения стабильности и защищенности своего положения у крестьян не было.

Эта история представляет интерес и как эпизод длительной борьбы за умы и сердца галицийских украинцев, которую, не гнушаясь любыми средствами, вплоть до провокаций и открытых репрессий, вели между собой Вена и Петербург. В последние десятилетия XIX в. это соперничество обострилось настолько, что прежние противники — Вена и польские землевладельцы — объединились в борьбе с общим врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Grzybowski K. Galicja. 1848–1914. Kraków etc. 1959; Kieniewicz S. Adam Sapieha. Lwów, 1939; Idem. Przedmowa // Galicja w dobie autonomicznej (1850–1914). Wybór źródeł. Wrocław, 1952; Wyka K. «Teka Stańczyka» na tle historii Galicji w latach 1849–1869. Wrocław, 1959; Кравець М. М. Селянство Східної Галичини і Північної Буковини у другій половині XIX ст. Львів, 1964; *Himka J.-P. Hope in the Tzar: Displaced Naive Monarchism Among the Ukrainian Peasants of the Habsburg Empire // Russian History. 1980. Vol. 7. Pts. 1–2.**

² *Dziennik Polski. 1872. 13. V.*

³ *Gazeta Narodowa. 1872. 18. VII.*

ОБРАЗ СОЦИАЛИЗМА В МАССОВОМ И ЭЛИТАРНОМ СОЗНАНИИ

**(об особенностях социально-политических
представлений венгерских рабочих
и демократической интеллигенции
на рубеже XIX–XX вв.)**

Методологический аспект исследования социального и политического сознания больших общественных групп связан с выбором определенного когнитивного типа социально-политических представлений. Опыт их классификации позволяет вычлнить мифологический, стихийно-рациональный, рефлексивный и инертно-фаталистический типы¹. Характерным признаком мифологического типа является определяющая роль социальных стереотипов, а также личных впечатлений, изолированных элементов собственного опыта. Мифологический тип открыт для идеологий, ключевым моментом которых служит понятие врага, подлежащего устранению. К этому ряду идеологических учений и социальных пророчеств некоторые исследователи относят марксистскую социалистическую доктрину. Так, М. Элиаде считает, что Маркс «заимствует и развивает один из самых великих эсхатологических мифов азиатско-средиземноморского региона, а именно: искупительную роль Иисуса Христа („избранник“, „помазанник“, „невинный“, „посланец“; сравните в наши дни — пролетариат), чьи страдания были призваны изменить онтологический статус мира». Свое утверждение Элиаде аргументирует указанием на то, что «бесклассовое общество Маркса и постепенное исчезновение исторических антагонизмов точно повторяет миф о Золотом Веке, который, согласно многим традиционным верованиям, знаменует начало и конец истории. Маркс обогатил этот древний миф всей мессианской идеологией иудео-христианства: с одной стороны, это роль проповедника, приписываемая пролетариату, и его избавительная миссия, с другой — последняя борьба Добра и Зла, в которой без труда узнается апокалиптический конфликт Христа с Антихристом, и окончательная победа Добра»².

Анализ конкретного исторического материала показывает, что в сознании венгерских рабочих установление социализма как высшей

формы всечеловеческого счастья имело сакральную окраску, ассоциируясь с актом «нового рождения» самих себя и всего общества. Такое мироощущение свойственно, как отмечают социальные психологи, людям и группам, испытывающим не только информационные дефициты разного вида, но и достаточно острое ощущение социальной или личной обделенности.

Экспериментальные данные свидетельствуют, что люди не просто механически усваивают те или иные положения идеологической доктрины, но и осмысливают их в соответствии со своими собственными предпочтениями, симпатиями и антипатиями к конкретным явлениям общественно-политической жизни. Такой способ познания лежит в основе стихийно-рационального типа социально-политических представлений. Стихийный рационализм в процессе своего «роста» сокращает сферу влияния мифологических стереотипов в той степени, в какой он впитывает научные социальные знания, проникающие в массовое сознание.

Мифологический и стихийно-рациональный типы социально-политических представлений предполагают известную познавательную активность субъекта. Однако эти объяснительные конструкции недостаточны для описания ментальных установок тех групп рабочих, в этосе которых преобладало равнодушие к сфере познания. Для мира их представлений, классифицируемого как инертно-фаталистический тип, существенным является восприятие окружающих реалий в качестве сил и процессов, не поддающихся ни пониманию, ни контролю индивида и его социальной группы. Их мнения о событиях, «оценки» политико-идеологических доктрин случайны и изменчивы, зависят от тех сведений и интерпретаций, которые в последний момент поступили к ним из доступных источников информации, посредством «чужих мнений» или стереотипов, распространенных в их социальной среде.

Изучение социально-политических взглядов интеллектуальной элиты из среды рабочих и демократической интеллигенции высвечивает ряд общих признаков их культуры мышления. Выраженный интерес к общественно-политической жизни, стремление сконструировать логически взаимосвязанную и обоснованную «картину мира» — такова социально-психологическая основа рефлексивного типа социально-политических представлений. Отличительная черта этого типа — «многополюсность» представлений, как бы подчиненных какой-то одной «главной» идее. Социальными психологами и политологами замечено, что более интеллектуальные и образованные люди активно используют в своих размышлениях идеологический материал, из которого они черпают готовые, логически органи-

зованные системы представлений. Последнее обстоятельство сопряжено с риском догматизации теоретических построений. Но рефлексивное познание способно к преодолению этой опасности. Здесь многое зависит, как полагает Г. Г. Дилигенский, от творческой силы и самостоятельности индивидуального интеллекта, а также от качества тех идеологий, на которые ориентируется познающий субъект (мера открытости, способность осваивать новый опыт, учитывать и совмещать различные точки зрения по конкретным проблемам) ³.

Изложенные выше методологические подходы использованы нами в историко-типологическом анализе процесса восприятия венгерскими рабочими и демократической интеллигенцией социалистических идей.

Характер и особенности представлений о социализме, получивших распространение в венгерском обществе в 90-е годы XIX в., объективно обуславливались протекавшими в этот период процессами классового структурирования промышленного пролетариата и социал-демократизации рабочего движения Венгрии. Типичным для предпринимательских кругов, и в особенности для владельцев малых и средних предприятий, было вульгарное отождествление социализма с позицией отдельных рабочих во время трудовых конфликтов. В газетных корреспонденциях с предприятий нередко приводились факты, когда рабочих, осмеливавшихся уличить хозяина или мастера в махинациях с зарплатой, увольняли как «социалистов» ⁴. Подобный образ социалиста и «характеристика» его идейных убеждений закреплялись в сознании не только владельцев предприятий и управленческого персонала, но, по всей вероятности, и части рабочих, отражая прежде всего их личный жизненный опыт и обыденные знания об экономических отношениях и социокультурной ценности труда. Вопрос о критериях вознаграждения за труд в конце XIX в., надо заметить, «перерос» рамки локальных трудовых конфликтов, став в Европе дискуссионной научной проблемой и предметом острых политико-идеологических споров ⁵.

Венгерские реалии 90-х годов XIX в., и в частности актуализация «рабочего вопроса», «аграрно-социалистические» волнения, сообщали сильный импульс узкоэкономической трактовке понятия «социализм». Значительный поток мигрантов, устремившихся в Будапешт из аграрных комитатов Бекеш, Чанад, Арад, охваченных волнениями крестьян и сельскохозяйственных рабочих, составляя резерв пополнения промышленного пролетариата, был той общественной средой, в которой социализм воспринимался главным образом как движение трудящихся за улучшение своего материального

положения⁶. Такое понимание социализма не противоречило, но, напротив, корреспондировало с социальными представлениями большинства рабочих, мысленно строивших свои отношения с предпринимателями и управленческим персоналом в рамках модели «конфликтного сотрудничества».

В то же время в сфере отношений между рабочими и промышленниками усиливалась конфронтационная тенденция, заметным выражением которой стало нарастание стачечной волны. В государственной политике второй половины 90-х годов возобладал репрессивный курс правительства Д. Банфи, рассчитанный на нейтрализацию радикального крыла Социал-демократической партии Венгрии. В этих условиях социализм воспринимался и массовым сознанием, и властями предерживавшимися как некая разрушительная сила. В таком смысле можно понять слова одного из рабочих лидеров, вспоминая, что в 90-е годы не чувствовалось «облагораживающего влияния социалистических идей на рабочих»⁷. Ключевыми понятиями и лозунгами, выражавшими отношение разных общественных сил к социализму как к некоему мифическому явлению, были слова «насилие», «классовое господство», лозунг «Долой!» и т. д.⁸. В массовом сознании рабочих, психологически ломавших стену индифферентного, квиетистского отношения к окружающей действительности, социализм предстал в целом как отрицание, антитеза капитализма.

Приобщение грамотных рабочих к социалистическим идеям, как правило, начиналось не с книжных знаний, хотя, как об этом свидетельствуют отчеты будапештской полиции, агитационно-пропагандистская литература о социализме имела широкое хождение в рабочих кружках⁹. Интерес к социализму как учению и общественному движению рождался у рабочих, что называется, стихийно, под влиянием живого примера. Психологическая сила страстных речей, личный авторитет пропагандиста-агитатора, его суггестивные способности оказывали заметное воздействие на эмоционально-образную сферу сознания рабочих. Среди агитаторов 90-х годов преобладали рабочие и представители интеллигенции невенгерской национальности, переселившиеся в Будапешт из Вены или из-за границы, где они прошли «школу» идейно-политического воспитания. От них, как это можно судить по мемуарным источникам, неопитам социализма передавались тяга к политическим знаниям и интерес к социалистической литературе¹⁰.

Типичный путь рабочего к социализму описан в воспоминаниях Якаба Вельтнера, ставшего в начале XX в. одним из лидеров венгерской социал-демократии. Начав в 90-е годы свою общественную

деятельность в качестве секретаря самообразовательного кружка столяров, Вельтнер был тогда охвачен национально-патриотическими настроениями. В то же время атмосфера показной гармонии интересов, царившая в союзе столяров, возглавляемом Эндре Теком, крупным промышленником, противником социальных реформ, вызвала в душе Вельтнера растущее чувство антипатии. Самосознание молодого рабочего получило в своем развитии неожиданный импульс, когда Вельтнер, следуя традициям обученных рабочих, уехал за границу повышать квалификацию. Находясь в Вене в период раз-вернувшегося там движения австрийских рабочих за всеобщее избирательное право, пережив невзгоды безработицы, он, «пусть еще чувствами», стал социалистом. Созвучным его изменившимся духовным запросам оказался образ нового мира, описание которого он нашел в прочитанной книге А. Бебеля «Женщина и социализм»¹¹. В представлениях Вельтнера, типичного рабочего-интеллигента, социализм выступал как более сбалансированное экономическое устройство общества, истолковывался как синоним социальной гармонии.

Другое интересное свидетельство стихийно-рационального восприятия социалистических идей содержится в воспоминаниях Мано Бухингера, рабочего-переплетчика, впоследствии также выдвинувшегося в руководящую элиту венгерской социал-демократии. В 90-е годы в его сознании социалистические представления складывались под влиянием сильного впечатления, полученного от рассказов знакомых рабочих. В одном из них, вернувшись из Германии, Бухингер и его товарищи «увидели подлинного пророка». Одна из первых книг о социализме, прочитанных им в те годы, — роман американского социалиста-утописта Э. Беллами «Взгляд из 2000 года». Яркий след в жизни Бухингера оставил старый рабочий-анархист, научивший его по-особому читать газетные статьи, «находя в них нужные места»¹². Стихийно складывавшийся интерес к социализму был, можно сказать, двояким. Во-первых, он касался самих социалистов, которых в 90-е годы еще редко можно было встретить в рабочей среде, но о них в обществе упорно отзывались как о «подстрекателях». Во-вторых, этот интерес был психологическим выражением того дефицита знаний, который испытывали грамотные рабочие, стремившиеся посредством социалистических идей обрести надежные ориентиры в окружающей их действительности. Конечно, Бухингер, как и многие другие грамотные рабочие, не разбирался в нюансах социалистической доктрины. Она вошла в его сознание как целостный образ. И хотя в его воспоминаниях нет прямых на то указаний, можно все же с достаточным основанием предположить,

что образ социализма ассоциировался в его представлениях с идеей коллективизма. Показателен в этой связи такой факт. С чувством нескрываемой антипатии Бухингер вспоминал, как официальная пропаганда в начале XX в. «прививала» рабочим индивидуалистское сознание, внушая им мысль, что лучше довольствоваться малым состоянием, но своим («Klein, aber mein») ¹³.

По-разному воспринималась рабочими печатная социалистическая пропаганда. Для основной массы венгерских рабочих, имевших за плечами 3–4 класса начальной школы, препятствием на пути аналитического осмысления социалистических идей выступала свойственная их мышлению традиционалистская народно-религиозная логическая культура. Это обстоятельство учитывала в конце XIX в. социал-демократическая пропаганда, преподносившая основные положения социалистической доктрины в привычной для восприятия рядового рабочего форме катехизиса ¹⁴. В массовой пропагандистской литературе того времени нередко можно встретить уподобление социализма новой религии, которая-де «воплотит в жизнь учение Иисуса Христа» ¹⁵.

Изучение социалистических доктрин по первоисточникам, доступное рабочим-интеллигентам, было, тем не менее, сопряжено с немалыми трудностями. Осуществляя в 90-е годы публикацию на венгерском языке программного документа марксистского социализма — «Манифеста Коммунистической партии», руководство СДПВ считало целесообразным снабдить издание постраничными комментариями ¹⁶. В начале XX в. рабочее просвещение охватило значительное число слушателей курсов, организованных руководством СДПВ, советами профсоюзов, Венгерским обществом социальных наук. Свободная школа общественных наук, действовавшая в 1906–1913 гг., ставила своей задачей интеллектуальную подготовку рабочей элиты. Примечательно, однако, что и в этой сравнительно подготовленной среде слушателей популярной формой занятий, развивавшей аналитические способности рабочих, было чтение политико-идеологических документов, литературно-художественных произведений ¹⁷.

До конца 90-х годов XIX в. социалистическое учение соединялось в массовом сознании рабочих с двумя именами — Лассаля и Маркса. О лично-эмоциональной окраске социалистических представлений рабочих может свидетельствовать такой факт. Вечера памяти Ф. Лассаля собирали аудитории, по численности заметно превышавшие мемориальные собрания, устраиваемые в годовщину смерти К. Маркса ¹⁸. Популярность Лассаля, устойчиво державшаяся и после его смерти, нельзя объяснить одной лишь данью

традиции. «Лассалевский миф», сопряженный в сознании рабочих с чувством восхищения легендарной личностью социалиста, породил особое эмоционально-психологическое состояние, которое, по определению Г. Лебона, составляло глубинную основу веры в социалистический идеал¹⁹. Часто приводимые в социал-демократической и профсоюзной печати «максимы» немецкого социалиста («Рабочие должны полагаться на себя», «Рабочим необходимо добиваться, используя действующее законодательство, расширения своих социальных и политических прав и объединяться в самостоятельные организации» и т. д.)²⁰ отражали исторически обусловленные особенности социально-классового сознания промышленных рабочих Венгрии. В рамках понимания ими общности своих социально-групповых интересов представления о товариществе ассоциировались с идеалом социализма.

На рубеже двух веков, когда социализм выступал в представлениях рабочих как еще отдаленная перспектива кардинальной перестройки общества, пропаганда социалистического идеала сводилась к описаниям будущего общества, заимствованным из работ зарубежных социал-демократов — В. Либкнехта, А. Бебеля, К. Каутского, П. Лафарга и др. Среди венгерских социал-демократов только Эрвин Сабо уделял в своей политической публицистике много внимания размышлениям о грядущем общественном строе²¹. Социалистическое общество изображалось как мир абсолютной гармонии и свободы, где отсутствуют противоречия и антагонизмы. Человек эпохи социализма, в противоположность современному, выглядел соединением физической и духовной силы и красоты, лишенным недостатков и слабостей, воплощением некоего «высшего психологического типа человека»²².

Превалирование в пропаганде общественного идеала утопических элементов социалистической доктрины связано, во-первых, с тем, что идеал социализма, по всей вероятности, ассоциировался с социальным равновесием и стабильностью, которых заметно недоставало венгерской действительности начала XX в. Во-вторых, венгерская общественная мысль, в том числе социал-демократическая, в начале XX в. только приступала к углубленному научному анализу особенностей современного этапа в историческом развитии страны, что не могло не сказаться на соотношении утопического и научно-реалистического в видении перспектив эволюции венгерского общества.

Идеальный образ социализма, выполняя в психологическом плане компенсаторную функцию, имел вместе с тем в начале XX в. реально осязаемую «ипостась». На фоне динамичной промышленной

модернизации венгерского общества и формирования индустриального рабочего класса в развитии венгерского социалистического движения завершался процесс социал-демократизации его наиболее влиятельного направления. В массовых социально-политических представлениях рабочих доминировал мотив уравнивания их в правах с другими социально-классовыми группами. Движение к социализму мыслилось теперь на путях правового государства, формирование которого, в свою очередь, связывалось в политических документах Социал-демократической партии Венгрии с введением всеобщего избирательного права²³. Формула «социализм через всеобщее избирательное право» становится своего рода «альфой и омегой» социал-демократической пропаганды. Доходившая нередко до фетишизации агитация в пользу всеобщего избирательного права своеобразно преломлялась в массовом сознании рабочих. Их собственный социально-политический опыт в сочетании с явной предрасположенностью мышления к восприятию истины в виде кратких и доходчивых тезисов (без опосредующих логических звеньев) способствовал тому, что в представлениях рабочих идеи социализма находили свое воплощение в лозунге всеобщего избирательного права. В нем они видели, по выражению левого социал-демократа Дьюлы Мере, «волшебное средство» для решения социальных проблем²⁴.

Анализ типичных проявлений «социалистического сознания» венгерских рабочих указывает на тесное переплетение в нем характерных черт мифологического и стихийно-рационального восприятия реальной действительности и общественного идеала. Динамика взаимодействия социально-политических представлений такова, что преобладание мифологического типа восприятия в массовом сознании 90-х годов XIX в. сменяется в первое десятилетие XX в. «экспансией» стихийно-рациональных представлений о социализме при сохранении, однако, когнитивного пространства для воспроизводства мифологизированных взглядов на будущее общество.

Проблема рецепции социалистических идей в сознании руководящей элиты венгерской социал-демократической партии обстоятельно рассмотрена нами в другой статье²⁵. Представляется уместным раскрыть конкретно-историческую форму рефлекторного типа социально-политических представлений, обратившись к феномену венгерского радикализма, весьма своеобразно преломившего в своей идеологии социалистическую доктрину.

На заре XX столетия помыслы второго поколения венгерских реформаторов были обращены на Запад. Модернизация венгерского общества виделась на пути, проложенном английской, французской

и североамериканской демократиями. Мировоззренческие и социально-политические установки радикально настроенной венгерской интеллигенции наиболее зримо прослеживаются в научно-публицистической и политико-практической деятельности Оскара Яси. Объединившись в 1900 г. вокруг журнала «Двадцатый век», венгерские «младореформаторы» были преисполнены решимости разработать политическую философию, исходя из принципов научной социологии. Яси следующим образом сформулировал мировоззренческую парадигму их идеологической доктрины: «Стремление, инициатива и действия отдельной личности, добровольных объединений в гораздо большей степени способствуют развитию социального организма, чем действия, совершаемые вследствие принуждения со стороны государства»²⁶. Приоритет личности, гражданского общества над государством — на таких началах мыслилось обновление венгерской политической системы. Важнейшими составляющими формируемой радикально-демократической идеологии должны были стать, согласно представлениям Яси, программа демократизации национальных отношений в Венгрии и концепция социализма²⁷.

Кризис эволюционистской социальной философии позитивизма в первое десятилетие XX в., когда европейское общество вновь стало конфликтным, «приблизил», по выражению Яси, радикалов к марксизму: «Экономические ценности и положения о классовой борьбе — вот что занимало нас в первую очередь... Мы не сомневались в том, что победоносный социализм, вдохнув в нас разум, в самое короткое время вызовет нас из пучины феодализма и присоединит к братскому союзу цивилизованных, культурных и свободных народов, строящих свою экономику на коммунистических началах»²⁸. В лозунгах пролетарского интернационализма Яси видел наиболее последовательное в современных ему условиях выражение демократической национальной идеи. «Подлинно национальными политиками на Западе, — считал он, — являются вожди социализма (А. Бебель, Ж. Жорес): их интернационализм направлен на обеспечение условий для мирного и беспрепятственного культурного развития своих наций. Социалисты подхватили сегодня из рук либерализма национальное знамя»²⁹.

Коллективистский идеал социализма, воспринятый Яси с самого начала как социокультурная ценность, не мог еще, по его расчетам, стать непосредственным политическим лозунгом. В этом его убеждал социально-политический опыт не только Венгрии, но и Западной Европы, где «даже наиболее развитый пролетариат пока не готов к воплощению в жизнь коллективистских принципов»³⁰.

Дальнейшая эволюция представлений Яси о социализме связана с его попыткой раздогматизации марксизма посредством реформирования социалистической идеологии в некое интегральное мировоззрение широкого союза работников физического и умственного труда. «Нужно порвать с догмами Эрфуртской программы (Социал-демократической партии Германии. — А. А.), — писал он Эрвину Сабо 16 октября 1904 г., — и объединить вокруг социалистической идеи все прогрессивные слои общества. Социализм ныне перестал быть исключительно движением голодающих народных масс. Он стал культурной проблемой нашего времени»³¹. Конкретизируя эту мысль, Яси предлагал «отбросить устаревшие немецкие догмы и вместо комедии о катастрофе капитализма ввести в программу обновленной социалистической партии Венгрии идею реформ, терпеливо шаг за шагом проводя работу по совершенствованию юридической системы, изменению форм собственности и росту общей культуры населения. В то же время нельзя ни на йоту жертвовать светлым идеалом будущего общества, потому что только он может дать размах движению»³². Яси не преминул в этой связи дистанцироваться от знаменитой бернштейновской формулы социалистической цели и движения, подчеркнув, что «только умное, планомерное, осмотрительное движение и может привести к конечной цели»³³.

Широкое реформаторское движение «интегрального социализма» могло сложиться, полагал Яси, под общими патриотическими лозунгами, которые привлекли бы в этот блок интеллектуальную элиту общества. Яси был далек при этом от «бессмыслицы национального социализма». Он воспринимал патриотическую идею не в имперском, державном смысле, а в духе национально-демократических традиций 1848 г. и деаковского закона 1868 г. о равноправии наций³⁴.

Масштабный замысел Яси и других представителей венгерского радикализма, видевших в социализме широкое идейно-мировоззренческое течение эпохи, сопоставимое с Возрождением, Реформацией, Просвещением, оказался на практике безрезультатным начинанием. В письме к Сабо, отправленном весной 1905 г. из Парижа, где он испытал на себе непосредственное воздействие французского социалистического движения, Яси признал, что «социализм должен оставаться по сути рабочим и революционным движением»³⁵.

Комплексное исследование экономических, политических и социально-культурных проблем развития Венгрии, предпринятое Яси вместе с коллегами в рамках обширной программы Общества социальных наук, содействовало эволюции идеологической концепции Яси в сторону большей реалистичности. Ближайшая насущная за-

дача, как ее определил Яси, — «не строить социализм, а заложить основы венгерского правового государства на базе промышленного капитализма. В стране, где доля индустриального капитализма незначительна, социализм тем более не может быть ни единственным, ни самым важным фактором развития»³⁶. Обобществление производства, государственное снабжение ресурсами и готовыми товарами представлялись ему неэффективными мерами по преобразованию социально-экономической структуры общества³⁷.

Анализ идеологии венгерского радикализма и, в частности, восприятия его представителями социалистической доктрины, показывает, что венгерские радикалы, нащупав реальную проблему консолидации демократических сил в многонациональной стране, пытались найти общий идейный знаменатель самых различных жизненных устремлений. Обращение к социалистическому учению не было данью моде или минутным увлечением. Предвидя упреки оппонентов в политической наивности или, наоборот, в авантюризме, радикалы тем не менее намеревались строить свою политику, исходя не из помыслов узкой элиты, а из императивов «коллективных потребностей венгерского общества». «Судьба будущего, — смело предсказывал Яси, — в руках не вождей, а масс с пробужденным сознанием»³⁸.

Разгадка феномена венгерского радикализма требует также учета личностно-субъективного фактора. Оскар Яси и его единомышленники, будучи типичными представителями трудовой интеллигенции, так называемого «латинского пролетариата», оставались сторонниками либеральной идеологии индивидуализма, дополненной, однако, в новую историческую эпоху под влиянием социалистических идей принципами межнациональной и межсоциальной солидарности при уважении и соблюдении суверенных прав личности.

За идейно-мировоззренческими исканиями венгерских радикалов, их революционно-реформаторскими проектами просматриваются лозунги и программы антимилитаристских и антиолигархических революций 1918 г. в Австро-Венгрии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 48-55.

² Эляде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 128.

³ Дилигенский Г. Г. Указ. соч. С. 54.

⁴ См., например: *Műhelyekből // Népszava*, 1894. augusztus 10., 31.; *Hegedűs L. Beküldetett // Népszava*, 1898. február 26.

⁵ *Зиммель Г. Философия труда. Киев-Харьков, 1900. С. 56–59; Галкина Л. А. О воздействии марксизма на социалистическую мысль в Англии конца XIX в. // Социальные движения и борьба идей. М., 1982. С. 243.*

⁶ *A magyar munkásmozgalom történetének válogatott dokumentumai (MMTVD). 2. köt. Bp., 1954. 197, 249–255. old. По воспоминаниям Я. Вельтнера, в 90-е годы XIX в. массы сельскохозяйственных рабочих вступали в ряды СДПВ (Weltner J. Milliók egy miatt. Bp., 1927. 80. old.).*

⁷ *Propper S. Inasélet — kutyaelet // Tanúságtevők. 1868–1905. Bp., 1974. 142. old.*

⁸ *Gyűlési tudósítások // Népszava*, 1892. október 14.; *A budapesti fő-és székvárosi állami rendőrség működése 1894. évben. Bp., 1895. 137–138. old.; A budapesti fő-és székvárosi állami rendőrség 1895. évi működése. Bp., 1896. 65. old.*

⁹ *Budapest Fővárosi levéltára. VI.1.o. Rőpiratok. 27, 367, 396, 697, 765, 955, 1262, 1599/1898; A budapesti fő-és székvárosi... rendőrség... 1896... Bp., 1897. 224. old.; A budapesti... rendőrség... 1897... Bp., 1898. 521–523. old.*

¹⁰ *Baron E. Életem // Tanúságtevők. 1868–1905. Bp., 1974. 131–132. old.; Barsi I. Életem // Tanúságtevők. 1868–1905. 250. old.; Buchinger M. Küzdelem a szocializmusért. 1. köt. Bp., 1946. 28, 33. old.; Propper S. Op. cit. 147. old.; Weltner J. Op. cit. 53. old. Можно сослаться на донесения полицейских осведомителей, из которых явствует, что, к примеру, 200 членов Будапештского рабочего самообразовательного кружка с одобрением встретили лекцию Яноша Прокла о социализме (Budapest Fővárosi levéltára. VI.1.o. Rendőrfőkapitánysági iratok (elnöki rezervált): Budapesti munkásképző egyesület, 375/1891. 3.1).*

¹¹ *Weltner J. Op. cit. 40, 41, 47–49. old.*

¹² *Buchinger M. Op. cit. 26–55. old. Созвучны представлениям Бухингера о социалистах — «пророках» высказывания Э. Гарамии о социал-демократических пропагандистах, которые, по его мнению, в 90-е годы XIX в. должны были быть не только «учителями, но и апостолами» (Garami E. Előszó // Kondor B. Agitátor-élmények. Wien-Leipzig, 1923. 7. old.).*

¹³ *Buchinger M. Op. cit. 54. old.*

¹⁴ *A szociáldemokrácia kátéja. Bp., 1895; Mezőfi V. A szociáldemokrácia evangéliuma kérdésekben és feleletekben. 3. kiad. Bp., 1907 (первое издание вышло в 1894 г.).*

¹⁵ *Dr. Arató Emil. Emlékek a lugosi munkásmozgalom történetéből // Tanúságtevők. 1905–1918. Bp., 1976. 250. old.*

¹⁶ *Vincze E. (Hrsz.) Briefwechsel zwischen Fridrich Engels und den ungarlandischen Sozialdemokraten (1890–1895). Bp., 1970. S. 350.*

¹⁷ *A Társadalomtudományok Szabad Iskolája munkástanfolyamainak terve // Huszadik Század, 1906 július-december. 424–426. old.*

¹⁸ A budapesti fő-és székvárosi állami rendőrség... 1895.... 92. old.; Ibid... 1898... Bp., 1899. 267. old.; Jelentés a budapesti... rendőrség 1899... működéséről. Bp., 1900. 313. old.; Jelentés... 1900... Bp., 1901. 299. old.

¹⁹ Лебон Г. Психология социализма. СПб., 1908. С. 374.

²⁰ См., например: Schwartz A. Lassale Ferdinand // Vas-és Fémmunkások Szaklapja, 1898. augusztus 18.

²¹ См.: Айранетов А. Г. Эрвин Сабо. М., 1984. С. 37–44.

²² Népszava-Naptár. 1903. Bp., 1902. 68. old.; Merő Gy. A vörös város // A Népszava Naptára 1905. évre. Bp., 1904. 69–70. old.

²³ Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1906–1914. М., 1972. Гл. II, III, V, VI; Erényi T. Sozialdemokratie und Wahlrecht in Ungarn am Anfang des 20. Jahrhunderts // Etudes historiques hongroises. 1985. Vol. 1. Bp., 1985.

²⁴ Merő Gy. Harcunk a választójogért (1906) // MMTVD. 3. köt. Bp., 1955. 489. old.

²⁵ Айранетов А. Г. Венгерская социалистическая мысль на рубеже XIX–XX вв.: между теоретическим поиском и идеологическими догмами (в печати).

²⁶ Ясу О. Научная публицистика // Избранные произведения передовых венгерских мыслителей. М., 1984. С. 135.

²⁷ О национальной программе радикалов см.: Айранетов А. Г. Буржуазно-радикальная и социал-демократическая концепции национального вопроса в Венгрии начала XX в. // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991.

²⁸ Ясу О. Десять лет // Избранные произведения. С. 148–149.

²⁹ Jászi Oszkár publicisztikája. Válogatás. Bp., 1982. 54–55, 60. old.

³⁰ Цит. по: Hantó Zs. Jászi Oszkár és Szabó Ervin vitája a tudomány és politika viszonyáról. Pécs, 1976. 21. old.

³¹ Szabó Ervin levelezése. 1. köt. Bp., 1977. 577. old.

³² Цит. по: Hantó Zs. Op. cit. Melléklet. 10–11. old.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid. 2–8. old.

³⁵ Szabó Ervin levelezése. 2. köt. Bp., 1978. 105. old.

³⁶ Ясу О. Десять лет. С. 151.

³⁷ Jászi O. A kapitalista társadalom felbomlása. Bp., 1911. 14–15. old.

³⁸ Jászi Oszkár publicisztikája... 236. old.

*Гергё Чех, Дьёрдь Лазар,
Ласло Сюч, Иштван Вида
(Венгрия)*

ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗНОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ ПО ВЕНГРИИ (1945–1947 гг.)

Согласно подписанному 20 января 1945 г. соглашению о перемирии Венгрия находилась под международным контролем до 15 сентября 1947 г., до вступления в силу мирного договора с ней. Это общеизвестно. Однако до 1989 г., когда произошла смена политической системы в Венгрии, изучение деятельности Союзной Контрольной Комиссии (далее — СКК), главным образом по политическим причинам, относилось к числу запрещенных, табуированных тем. И после того как были сняты политические ограничения, отсутствие доступа к необходимым документам, в частности из российских архивов, продолжало вплоть до самого последнего времени создавать препятствия изучению работы СКК.

Организация СКК в Венгрии завершилась в феврале — апреле 1945 г. Председателем СКК был маршал К. Е. Ворошилов, который 2 февраля 1945 г. прибыл в Дебрецен, где в то время располагалось Временное национальное правительство. Он находился в Венгрии с перерывами до февраля 1946 г., хотя формально свой пост сохранял до ликвидации СКК. Ворошилов симпатизировал Венгрии и старался представлять ее интересы в Москве, хотя и не всегда успешно. Его заместитель и преемник генерал В. П. Свиридов был более непреклонным, хотя и не осмеливался без одобрения Ворошилова что-либо решать, а это замедляло работу СКК. Советский политический уполномоченный в СКК Г. М. Пушкин, ставший затем послом СССР в Венгрии, не был популярен в будапештских политических кругах, но, в общем, дела решал благожелательно. В аппарате СКК существовало семь отделов, возглавляемых советскими офицерами высокого ранга. На периферии, во всех комитатах были созданы местные представительства СКК, которыми руководили офицеры более низкого звания. Советские представители были назначены в

государственные учреждения, банки, на частные предприятия, на радио, в телеграфное агентство и т. д.

В течение февраля 1945 г. в Дебрецен прибыли также английская и американская миссии. Английской военной делегацией руководил генерал О. П. Эджамб — пожилой профессиональный военный. Во главе политической миссии стоял О. Гэскойн — консервативный, не симпатизировавший демократическим преобразованиям в Венгрии дипломат. Позднее, в начале пятидесятых годов, он стал английским послом в Москве. Его преемник, А. Хелм, был дипломатом более либерального образа мыслей, стоявшим на позициях, близких английской лейбористской партии. Главы американской военной миссии генерал-лейтенант У. Кей, а затем — генерал Дж. Уимс не были значительными фигурами. Политический уполномоченный А. Шёнфелд, позднее ставший американским послом в Будапеште, как сторонник Рузвельта был также и сторонником сотрудничества с Советским Союзом. Он сыграл определенную роль в том, что отношения между советской и американской миссиями не были столь плохими, как, например, в Болгарии или в Румынии. Чехословакию в СКК представлял дипломат Д. Крно, Югославию — военный в ранге полковника.

О численности сотрудников СКК нет достоверных данных. К 1946—1947 гг. она достигала тысячи — тысячи двуксот человек, а с обслуживающим персоналом могло быть и тысяча пятьсот — тысяча шестьсот человек. То есть численность сотрудников СКК в Венгрии превосходила в три раза численность сотрудников Контрольных Комиссий в Финляндии и в два раза — в Румынии и Болгарии. Больше всего сотрудников состояло в советской миссии (здесь могло быть шестьсот-восемьсот человек), в американской было около ста двадцати — ста тридцати человек, англичан было несколько меньше, чехословацкая делегация насчитывала приблизительно девяносто человек.

Соглашение о перемирии возложило финансирование деятельности СКК на венгерское правительство. В апреле 1945 г. СКК вместе с венгерским правительством переехала из Дебрецена в Будапешт. Венгерским органам следовало заботиться о жилье, полном обеспечении, отдыхе (в том числе — о содержании клубов отдельных миссий) членов СКК. Международный орган оказался «дорогим» гостем. Если с апреля 1945 г. по январь 1946 г. расходы по содержанию СКК составили 1,1 млн долларов, то в результате последующего скачкообразного роста расходов эта сумма с августа 1946 г. по сентябрь 1947 г. достигла 6 млн долларов, т. е. 1,5 % тогдашнего годового бюджета. В превышении расходов играли свою роль завышен-

ные претензии отдельных миссий. Согласно докладу венгерской стороны от 1946 г., «был такой месяц, когда прикомандированная к СКК чехословацкая делегация потребовала наряду с различными продовольственными товарами тринадцать тысяч бутылок спиртных напитков. Поскольку чехословацкая делегация в это время состояла приблизительно из девяноста человек, то это означало, что каждый член делегации должен был в месяц выпить сто сорок — сто пятьдесят бутылок спиртных напитков». Советские должностные лица в СКК время от времени пытались ограничивать перерасход, но их усилия не приводили к прочному успеху.

По соглашению между великими державами, задачей СКК было урегулирование и контролирование выполнения и соблюдения соглашения о перемирии. В первый период деятельности СКК, т. е. до завершения войны с Германией, представители Англии и США могли принимать участие в ее работе лишь в качестве наблюдателей, и советский председатель СКК (или его заместитель) не был обязан консультироваться с ними. Миссии этих стран находились в Венгрии в несколько более благоприятном положении по сравнению с западными миссиями, действовавшими в Болгарии или в Румынии, поскольку в Венгрии они или их правительства могли сами определять численность, состав и бюджет миссии, тогда как в тех странах это делали советские представители. Западных представителей в Венгрии не ограничивали в поездках на периферию, они могли просить устную и письменную информацию у советских членов СКК и вносить предложения относительно выполнения соглашения о перемирии. Однако с венгерским правительством они могли контактировать лишь при посредничестве председателя СКК. По советскому предложению, сделанному на Потсдамской встрече в верхах, положения о деятельности Союзных Контрольных Комиссий в Венгрии, Болгарии и Румынии были модифицированы, так что председатель СКК мог давать указания венгерскому правительству лишь после предварительной консультации с представителями западных держав и в случае получения их согласия.

Однако СКК не только контролировала выполнение соглашения о перемирии: она являлась средством осуществления политики Советского Союза в Венгрии, главным орудием советского политического и экономического вторжения. Миссии США, Великобритании, Чехословакии и Югославии также старались представлять интересы своих стран.

Пока шла война, т. е. на первом этапе своей деятельности, СКК держала под строгим контролем всю политическую, экономическую, общественную и культурную жизнь Венгрии. Ни Временное

правительство, ни демократические партии, в частности Венгерская коммунистическая партия, не могли сделать ни одного шага без разрешения СКК. Ею же осуществлялась цензура печати и радиопередач. Маршал Ворошилов, другие высокопоставленные должностные лица из СКК часто вызывали к себе премьер-министра Белу Миклоша Дальноки, министра иностранных дел Яноша Дьендьёши, других членов правительства, которые были обязаны систематически отчитываться перед СКК в том, как идет выполнение соглашения о перемирии.

В 1945 г. отношения между СКК и Временным правительством, несмотря на частые споры, бóльшую или меньшую напряженность, были в целом неплохими. Временное правительство и демократические силы учитывали, что вследствие военной катастрофы Венгрия попала под международный контроль и ее суверенитет в значительной степени ограничен. Образование СКК и появление Ворошилова не вызвали такого же страха в кругах венгерской политической элиты, как это случилось, например, в Финляндии, куда прибыл приближенный к Сталину А. А. Жданов. Временное правительство вело себя лояльно, стараясь выполнять указания СКК. Советские уполномоченные были удовлетворены тем, что венгерское правительство сравнительно быстро осуществило важнейшие предписания соглашения о перемирии.

26 февраля 1945 г. венгерское правительство особым распоряжением объявило недействительными решения первого и второго венгского арбитража 1939 и 1940 гг. о присоединении к Венгрии Северной Трансильвании и ряда других земель и поставило вне закона акты и распоряжения, касавшиеся изменений территории страны. Оно приняло меры по освобождению ранее оккупированных венгерской армией областей и по возвращению имущества, вывезенного с советской, чехословацкой и югославской территорий.

А месяцем раньше, 25 января 1945 г., было издано распоряжение об учреждении народных трибуналов, задачей которых было привлечение к ответственности военных преступников. Были реабилитированы те, кто подвергался преследованиям за свои демократические убеждения в период между двумя войнами, ликвидированы антиеврейские законы, распущены фашистские партии и политические организации. Изъяли и уничтожили фашистскую и антисоветскую печатную продукцию, был наложен запрет на ее экземпляры, находившиеся в библиотеках.

Создание демократической армии в Венгрии задерживалось, несмотря на все усилия венгерского правительства. Российские архивные источники свидетельствуют о том, что советские правительст-

венные органы точно знали: венгерское правительство не может собственными силами вооружить восемь пехотных дивизий, как это предусматривалось соглашением о перемирии. Знали, но не спешили с помощью. Советские власти не были заинтересованы в том, чтобы Венгрия, хотя бы символически, вступила в войну против нацистской Германии на стороне союзников. В результате частых настойчивых просьб венгерского правительства Советская Армия снабдила легким вооружением из военных трофеев две венгерские дивизии, которые в апреле 1945 г. были передислоцированы в Австрию. Но они возвратились на родину, не сделав ни одного винтовочного выстрела по немцам.

Черeda острых споров, столкновений между международной контрольной организацией, находившейся под советским руководством, и венгерским правительством наступила тогда, когда Временное правительство стало стараться представлять и защищать национальные интересы, пытаясь вернуть себе руководство и контроль над венгерской экономикой. Повод для первого серьезного столкновения дало заключение соглашения о репарациях. Подписанное 15 июня 1945 г. советско-венгерское соглашение о репарациях со всей непреклонностью определило состав подлежащих поставке Советскому Союзу товаров стоимостью в 200 млн долларов, сроки поставок и способы финансовых подсчетов. Подписанию соглашения не предшествовали серьезные дипломатические переговоры, венгерское правительство должно было принять текст договора, переданный советской стороной в качестве ультиматума, даже если не было согласно с его содержанием. Так, например, в соглашении не было принято во внимание пожелание венгерской стороны, чтобы в счет репараций было бы зачтено демонтированное и вывезенное в качестве военных трофеев заводское промышленное оборудование. При подписании соглашения Ворошилов попросил извинения, сказав, что позднее наверняка будут подписаны лучшие договоры.

Новое демократическое венгерское правительство пользовалось любым поводом, чтобы настаивать на прекращении демонтажа советскими властями венгерских заводов и фабрик, на возвращении находившихся под советским военным контролем предприятий, шахт, земельных владений, складов, сельскохозяйственного оборудования, запасов табака, соли, алкоголя и спичек, составлявших государственную монополию, а также скота; на том, чтобы государству было передано право распоряжаться железными дорогами и почтой. Правительство просило сделать возможной передачу охраны заводов венгерским военным формированиям, настаивало на том, чтобы распоряжения советского фронтового командования

осуществлялись через венгерское правительство, а не непосредственно.

Временное правительство старалось выступать против превышения власти местными представительствами СКК, против их произвола, реквизиций, арестов, запрещения собраний. Среди ставших доступными российских архивных источников можно встретить много протестов венгерского правительства по этим поводам.

16 июня 1945 г. министр иностранных дел Янош Дьендьёши заявил, что проходившие через Кечкемет советские солдаты совершили насилие над гражданским населением. Через несколько недель он выступил с жалобой на то, что одно из советских воинских подразделений, проходившее через пограничную (с Югославией) станцию Келебья, разграбило здание пограничной станции и местный пост. 11 июля 1945 г. премьер-министр Бела Миклош Дальноки направил Ворошилову доклад статс-секретаря при премьер-министре Иштвана Балоба о том, что неделей раньше советский военный комендант города Печа после состоявшегося там общего собрания Партии мелких сельских хозяев вызвал к себе выступавших на собрании председателя партии Золтана Тильди, министра восстановления Ференца Нада, статс-секретаря министерства внутренних дел Белу Ковача, а также Иштвана Балоба и прочитал им нотацию, что, естественно, обидело указанных венгерских политиков.

Находившаяся под советским руководством СКК хотя, естественно, служила интересам ведущих военные действия советских частей, осознавала тяжелое положение страны и в силу своих возможностей старалась ей помочь собственными силами. Советское правительство в 1945 г. предоставило кредит в 850 млн пенгё для начала денежного обращения, армия же передала большое количество продовольствия, горючего, транспортных средств, главным образом для улучшения тяжелого продовольственного положения Будапешта. Военные заказы способствовали началу промышленного производства. Маршал Ворошилов 19 июня 1945 г. дал указание о возвращении венгерских предприятий, что скоро начало осуществляться. Однако венгерские государственные железные дороги были переданы под венгерское управление лишь в октябре 1945 г.

Весной 1945 г., пока шла война, СКК держала под своим полным контролем политическую жизнь. Партии, объединения, массовые организации можно было создавать только с ее разрешения; она же разрешала издание газет, проведение собраний, встреч; без ее одобрения никого нельзя было назначить на правительственные посты и никого нельзя было уволить с них. На периферии представительств СКК контролировали не только комитатских руководителей, но

и руководителей меньших административных единиц (районов), требуя представлять сведения об их жизни. Контрольный орган не только стремился к уничтожению остатков фашизма и старого строя, но старался способствовать демократическим преобразованиям, настаивал на осуществлении земельной реформы, надеясь, что известия об этом приведут к разложению венгерской армии, воевавшей на стороне немцев. К сожалению, этого не последовало. СКК поддерживала Временное правительство, старалась усилить его позиции, в частности и потому, что сильная центральная власть нужна была для восстановления в стране порядка, с тем чтобы можно было соблюдать соглашение о перемирии. Комиссия соглашалась с увольнением слабых, с трудом выполнявших свои задачи министров, с возрастанием роли в правительстве левых сил (рабочей партии), но она взяла под свою защиту Белу Миклоша Дальноки, когда руководители Венгерской коммунистической партии захотели его уволить.

С лета 1945 г., после освобождения Венгрии и завершения войны в Европе, начался новый этап в деятельности СКК. Круг ее задач изменился, а роль — уменьшилась. С одной стороны, это можно объяснить тем, что были сняты с повестки дня задачи, связанные с военными действиями, со снабжением действующей армии. С другой же стороны — тем, что к этому времени венгерское правительство выполнило основные предписания соглашения о перемирии, кроме уплаты репараций. Осенью 1945 г. с дипломатическим признанием Венгрии США, Англия и, конечно, Советский Союз могли вступить в непосредственную связь с венгерскими правительственными органами через свои посольства. Не было уже нужды в посредничестве СКК. Не стало прикомандированных к СКК политических миссий. СКК однозначно стала учреждением военного характера. Как уже упоминалось, в Потсдаме по советской инициативе был модифицирован порядок деятельности международного контрольного учреждения. Хотя английское и американское правительства были недовольны и не одобрили это, поскольку им хотелось, чтобы СКК действовала как орган трех держав и западным державам также можно было вмешиваться в принятие решений, деятельность СКК стала более регулярной (планомерной). Если весной 1945 г. она заседала всего два раза, то с августа того же года стала собираться каждые десять дней. Первый серьезный конфликт — кризис внутри комиссии — имел место летом 1946 г., а в 1947 г. противоречия уже открыто выступили наружу. Однако западные миссии до конца играли подчиненную роль в контрольном органе.

На так называемом втором этапе ее деятельности СКК занималась в первую очередь организацией обмена населением, выселением немцев (швабов), делами, связанными с военнопленными, беженцами, депортированными нацистами лицами и, главным образом, вопросами репараций. Уменьшилась роль СКК в контроле над экономикой, хотя в то же время комиссия старалась препятствовать росту экономического влияния англосаксов. Этим можно объяснить, например, тот факт, что действовавшая под советским руководством СКК не приняла американское предложение об образовании трехсторонней (Англия, США, СССР) комиссии для изучения экономического и финансового положения Венгрии. Той же цели служило соглашение об экономическом сотрудничестве Венгрии и СССР, заключенное на три года в августе 1945 г., но ратифицированное лишь через несколько месяцев. Оно обеспечивало значительные преимущества экономического характера Советскому Союзу.

Непосредственный контроль над политической жизнью, хотя и не исчез совсем, но был ослаблен благодаря тому, что политические задачи передавались советскому посольству во главе с Пушкиным. Были сделаны некоторые уступки. Например, уже в мае 1945 г. отменили цензуру печати и сняли запрет на радиопередачи, хотя по-прежнему выступали против всяких антисоветских заявлений. Однако маршал Ворошилов и СКК и далее вмешивались во внутреннюю политику Венгрии. Выборы 1945 г. в Будапеште и во всей стране, окончившиеся победой Независимой партии мелких сельских хозяев, проходили с советского разрешения и под контролем СКК. Перед выборами в Национальное собрание, т. е. перед 4 ноября 1945 г., маршал Ворошилов предложил, чтобы демократические партии выступили сообща, выставили бы общих кандидатов. Это предложение, имевшее целью воспрепятствовать значительной победе буржуазных сил — партии мелких сельских хозяев, не прошло. Советская дипломатия сняла с повестки дня вопрос об общем списке в результате протеста английского и американского правительств, а также потому, что его не особенно поддержала Венгерская коммунистическая партия. Характерно также, что СКК, которая держала под пристальным надзором малочисленную венгерскую армию, в 1945 г. вдвое (с 30 до 15 тыс. человек) уменьшила ее численность.

В первые послевоенные годы наиболее заметным проявлением советского вмешательства был арест весной 1947 г. генерального секретаря Независимой партии мелких сельских хозяев Белы Ковача. Об этом стоит сказать несколько слов, ибо этот факт как в капле воды отразил роль СКК в Венгрии.

Осенью 1946 г. в венгерской внутренней политике создалась патовая ситуация, наступил кризис в ранее успешном коалиционном правлении. В качестве повода для наступления компартия использовала антиреспубликанскую деятельность ранее антинемецкой, но подчеркнута националистической и расистской тайной организации под названием «Венгерская общность». Целью компартии было нанести удар по партии мелких сельских хозяев и перехватить инициативу в политической борьбе.

Премьер-министр Ференц Надь в середине декабря 1946 г. узнал, что военно-политический отдел военного министерства, занимавшийся борьбой со шпионажем и сбором сведений, арестовал несколько человек, в том числе и члена партии мелких сельских хозяев. Представитель этой партии военный министр Альберт Барта, однако, ничего об этом не знал. И даже когда на следующий день он захотел поговорить с арестованными по указанию премьер-министра, коммунист Дьёрдь Палффи, возглавлявший военно-политический отдел, отказал ему в этом, сославшись на указание заместителя председателя СКК Свиридова. Генерал Свиридов заявил посетившему его Ференцу Надю, будто он не давал такого указания. Тогда Ференц Надь возбудил в отношении Дьёрдя Палффи дисциплинарное расследование. Однако вмешалась СКК. По требованию генерал-майора А. Н. Кондратова, начальника военного отдела СКК, Ференц Надь приостановил расследование. Советский генерал угрожал тем, что в противном случае СКК передаст дело о заговоре из ведения венгерских властей в советскую контрразведку.

25 февраля 1947 г. советские военные власти взяли под стражу генерального секретаря Независимой партии мелких сельских хозяев Белу Ковача по обвинению в том, что он знал о заговоре, занимался шпионажем против Советского Союза и участвовал в формировании нового правительства. Эти обвинения были лишены каких-либо оснований. Из воспоминаний участников тех событий вырисовывается роль в этой акции генерального секретаря ВКП Матяша Ракоши и министра внутренних дел Ласло Райка. Коммунистические руководители, конечно, знали, что из-за отсутствия доказательств Белу Ковача нельзя отдать под суд в Венгрии. Поэтому они просили вмешательства советских властей. Советские власти сначала не хотели удовлетворить просьбу лидеров ВКП, опасаясь отрицательных откликов международной общественности. Но в конце концов в Москве приняли решение об аресте. Конкретные обстоятельства принятия такого решения из-за недоступности архивных источников неизвестны. Грубое советское вмешательство потрясло венгерскую общественность, поляризовало политические силы, положило

начало распаду партии мелких сельских хозяев и в то же время вызвало протест правительств Англии и США. Глава английской военной миссии уже на заседании СКК 17 января 1947 г. поднял вопрос о заговоре, но Свиридов уклонился от ответа. Руководитель американской миссии в СКК генерал Уимс 5 марта, а затем 17 марта выступил с нотами протеста по поводу незаконного советского вмешательства во внутренние дела Венгрии. Он высказал упрек в связи с тем, что акция была проведена без предварительной консультации с западными представителями и предложил создать следственную комиссию по делу Бела Ковача с участием представителей трех держав. В ответных нотах Свиридов отверг это предложение, не проявив склонности к какому-либо сотрудничеству в деле Бела Ковача. Обмен нотами между СССР и США был освещен в тогдашней печати, хотя Свиридов хотел бы избежать этого. (В Советском Союзе Бела Ковача приговорили к 25 годам заключения, в 1955 г., в ноябре, передали венгерским властям, но освобожден он был только 2 апреля 1956 г., после XX съезда КПСС.)

Впрочем, международный контрольный орган во главе с советским председателем вмешивался также и в вынесение приговора суда по делу участников антиреспубликанского заговора, суда, имевшего принципиальное значение. После вынесения приговора судом первой инстанции генерал А. М. Белянов, глава административного отдела СКК, вызвал к себе председателя Совета Народных трибуналов страны. Он настаивал на том, чтобы этот Совет до назначения суда второй инстанции одобрил бы три смертных приговора, вынесенных судом первой инстанции, и ужесточил бы другие приговоры. Однако Совет поддался давлению лишь в некоторой мере, он вынес лишь один смертный приговор, а большинство приговоров смягчил.

СКК сыграла свою роль в отставке премьер-министра Ференца Надя. После соглашения с органами безопасности, находившимися под влиянием коммунистов, заместитель председателя СКК генерал Свиридов передал венгерскому правительству 28 мая 1947 г. протоколы допросов, которые должны были скомпрометировать Ференца Надя. Руководство компартии, использовав тенденциозно составленные и отредактированные признания свидетелей и прибегнув к почти неприкрытым угрозам, вынудило проводившего свой отпуск в Швейцарии Ференца Надя подать в отставку и остаться за границей. СКК прекратила свое существование 15 сентября 1947 г., через девять дней после подписания мирного договора с Венгрией. Однако ликвидация аппарата комиссии продолжалась еще несколько недель. Если кратко оценить ее роль, следует заметить, что

она способствовала ликвидации последствий войны и фашизма, позволила начать демократизацию венгерского общества и в то же время выступала как проводник советского влияния в Венгрии.

ЛИТЕРАТУРА

The American Military Mission in the Allied Control Commission for Bulgaria. 1944-1947. History and Transcripts / Ed. by Michael M. Boil. Columbia Univ. Press., 1985.

Androsova T. The Allied Control Commission in Finland 1944-1947.: Zig-zags in the Tactical Line // Finnish-Soviet Relations 1944-1948 / Ed. by J. Nevakivi. Helsinki, 1994. P. 44-67.

Baráth M., Cseh Gerő B. Dokumentumok a SZEB működésének első három hónapjából. 1945. február-1945 április // Társadalmi Szemle, 1996. 5. sz. 80-93. old.

Baráth M., Cseh Gerő B. A SZEB és Magyarország 1945 nyarán // Társadalmi Szemle, 1995. 11. sz. 83-94. old.

Földesi M. A Szövetséges Ellenőrző Bizottság Magyarországon. 1945-1947. Bp., 1995.

Földesi M., Szerencsés K. A Magyar Szabadságpárt és a Szövetséges Ellenőrző Bizottság // Vissza a történelemhez... Emlékkönyv Balogh Sándor 70. születésnapjára. Szerk.: Izsák Lajos és Szemler Gyula. Bp., 1996. 389-419. old.

Nevakivi J. The Control Commission in Helsinki: a Finnish View // Finnish-Soviet Relations 1944-1948. P. 67-80.

Tóth Á. Telepítések Magyarországon 1945-1948 között. A németek kitelepítése, a belső népmozgások és a szlovák-magyar lakosságcsere összefüggései. Kocskenét, 1993.

Vida I. Vorosilov marsall jelentései a Tildy-kormány megalakulásáról. Társadalmi Szemle, 1996. 2. sz. 80-96. old.

Vida I. Az Ideiglenes Nemzeti Kormány átalakítása 1945 júliusában és a szovjet diplomácia // Vissza a történelemhez... 389-419. old.

ПРОЦЕСС НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИТОГИ К КОНЦУ XX ВЕКА

Определение понятия

Идея политического самоопределения в сознании каждой этнической общности возникает на этапе, исторически совпадающем с переходом от средневековья к новому времени. Она является отражением процесса самоопределения этнических общностей, начавшегося в конце XVIII в. В этот момент этническая общность становится субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права. Национальное самоопределение (политический лозунг, правовой принцип, стадия в этнополитическом развитии, психологический процесс) является отражением в сознании синтеза его этнического и политического видов. Отличие трактовки принципа «одна нация — одна территория — одно государство» политиками и деятелями национальных движений в Средней и Восточной Европе состояло в том, что понятие «нации» (т. е. гражданской политической полиэтничной общности) подменялось «национальностью» (моноэтнической социально неструктурированной и незрелой в гражданском смысле общностью).

Сразу возникают несколько вопросов. Первый — что является субъектом самоопределения — нация в западноевропейском понимании или нация-национальность в центральноевропейской и восточноевропейской трактовке? Второй — что представляет собой сам феномен самоопределения? И третий — чем политическое самоопределение отличается от других типов самоопределения и чем самоопределение отличается от других этнополитических и этнопсихологических процессов?

В нашем обыденном, да и научном сознании прочно закрепилась ленинско-сталинская формулировка понятия «нация» и советская «табель о рангах» этнических общностей: нация — «высшая» форма этнической общности, обладающая своим государством, национальностью, не имеющая государства — низшая. В основе этих представлений — статья И. Сталина, написанная в 1913 г. при помощи

Н. Бухарина и с вехом В. Ленина «Марксизм и национальный вопрос», и известные произведения самого В. Ленина — «О праве наций на самоопределение» и др. Но ни Н. И. Бухарин, ни В. И. Ленин, ни, тем более, И. В. Сталин не были первооткрывателями в этой области. Они опирались и на итоги развития европейской науки — истории, этнологии, статистики, теории государства и права, и на российскую имперскую традицию, в которой были воспитаны (хотя на словах и отрицали это).

Вот «сталинское» определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»¹.

«Рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих собратьев, к какой бы нации они ни принадлежали». Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение, под которым подразумевается, что «только сама нация имеет право определять свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезать права»².

Вслед за К. Каутским В. Ленин, использовавший, судя по текстам, сочинение Сталина и Бухарина, полагал, что образование национальных государств в наибольшей степени отвечает требованиям капитализма и выступает конечной целью всякого национального движения, потому что пестрые в национальном отношении государства якобы являются «всегда государствами, внутреннее сложение которых по тем или иным причинам осталось ненормальным или недоразвитым (отсталым)»³. Полиэтничность населения государства связывается с регрессом, а моноэтничность — с прогрессом, определяемым исключительно экономическим развитием. При этом автор явно имеет в виду не западноевропейскую нацию-государство, а государство-национальность. При такой трактовке полиэтничные и многонациональные государства обречены на распад. А распад, революция — это генеральная идея Ленина и его последователей. Именно поэтому он многократно утверждал, что под самоопределением нации «разумеется государственное отделение от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства», что именно таким образом это понимается «во всей истории международной демократии, особенно с половины XIX века»⁴.

Подобная трактовка является обоснованием не демократии, хотя на словах самоопределение отождествляется с демократией, а узкого этнического национализма в его наиболее агрессивной форме с добавлением «социальной» демагогии. Национальность отождествляется с нацией и территорией — вот где корень родства большевизма и национализма, что стало очевидно в 20-е годы, когда сталинское руководство использовало русский национализм и российский империализм для укрепления своей власти, прикрываясь лозунгами «интернационализма» для ассимиляции и борьбы с «сепаратизмом и национализмом», препятствуя самоопределению народов бывшей Российской империи ⁵.

Но самоопределение вовсе не сводится только к факту провозглашения независимости и созданию национального государства, охватывающего территорию компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения, как считали многие теоретики XIX — начала XX в. Понятие политического самоопределения объемнее государственного самоопределения. Оно включает в себя не только отделение этнотерриториальной общности от многонационального государства и создание органов государственной и судебной власти, представительных учреждений, но и создание общественных движений, политических партий, национальных движений, электората, формирование сознания. Требования политического самоопределения отдельной этнической общности далеко не всегда выступает в многонациональном и полиэтничном государстве в роли дезинтегрирующего фактора.

Национальное самоопределение в разные исторические периоды у разных народов толковалось совершенно по-разному учеными и политиками в зависимости от их социально-политической ориентации, особенностей исторического опыта каждого народа, традиций национальных научных школ и конкретной политической ситуации. Идея национального самоопределения сразу оказалась в центре полемики. И авторами ее были отнюдь не большевики ⁶.

Вот как, например, трактовал понятие «нация» оппонент «ленинцев» австрийский социал-демократ Отто Бауэр. В европейской науке конца XIX в. считалось, что элементами нации являются общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии ⁷. Установившая «причинную зависимость этих элементов», О. Бауэр пришел к выводу, «что нация — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы» ⁸. Именно «общность судьбы», полагал он, отличает национальную культурную общность от других ее типов: профессиональной, классовой, нацио-

нально-государственной. Его соратник Карл Реннер привел следующую градацию типов общностей, распространенную в европейской науке того времени: «нация» в государственно-правовом смысле — это «принадлежность к государственному организму при равноправии всех граждан; племя образует „этнологическую связь при одинаковом наречии“; национальность создается „духовной и культурной общностью“ при наличии национальной литературы, являющейся выражением этой общности»⁹.

Такое понимание и привело теоретиков австромарксизма к идее экстерриториальной национальной автономии как формы национального самоопределения. Такая форма позволила отделить этнос и от территории, и от государства.

Создается впечатление, что самоопределение в нашем сознании превратилось в неизменное, раз и навсегда данное этнической общности право, некий неизменный принцип. Но остается неясным, почему именно этническая общность должна обладать извечной привилегией быть субъектом государственного права. Не доказано, «выгоднее» ли моноэтническое государство, чем полиэтническое, с точки зрения экономики, лучше ли оно функционирует, почему в конце XX в. для становления рынка при переходе от распределительной к рыночной экономике в современных условиях используются националистические лозунги XIX в. при необходимости интеграции в мировую экономику, почему используются старые методы протекционизма и государственного регулирования, а экономическая система увязывается с историческими особенностями этнической и социальной общности.

В настоящее время многие ученые и журналисты часто рассматривают межэтнические конфликты в Восточной и Средней Европе исключительно как наследие коммунизма, который сдерживал процессы национального самоопределения, или, наоборот, как результат краха этой системы, сдерживавшей этнические конфликты. Лишь немногие исследователи стремятся увидеть более глубокие исторические корни этих конфликтов, пытаются выйти за хронологические рамки 1945 или, в крайнем случае, 1918 г. С другой стороны, историки не всегда доводят свои исследования до современного периода. В результате не создается единая картина развития этнополитических процессов и взаимоотношений в Европе.

В период обострения межэтнических отношений в Восточной и Средней Европе история, политология, другие гуманитарные науки часто используются для обоснования притязаний вновь образовавшихся государств на те или иные территории. При этом активно используются традиции идеологии национальных движений XIX–

XX вв., основывавшейся на историческом и естественном праве, национальном принципе, подсчетах этнодемографического состава населения. С другой стороны, часто сравнивают, проводя не всегда корректные аналогии, Австрийскую и Российскую империи, СССР, Чехословакию, Югославию, другие государства-наследники империй.

К сожалению, хотя это и закономерно, в обстановке распада многонациональных государств и обострения конфликтов, многими учеными овладело стремление сделать историю орудием межнациональной и политической борьбы, что не только усугубляет субъективность и ограниченность, к старым мифам и стереотипам добавляет новые, но и ведет к утрате профессионализма, искажает роль науки в жизни этнической и социальной общности.

Отношение к национальному самоопределению, восприятие феномена и трактовка лозунгов и принципов зависят от политических симпатий, профессионального сознания, особенностей личного этнического и исторического сознания — отношения к прошлому, способности отказаться от мифов и стереотипов. Это ясно видно и в России, и в странах СНГ, и в других бывших социалистических странах Восточной и Средней Европы, где еще отсутствует нормальное политическое сознание и только формируется первое поколение профессиональных политиков.

В нынешней России одни политики и ученые выступают адептами самоопределения, другие — его противниками. Защитники самоопределения также делятся на две группы: часть признает это «право» только за государствообразующей национальностью, часть — только за народами, лишенными в той или иной мере государственности. Но и те, и другие, и третьи видят в нем не исторический процесс, а лишь политический лозунг и правовой принцип, ставят знак равенства между нацией и национальностью, этнической территорией и государством, абсолютизируют независимое национальное государство, отождествляя его или с демократией, или с национальным величием. И крайние «демократы», и «государственники» для обоснования своих позиций ссылаются на один и тот же тезис об историческом государственном праве как основе самоопределения.

«Демократы» не видят проблемы самоопределения русских, «националисты» и «государственники» — самоопределения всех остальных народов. В основе этих позиций — абсолютизация одного из типов общности, отрицание прав личности, искаженное представление о соотношении этнической, социальной, государственной, конфессиональной общностей.

Зачастую при проведении научных исследований какого-либо народа или региона историки абсолютизируют опыт своего народа, свою историческую память (часто на обыденном уровне) при приблизительном знании других. Обобщения часто основываются на абстрактных схемах или историческом опыте одного народа. В этой связи нельзя не упомянуть спекулятивные игры в сравнения СССР и СФРЮ, России и Сербии без знания фактов и понимания особенностей истории этих государств и населявших их народов, традиций их взаимоотношений.

Историки часто подводит увлечение чисто фактической стороной дела, стремление представить наиболее выпукло именно оригинальную физиономию события, явления или процесса.

С другой стороны, пытаясь отойти от многолетних и не оправдавших себя классовых догм, историки часто попадают в сети новых или обновленных, национальных или государственных мифов. В особенности, когда стремятся провести аналогии с Россией или «восстановить» прерванный событиями 1917 г. процесс. Это стремление исходит не только из мифологичности мышления историков, но и опирается на некоторые профессиональные приемы — построение графиков, пресловутых «спиралей» или выявление периодичности событий. При этом выводы зависят и от политической ориентации, и от особенностей профессионального мышления. В этом корень «патриотической» позиции историков и «западнической» — социологов и политологов.

Ошибка у всех одна и та же, но ее причины различны. Если у одних преобладает тяга к национальному или коммунистическому мифу, то у других — стремление свести все историческое и национальное своеобразие к упрощенным социологическим и политологическим схемам. Абсолютизируются отличительные черты посткоммунистической стадии развития стран Восточной и Юго-Восточной Европы, совпадение политических ситуаций, но при этом упускаются обусловленные историческим и этническим, региональным развитием особенности. За всем этим кроется отсутствие в нашем сознании реального чувства истории, которая рассматривается лишь как сборник ответов к задачку современной политики. Все это в конце концов ведет к потере правильной ориентации, к искаженному представлению о месте, роли и возможностях собственных народов, населяющих Россию, и России как государства. Вот итог гипертрофирования этнических особенностей, равно как и схематизма, искажения индивидуального лица событий, явлений и процессов, абстрактного конструирования, не опирающегося на знание реальных фактов.

Политологи и социологи, на наш взгляд, часто смотрят на этнополитические процессы упрощенно, нередко используя схемы, которые отнюдь не носят универсального характера, и не всегда корректные с исторической точки зрения аналогии.

Экономисты (именно экономисты по профессии возглавляют сейчас партии и фракции, которые называют демократическими и либеральными в подлинном смысле этих слов) часто рассматривают этнические процессы с позиций «экономического материализма», о котором писал еще Г. В. Плеханов¹⁰. Они полагают, что все в конечном счете определяет экономическое развитие, которое рано или поздно приведет к урегулированию межэтнических конфликтов, выводят общую подчиненность этнических и этнополитических процессов экономическим — т. е. неверно понимается соотношение экономических и этнических общностей и процессов.

К сожалению, в аналитических материалах и программах политических организаций вовсе отсутствует или очень слабо «прописан» национальный вопрос. Между тем, необходимо объяснить парадокс, почему при экономической общемировой тенденции к интеграции агрессивный национализм и экономическая автаркия под флагом «защиты рынка» побеждают в некоторых странах, стремящихся перейти от распределительной экономики к рыночной. К такому относится и Россия.

Для этнологического анализа характерна абсолютизация этнической общности. Выбор обоснованием для самоопределения таких принципов, как «историческое право», часто ведет к войне, а не к миру. (Историкам и этнологам предстоит большая работа по исследованию двух мировых войн как не только межгосударственных, но и межэтнических конфликтов, основанных на естественном праве. При этом особое внимание необходимо уделить конфликтам между славянскими народами и государствами как одной из причин возникновения этих войн.)

Осуществление исторического государственного права, по мнению К. Реннера, представляло бы «худшую из всех возможных утопий, ибо его идеал в прошлом и никогда не может быть реализован»; это оставит национальный вопрос «навсегда открытым»¹¹.

Этнополитические вопросы вообще не решаются, подобно общеполитическим и социальным, голосованием простым большинством. А этнодемографический состав населения стал предметом «научного» манипулирования и обоснованием «этнических чисток», проводимых в разных формах некоторыми из вновь образованных государств в Средней, Восточной и Юго-Восточной Европе. Такой подход является с юридической точки зрения антиправовым.

Перед правоведами стоит проблема соотношения государственной, политической и этнической общностей. Юристы часто считают, что самоопределение как создание независимого государства — это всего лишь политико-правовой акт, следуя в этом традиции германской науки XIX в. и советской теории. Они стремятся к созданию некоей идеальной модели государства, способного стать панацеей от всех этнических конфликтов на все времена. Одни из них видят эту панацею в федерализме, другие — в установлении централистского унитарного государства.

Вышесказанное свидетельствует о недостатках нашего научного профессионального гуманитарного сознания, о неумении исторически подойти к анализу этнополитических процессов, в том числе и самоопределения. Абстрактность и использование исторических аналогий, применение понятийного аппарата конца XIX в. в конце XX в. приводят к неверной оценке сути процессов и обстановки, в конце концов — к вооруженным конфликтам при исторически закономерном распаде многонациональных государств.

У бывшей государствообразующей национальности самоопределение в сознании отождествляется с величием, а величие — с военной мощью и размером территории без определения экономической жизнеспособности и эффективности данного образования, без учета уровня жизни и обеспеченности прав жителей. Это выдается за некий «национальный особый путь развития». В основе этой теории лежит идея о том, что единственным субъектом права — имущественного, государственного и др. — может быть только общность. В данном случае — этническая. Понятие права связывается лишь с принадлежностью отдельного человека к этнической общности. Это неизбежно ведет к отрицанию прав личности, гражданина. Хотя в области культуры и образования право на самоопределение отчасти выступает и как коллективное право.

Каковы же исторические этапы и результаты процесса самоопределения у народов Европы к концу XX в.?

Исторический взгляд

Интенсификация процесса национального самоопределения приходится на вторую половину XIX — начало XX в. Процесс самоопределения стал причиной ряда локальных конфликтов, освободительных войн и восстаний. Впоследствии он превратился в один из важнейших факторов, приведших к двум мировым войнам. В наши дни мы стали свидетелями распада трех многонациональных госу-

дарств, лишь в одном случае из трех он сопровождается вооруженным конфликтом.

Национальное политическое самоопределение и создание системы национальных независимых государств в Средней и Юго-Восточной Европе после первой мировой войны не разрешили противоречий между этническими общностями и государством, не смягчили конфликтов этих общностей между собой, лишь превратили их в межгосударственные. Это же относится и к системе межгосударственных и межнациональных отношений, сложившихся в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе после второй мировой войны.

В конце 80-х годов мы были свидетелями, по выражению одного из венгерских ученых, «этнического ренессанса», охватившего страны Восточной и Юго-Восточной Европы, начавшие освобождаться от коммунизма. В начале 90-х дискуссии о принципах национально-политического устройства многонациональных государств — СССР, Югославии и Чехословакии, о путях достижения каждой этнической общности равноправия с другими и обретения суверенитета закончились их развалом и резким, вплоть до широко-масштабных военных конфликтов, обострением отношений между народами. Одна из причин этого состоит в том, что в политическом сознании национальность по-прежнему считалась единственным субъектом государственного права, хотя и в противовес «рабочему классу». В сознании исключительность одного вида общности сменилась исключительностью другого.

Распад СССР, Чехословакии, Югославии обусловлен совпадением в один исторический момент нескольких кризисов — распределительной экономики, идеологической системы коммунизма, тоталитарной политической структуры, этнотерриториальной федерации как формы национального самоопределения, а также «славянской идеи» в глобальной и региональной ее формах. А также тем, что система Версаль — Потсдам — Хельсинки изжила себя, столкнувшись с противоречием процессов национального самоопределения и необходимостью сохранения существовавших государственных границ. Изжила себя и прежняя система блоков и глобального противостояния.

Говоря о специфических чертах кризиса СФРЮ и последовавшего за ним конфликта можно назвать несколько его элементов: крах коммунистической идеологии и тоталитарной политической системы; неспособность этнотерриториальной федерации с элементами автономии гарантировать политическое самоопределение этнических общностей; неспособность концепции югославизма на идеоло-

гическом и психологическом уровнях примирить народы и создать основу единого государства; крах административной и экономической системы распавшегося государства в условиях гиперинфляции.

В этих условиях идет поиск новых форм национального самоопределения. Распад прежних государств не был и не мог быть результатом вмешательства извне — он был обусловлен исторически. Было неизбежным и столкновение интересов и целей национальных движений, принявшее характер конфликта панэтнических и пангосударственных идеологий народов в процессе национального самоопределения, который не окончен сегодня и не закончится завтра. Это — перманентный процесс, играющий ключевую роль в развитии европейской цивилизации.

В отечественной науке долгое время было принято полагать, исходя из ленинского понимания национального вопроса, обусловленного лишь целью революционного разрушения существовавших государств, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциям и даже составляют их основу, а межэтнические интеграционные процессы стимулируют и цементируют, соответственно, центристские тенденции. При этом отождествляются интеграция, этнический унитаризм и государственный централизм, с одной стороны, и партикуляризм, сепаратизм, изоляционизм, автаркия, децентрализация — с другой. Как и самоуправление и автономия, об опасности чего предупреждали еще российские либералы начала XX в.¹²

Но исторический парадокс состоит в том (и особенно это показал опыт развития и распада Австро-Венгрии, как и начала 90-х годов XX в.), что на определенном этапе или в определенных исторических ситуациях в развитии многонационального государства, в особенности имперского типа, централистская политика вкупе с социальным консерватизмом начинала противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтнических отношениях, вела не к сохранению единства государства, а к его развалу; а этнообразующие, разрушительные на первый взгляд тенденции, опираясь на последовательный демократизм, наоборот, объективно могли создать основу для сохранения единого государства, превращения его из многонационального в полиэтническое при формировании соответствующей экономической базы, гражданского общества, преобразовании его политической системы и национально-государственного устройства.

Самосопределение в многонациональных государствах

При рассмотрении проблемы автономии как внутренней проблемы полиэтничного государства, мы видим, как автономия, основанная на феодальном политико-территориальном принципе, превращается в этнополитическую автономию, что приводит к изменению самого принципа автономии. Она начинает рассматриваться как особая форма национальной государственности (этнополитическое образование) в рамках единого полиэтничного государства. Это неизбежно приводит идею автономии к столкновению с общегосударственной идеей и законами, с идеей государствообразующей национальности, с законами государства, ставит вопрос о государственном самоопределении. По мере развития процесса самоопределения неизбежно происходит столкновение «титულიной автономной» этнической общности, ее национального движения и общегосударственных властей. Наступление на автономии характерно для последнего периода существования Австро-Венгрии и Югославии. Негативно воспринимается идея автономии и в Сербии, и в Хорватии.

В этих условиях распад государства становится практически неизбежным. Не случайно все стороны, вовлеченные в югославский конфликт, многократно прошли мимо возможных компромиссных вариантов урегулирования общего кризиса государства или его мирного распада. Политическая автономия как форма политического и этнокультурного самоопределения этнических общностей на данном этапе не может служить фактором сохранения полиэтничных государств. Тем более это относится к автономии национально-меньшинства бывшей государствообразующей этнической общности. На это не согласится ни одна из сторон — ни само меньшинство, ни власти обретшей независимость новой инациональной республики — Хорватии.

Да и руководство Сербии еще несколько лет назад развернуло наступление на автономии, ликвидировав, еще будучи в рамках Югославии, автономные образования албанцев (Косово и Метохия), а также венгров и сербов, проживавших до 1918 г. на территории венгерской части Австро-Венгрии (Воеводина).

Если раньше автономия рассматривалась как гарант целостности многонационального государства, как способ удержания национальности от государственного самоопределения в форме отделения и создания независимого государства — будь то из военно-стратегических соображений или как уступка национальному движению, — то по мере усиления процесса политического самоопределения неполноправных народов она становится с точки зрения цен-

тральных властей и сознания государствозобразующей национальности дезинтегрирующим фактором, сепаратизмом. Отсюда — стремление ликвидировать автономию и тем самым якобы сохранить целостность. Они становятся перед дилеммой: сохранять или не сохранять целостность государства, если сохранять, то путем ли централистских мер или децентрализацией государственного устройства, путем федерализации, конфедерализации, повышения статуса автономии и т. д. При этом этнотерриториальная автономия не тождественна самоуправлению.

У национальных движений неполноправных народов иной выбор: какую форму автономии — территориальную или экстерриториальную — предпочесть, оставаться или нет в составе прежнего полиэтничного государства, соглашаться или нет на усеченные в любом случае суверенитет и государственность, как будут строиться отношения с национальными меньшинствами в рамках автономии, в том числе и национальным меньшинством государствозобразующей в общегосударственном масштабе национальности.

Авторитаризм бывшей центральной власти неизбежно ведет к авторитаризму и национальной нетерпимости и в новых государствах, созданных после его распада, к усилению, а не смягчению межэтнических конфликтов, которые из внутригосударственных превращаются в межгосударственные. Это показал и пример распада Австро-Венгрии, СССР и Югославии (дважды).

Внутриэтнические консолидационные процессы, подогреваемые чувством неудовлетворенности положением своего этноса в полиэтничном государстве, соединяясь с традициями национальных движений и психологической традицией борьбы за освобождение, приобретают гипертрофированную форму, которая начинает преобладать над межэтническими консолидационными процессами и связями, в основе которых лежало югославянское сознание. Эти внутриэтнические процессы соединялись с центробежными тенденциями в политике республик. Центр ничего не мог и не смог противопоставить этому, кроме усиления централистских мер и пропаганды югославянского унитаризма. Но чем сильнее были централистские тенденции, тем сильнее оказывалось стремление к дезинтеграции и децентрализации государства, приведшее в конце концов к его развалу. Югославия не исключение. Опыт ее предшественницы — Австро-Венгрии, да и Российской империи и СССР доказал это со всей очевидностью. Результатом распада Югославии в начале 90-х годов вместе с распадом СССР стало резкое изменение и дестабилизация геополитической и геостратегической обстановки не только на Юго-Востоке, но и в Европе в целом.

Борьба центробежной и центростремительной тенденций присуща любому многонациональному и полиэтничному государству независимо от социально-экономического строя и политического устройства. Эта борьба обусловлена самой природой этнической общности, стремящейся к самоопределению, на каждом витке своей истории — в новой форме. Центробежная тенденция может быть смягчена только максимальной демократизацией полиэтничного государства. А усиление авторитарных и централистских тенденций, нарушение нормального развития общегосударственного рынка и нарастание сопротивления неполноправных народов в условиях войны, военного поражения или чрезмерно милитаризованной экономики ведут к утрате широкой полиэтничной социальной базы государства, к его развалу. Вместе с тем, этническая общность не может быть субъектом государственного права, она не в состоянии составить фундамент государства, заменить собой полиэтничное гражданское общество. Опыт показывает также, что развитие полиэтничных и многонациональных государств с этнически родственными составом населения подчиняется тем же закономерностям, что и подобных государств, в которые входят этнически далекие друг от друга народы.

Однако сама по себе постановка вопроса о национальном самоопределении в многонациональном государстве носит объективный характер и вовсе не тождественна ни требованию выхода каждого отдельно взятого народа из этого государства, ни стремлению к его развалу. Программы политических партий неполноправных народов Австро-Венгрии свидетельствуют об их поддержке сохранения целостности государства при проведении широких социально-политических и национально-государственных реформ. В 1900–1910 гг. существовало несколько возможных вариантов исторического развития полиэтничного и многонационального государства Габсбургов — в области социальной, политической, национально-государственной и национально-территориальной. Также в конце 80 — начале 90-х годов исторически обусловленный распад СФРЮ не был фатально предопределен. Не был неизбежным и военный путь развития процесса национального самоопределения в форме образования нескольких новых национальных, но полиэтничных государств.

Выдвигавшиеся проекты реформ были объективным отражением реальных тенденций в жизни государства. Проекты федеративного и конфедеративного переустройства не были тождественны требованию полного государственного отделения. Как сто лет назад власть имущие не принимали проекты федерации, так и в конце 80 — начале 90-х годов XX в. коммунистические правители шараха-

лись от слова «конфедерация», не сумев понять, что именно осуществление этих проектов в конкретных исторических условиях позволило бы народам добровольно, мирно и на взаимовыгодных началах сосуществовать в едином государстве в переходный период определения своей дальнейшей судьбы, для мирного самоопределения. Каждый народ искал свои пути обретения самоопределения и его формы. Это длительный процесс, не заверченный и сегодня, а не только политический лозунг или правовой принцип. Его невозможно достичь в результате единовременного политико-революционного акта.

Самоопределение в полиэтнической общности (о самоопределении славянских народов)

Один из исторических парадоксов состоит в том, что угроза национальному существованию каждого югославянского народа простекала как из сохранения общего государства в том виде, в котором оно существовало и до, и после второй мировой войны, так и из распада этого государства, последствия которого мы наблюдаем в наши дни. Югославизм оказался несостоятельным как антитеза моноэтническому национализму, ибо югославизм (подобно всем остальным панславистским теориям) был основан все на той же идее и психологии этнического родства, являлся по сути полиэтническим национализмом, который так или иначе, раньше или позже ведет к отрицанию этнической индивидуальности и вступает в противоречие с процессом самоопределения этнических общностей.

С середины XIX в. в Средней и Восточной Европе шел активный процесс самоопределения народов, принадлежавших к разным крупным полиэтническим общностям — славянской, германской, угро-финской. Каждый из принадлежавших к ним народов неизбежно рассматривал себя как неотъемлемую часть более крупного сообщества, раздробленного исторически государственными границами. Осознание этой принадлежности было, хотя и с различной степенью интенсивности в разное время у разных народов и в разных обстоятельствах, неотъемлемой частью национального самосознания каждого народа, служило психологическим и идеологическим обоснованием легитимности требования национального самоопределения в той или иной форме. В этом состояло одно из существеннейших отличий процесса национального самоопределения в Средней и Восточной Европе от Европы Западной, не говоря уже о том, что он начался гораздо позже и в иной исторической обстановке.

Жившие часто на одной территории разные средне- и восточно-европейские народы объективно препятствовали политическому самоопределению друг друга в соответствии с классическим принципом XIX в. «одна территория — одна нация — одно государство». В Восточной и части Средней Европы утвердилась не модель полиэтничного государства-нации, как в Западной Европе, а моноэтнического государства-национальности. В этом и кроется одна из причин многочисленных межэтнических и межгосударственных конфликтов в этом регионе. Кроме того, модель государства-национальности часто увязывается с «особым» — национальным или региональным — путем социального и экономического развития, якобы возможного как альтернатива западноевропейской цивилизации и политической культуре. Поэтому исследователь неизбежно сталкивается с вопросом: является нынешняя модель «государства-национальности» в Восточной и части Средней Европы стадией развития, которую уже миновали страны Западной Европы, или проявлением особого типа взаимоотношений между этносами, а также между этносом, социумом и государством.

В этих условиях, а также учитывая тот факт, что австрийские немцы, венгры, русские, в меньшей степени — хорваты, поляки, финны были обладателями и носителями государственности, идеи этнического родства населявших Российскую империю и монархию Габсбургов славянских народов приобретали важное значение для сохранения целостности этих государств, для их преобразования, для внутренней и внешней политики.

Задача историка — избавиться от фаталистического взгляда на распад монархии Габсбургов, на «историческую необходимость» воссоздания большевиками «железом и кровью» распавшейся Российской империи, на возникновение Версальской системы. Неотъемлемой частью последней были и вновь образованные, формально мононациональные, но по сути — полиэтничные государства Средней и Юго-Восточной Европы, а также СССР. Нам нужно без политической предвзятости, старых этнических стереотипов и архаичных национальных мифов проследить развитие и взаимозависимость четырех компонентов многослойного национального сознания славянских народов, проживавших в распавшихся империях и сыгравших ключевую роль в создании новых государств на основе их этнического родства. К этим компонентам относятся собственно национальное самосознание, сознание принадлежности к региональным (юго- и восточнославянской) полиэтничным общностям, сознание общности славян, проживавших в каждом данном государстве и, наконец, общеславянское сознание.

Представляется важным определить, какие тенденции отражал (и каким соответствовал) тот или иной компонент этнического самосознания славянских народов; выявить, не противоречили ли друг другу собственно национальные и общеславянские идеи, югославистское и австрославистское сознание; существовало ли, наконец, «общероссийское славянское сознание» (русские, украинцы, белорусы). Как идея национального политического самоопределения, восходящая в своей основе к внутривнутриэтническим консолидационным процессам, сочеталась с тенденциями к межэтнической интеграции, такими, например, как югославизм и австрославизм¹³.

Общеславянское сознание никогда не было исключительно «прогрессивным фактором», который якобы никогда не приходил в противоречие с этническим самосознанием, интересами каждого отдельно взятого славянского народа и процессом его самоопределения, причем однозначно «прогрессивным» на всех этапах его развития.

Между тем, на определенных стадиях развития каждого славянского народа, как и славянской общности в целом и ее разновидностей, общеславянское сознание не только не способствует развитию национального сознания, но и, будучи более архаичным, мифологизированным, основанным на этнических стереотипах, консервативным по своей сути, препятствует ему. Возникающий конфликт ведет к кризису «славянской идеи», в ходе которого национальное сознание каждого народа заново перерабатывает свой «славянский» компонент, находя ему в своей внутренней структуре новое место и придавая новое толкование. При этом возникают теории, пытающиеся представить полиэтничную общность как единый субъект государственного права и политических отношений. В этом случае исходили, как правило, из опыта западноевропейской политико-правовой идеологии, основанной на принципе «одна нация — одна территория — одно государство». Достаточно упомянуть концепцию национального единства сербов, хорватов и словенцев, взгляды Союза русского народа, «не делавшего различия между великороссами, белоруссами и малороссами», схожие трактовки чехословакизма¹⁴.

При этом неизбежно в новом контексте возникает старый вопрос: что понимать под самоопределением — самоопределение ли каждого отдельного народа, совместную ли борьбу за право на самоопределение нескольких родственных народов при признании их этнической индивидуальности и суверенитета каждого из них в рамках единой полиэтничной общности как субъекта государственного права, или же борьбу за существование некоего единого в этни-

ческом, политическом, государственном и правовом отношении целого.

Югославизму во всех его формах были присущи отрицание политической индивидуальности каждой славянской этнической общности, отказ от права на самоопределение каждого славянского народа, признание преобладания прав этнической общности над правами индивидуума и права межэтнической общности над правом отдельного этноса. С другой стороны, он противостоял государственной идее и правовой практике государства Габсбургов, а затем использовался частью национальных движений югославянских народов против официального «интегрального» югославизма и сербского узкого этнического национализма.

В перспективе он вел к конфликтам, не мог служить реальной и долговременной альтернативой идее монархии. Он противостоял внутри- и межэтническим интеграционным процессам, способствовал партикуляризму, изоляции более отсталых областей. Национальное и этническое единство нескольких народов было иллюзией, так же как и попытка примирить противоречия между ними путем их объединения в одно государство. В равной степени это относится и к попыткам создать один «сербскохорватский язык» или считать принадлежность к православию или католицизму главным этнодифференцирующим признаком соответственно сербов и хорватов.

Парадокс истории югославянских народов: узкому этническому национализму противопоставлялась в качестве альтернативы региональная разновидность панэтнического национализма. Естественно, он не мог стать основой долговременного урегулирования межэтнических конфликтов и основой национального самоопределения. Идеи «пролетарского интернационализма» причудливым образом переплетались с «югославянским братством». В. Ленин отождествлял процесс создания моноэтнических государств с созданием государств с этнически родственными составом населения.

Югославизму, ставшему государственной идеологией, по формальной логике противостояли «национализм и сепаратизм». В результате процесс самоопределения югославянских народов лишь загнали внутрь и деформировали, что сейчас и дало о себе знать в таких варварских и агрессивных формах.

В основе югославизма лежали идеи и ценности совместной борьбы за самоопределение каждого народа, за общую демократизацию внутриполитической жизни и системы государственного управления. В конце XIX — начале XX в. его направленность совпадала с процессом национального самоопределения отдельных славянских народов. Но этот этап ушел безвозвратно, он был изжит историчес-

ки. Так же как и лозунг национального самоопределения, лозунг югославизма нельзя ни абсолютизировать, ни мифологизировать, ни фетишизировать.

С другой стороны, в югославизме видели альтернативу узкому сербскому и хорватскому этническому национализму, он был попыткой смягчить противоречия между сербами и хорватами, чей этноним совпадал с названием административно-политического образования в королевстве Венгрия (с 1868 г.) и восходил к названию средневекового государства (X в). Необходимой составной частью многих вариантов югославизма была идея об этническом и государственном единстве сербов и хорватов ¹⁵.

Югославизм во всех его формах был внутренне противоречив: исходя из идентичности национальности и нации и будучи средством и идеологией борьбы за самоопределение, он содержал в себе как раз отрицание. Отрицая узкий экстремистский национализм, основанный на этнической общности, он был одной из утонченных паннациональных теорий и иллюзий, за которые народам пришлось дорого заплатить. Югославизм не стал и не мог стать альтернативой моноэтническому национализму, ибо исходил из представления «одна территория — одна национальность — одна нация — одно государство — один язык».

Как любой другой национализм, югославизм исходил из приоритета этнической общности над личностью, он полиэтническую общность рассматривал как субъект государственного права. Нацию он отождествлял с национальностью, а несколько национальностей, проживающих на одной или соседних территориях, превращал в одну национальность и одну нацию, объединенную в одном государстве.

Но в определенных исторических условиях конца XIX — XX в. югославизм сыграл свою положительную роль, послужив противовесом как узкому этническому хорватскому национализму на территории Хорватии, отрицавшему сам факт существования сербов на этой территории, так и великодержавным устремлениям Сербии, сербскому национализму, восходившему к идее создания единого государства всех сербов, где бы они ни проживали.

Как и принцип национального самоопределения, югославизм не имел неизменного значения, раз и навсегда данного, югославянство — государственное сообщество, созданное на основе этнической близости народов, не могло заменить гражданское полиэтническое общество, ибо основывалось на теории этнической исключительности. Югославизм исчерпал себя исторически. К сожалению, часто теории возможного мирного и демократического переустройства

Югославии связывались с иллюзией «хорошего» югославизма, а Югославию можно было сохранить, только избавившись от него, как и от любого иного национализма — сербского, хорватского, боснийского и т. п., отказавшись от принципа «национальность — государство — территория». Но сочетание социальных, экономических, этнических и политических процессов не позволило национальному сознанию югославянских народов сделать это в наше время. Поэтому можно сказать, что в начале 90-х годов в Югославии один вид этнополитического национализма взял верх над другим видом ¹⁶.

Национальное политическое самоопределение и создание системы национальных независимых государств не разрешило противоречий между этническими общностями и государством, не смягчило конфликты этих общностей между собой, а лишь перевело их в область межгосударственных противоречий. Это же относится и к системе межгосударственных и межэтнических отношений, сложившихся в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе после второй мировой войны.

* * *

Размышляя об историческом опыте и перспективах дальнейшего развития народов и территорий, еще недавно объединенных в многонациональные государства, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства.

Во-первых, экономику нельзя строить на основе насильственно созданного моноэтнического государства или государства с этнически родственными национальным составом на основе насильственного отделения национально-территориальных образований. Однообразие ведет к постепенной гибели.

Во-вторых, ни этническая, ни классовая общность не могут быть субъектами государственного права, им может быть только человеческая личность, индивидуум.

Наконец, необходимо в массовом сознании преодолеть распространенную трагическую связку «одна территория — одна национальность — одно государство — одна нация — одна экономическая система — одна политическая система — одна религия», к которой неизбежно присоединится и «один вождь».

Ставя целью создание демократического общества в нашем многонациональном государстве и политической системы, основанной на уважении прав меньшинств, считая соблюдение прав человеческой личности главным принципом, а жизнь человека — основ-

ной и неотъемлемой ценностью, необходимо сделать самоопределение интегрирующим и подавляющим национализм фактором. Ибо узкий этнический национализм в экстремистской форме разрушает государства, в том числе, как ни парадоксально, и моноэтничные.

Процесс самоопределения должен совпасть с этнообразующими процессами в многонациональном (и полиэтничном) государстве. В этом — залог его целостности и существования на определенном историческом этапе. Вплоть до периода поисков новых форм самоопределения.

Процесс самоопределения, осуществляемый демократическими средствами, в таких условиях и при таких целях должен стать не средством разрушения, а путем сохранения государства, межэтнического и социального мира в нем. Иной путь ведет к распаду и войне. Истинной целью может быть только создание полиэтничного и поликонфессионального гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталин И.* Марксизм и национальный вопрос // *Сталин И.* Соч. Т. 2. С. 296.

² Там же. С. 310.

³ *Ленин В.* О праве наций на самоопределение // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 260.

⁴ Там же. С. 259, 281.

⁵ См., например: *Силицки Ф.* Национальная политика КПСС (1917–1922). Washington, 1990.; *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980.

⁶ Достаточно элементарного знания литературы и истории, хотя бы внимательно прочитать самого В. Ленина, чтобы узнать, что эта идея родилась гораздо раньше. Автор сознательно не дает ссылок на многочисленные работы, поскольку речь идет не о полемике с отдельными политиками и учеными, но о характеристике нашего сознания.

⁷ См.: *Neumann Fr. J.* Folk und Nation. Leipzig, 1888. S. 134.

⁸ *Бауэр О.* Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 139.

⁹ Синоптикус. Государство и нация. СПб., 1906. С. 17.

¹⁰ *Плеханов Г.* О материалистическом понимании истории // *Плеханов Г. В.* Избранные философские произведения. Т. II. М., 1956.

¹¹ Синоптикус. Государство и нация. С. 29–31.

¹² См., например, «Доклад организационного бюро земских и городских деятелей по вопросу о правах национальностей и о децентрализации управления» в кн.: *Водовозов В. Программы политических партий в России*. СПб., 1906.

¹³ См., например: Балканы в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 91–155; *Фрейдзон В. И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX — начала XX в.* М., 1993; *Ненашева З. С. Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века.* М., 1994.

¹⁴ *Водовозов В. Программы политических партий в России*. СПб., 1906.

¹⁵ См.: *Формирование независимых национальных государств на Балканах (конец XVII — 70-е годы XIX века)* М., 1986; Балканы в конце XIX — начале XX века. М., 1991.

¹⁶ См.: *Романенко С. Югославия: от «братства и единства» к войне и распаду // Очаги тревоги в Восточной Европе.* М., 1994; *Романенко С. «Новый курс»: реформа государства Габсбургов или шаг к «национальной революции южного славянства»? // Революции и реформы на Балканах.* М., 1994; *Романенко С. Австро-Венгрия или Югославия? // Австро-Венгрия. Исторический опыт многонационального государства.* М., 1995; *Romanenko S. National Autonomy in Russia and Austria-Hungary. A Comparative Analysis of Finland and Croatia-Slavonia // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the Soviet Union / Ed. by Richard R. Rudolph and David F. Good.* New York, 1992.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Т. М. ИСЛАМОВА

Политическая борьба в Венгрии в начале XX века. М., 1959. 411 с.

Из истории социалистического рабочего движения в Венгрии в начале XX века // Революционное движение и строительство социализма в Венгрии. М., 1963. С. 178–213.

История Второго Интернационала (отв. ред. Л. И. Зубок). Т. 1–2. М., 1965–1966 (член авторского коллектива).

Az 1867 évi osztrák-magyar kiegyezés megkötése // Századok. Budapest (далее: Вр.), 1967. № 1–2. 3–36. old.

Die ungarländische Arbeiterbewegung zur Zeit der Koalitionsregierung (1907–1909) // Acta Historiae Scientiarum Hungariae. Вр., 1970. № 12. 105–150. old.

Австро-венгерское соглашение. Внутриполитические и внешнеполитические предпосылки // Der österreichisch-ungarische Ausgleich 1867. Bratislava, 1971. S. 228–253.

История Румынии. 1848–1917. М., 1971. Гл. 1 (в соавторстве), 3, 6, 14.

История Венгрии в 3 томах. М., 1971–1972. Член редколлегии трехтомника, ответственный редактор 2 тома. Авторская работа: 2 том. Гл. 1, 2, 4, 6, 10 (все в соавторстве); 5, 7, 8, 9.

Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. 1906–1914. М., 1972. 392 с. Опубликовано также в Венгрии (в сокращении): Politikai küzdelmek Magyarországon az első világháború előtt. 1906–1914. Вр., 1976. 121. old.

Новая история (первый период). Учебное пособие для вузов. М., 1972 (2-е, дополненное, изд. — М., 1983) (член авторского коллектива).

Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII – первой половины XIX века // Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время. М., 1974. С. 7–27.

Общественно-политические взгляды Петёфи // Петёфи в мировой культуре. М., 1975. С. 64–77.

Новая история (второй период). Учебное пособие для вузов. М., 1976 (2-е, дополненное, изд. — М., 1984) (член авторского коллектива).

A Magyarországi történetével kapcsolatos problémák és megoldásuk a szovjet történettudományban // A Magyar Tudományos Akadémia filozófiai és történettudományi osztyálynak közleményei. Вр., 1975. № 24. 47–61. old.

Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 16–30 (совместно с А. Х. Клеванским).

Проблемы истории Венгрии и их решение в советской исторической науке // Сотрудничество венгерских и советских историков. *Studia Historica Academiae Scientiarum Hungaricae* 129. Вр., 1977. С. 67–85.

Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки (отв. ред. Галкин И. С.). Учебное пособие для вузов. М., 1977 (член авторского коллектива).

Фекете Ш. Лайош Кошут. Документальная повесть. М., 1978. С. 292–301 (послесловие).

Освободительные движения народов Австрийской империи. I. Возникновение и развитие. Конец XVIII в. — 1849; II. Период утверждения капитализма. М., 1980–1981 (член редколлегии, автор и соавтор многих разделов).

Идейная эволюция движения венгерских интернационалистов в Советской России // Великий Октябрь и Венгерская Советская Республика. М., 1983. С. 87–98 (отв. ред. сборника).

Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 34–47 (в соавторстве с А. С. Мильниковым и В. И. Фрейдзоном).

От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984. С. 40–59 (член редколлегии сборника).

О сравнительно-исторических и междисциплинарных исследованиях, или Еще раз о пользе комплексности в общественных науках // Сравнительно-историческое изучение и теоретические вопросы развития современных литератур. М., 1985. С. 200–213.

Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения // Новая и новейшая история. 1985. № 3 (совместно с Е. В. Гутновой и С. О. Шмидтом).

The Balkan policy of the Habsburg Monarchy and Austro-Russian relations // *Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870's* / Ed. by V. Kiraly and G. Stokes. New York, 1985. 31–41. old.

Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 83–96 (совместно с В. И. Фрейдзоном).

Деятельность Бела Куна в Советской России в 1917–1918 гг. // Бела Кун — революционер-интернационалист. М., 1986. С. 40–59.

Шпира Д. Четыре судьбы. К истории политической деятельности И. Сеченьи, Л. Баттани, Ш. Петёфи и Л. Кошута. М., 1986. С. 5–17 (вступительная статья).

Международные отношения на Балканах. 1856–1878 (отв. ред. Виноградов В. Н.). М., 1986 (член авторского коллектива).

Барт И. Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С. 213–216 (послесловие).

Нерсесов Г. А. Политика России на Тешенском конгрессе 1778–79. М., 1988 (послесловие).

Чешская нация на заключительном этапе формирования. М., 1989 (член редколлегии и авторского коллектива).

Österreich und Russland. Zusammenarbeit und Gegensatz am Ende des 18. und zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Russland und Österreich zur Zeit der Napoleonischen Kriege / Ed. by A. M. Von Drabek. Vienna, 1989.

Историография истории нового времени стран Европы и Америки (отв. ред. Дементьев И. П.). М., 1990 (член авторского коллектива).

Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991. Отв. редактор; автор (гл. V–XIII, с. 134–304). Отдельные главы публиковались также в других изданиях.

Национализм в СССР и Восточной Европе // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 103–113 (совместно с А. И. Миллером).

Федерализм как способ организации многонационального государства в восточной части Центральной Европы // Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). М., 1991. С. 165–182 (отв. ред. сборника).

От ответственного редактора // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в. М., 1991. С. 3–6.

Исторические условия и предпосылки зарождения национальных движений в Венгерском королевстве // Людовит Штур и его время (К 175-летию со дня рождения) (отв. ред. Л. Н. Смирнов). М., 1992. С. 5–41.

Средняя Европа — миф, плод воображения или реальность? // Европейский альманах: История. Традиции. Культура. 1992. М., 1992. С. 119–133 (совместно с В. И. Фрейдзоном).

Палтаеский М. А. История Австрии. Ч. 1–2. М., 1992. С. 7–12 (предисловие редактора).

From «*natio hungarica*» to Hungarian nation // Nationalism and Empire. The Habsburg Empire and the SU / Ed. by R. L. Rudolph and D. Good. Minneapolis, 1992. 159–184. old.

Вопросы нации, национального самопознания и национальной идеологии в австрийской историографии // Национализм и формирование наций: Теории — модели — концепции. М., 1994. С. 173–191.

Национализм как реальность и научная проблема XX века // Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994. С. 3–10 (член редколлегии сборника).

Трансильвания — яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Там же. С. 54–136 (в соавторстве с Т. А. Покивайловой).

Erdély a szovjet külpolitikában a második világháború alatt // Múltunk. Bp., 1994. 1–2 sz. 17–50. old.

«В. М. доктор Турок» (Воспоминания об историке В. М. Туроке, 1904–1981) // Славяноведение. 1995. № 1. С. 89–91.

Крах Австро-Венгрии и судьбы Средней Европы // Россия и современный мир. 1995. № 1. С. 66–69.

Проблемы нации и национализма в современной австрийской историографии // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 28–43.

Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995. С. 25–47 (отв. ред. Т. М. Исламов, А. И. Миллер).

Soviet Historiography on the Habsburg Empire // Austrian History Yearbook. Vol. XXVI. 1995. P. 165–188 (в соавторстве с М. А. Глазковой, А. И. Миллером, О. В. Павленко и С. А. Романенко).

Средняя Европа на начальном этапе модернизации // Центральная Европа как исторический регион (отв. ред. А. И. Миллер). М., 1996. С. 49–72.

Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 19–39.

Распад Австро-Венгерской монархии и его последствия в политической эволюции средневропейского региона // Первая мировая война и ее последствия. М., 1996.

Средняя Европа в Новое время (XVIII в. — 1918 г.) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 80–104 (совместно с С. М. Фалькович).

О торжестве «национальной идеи» // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 95–104.

Венгерское восстание 1956 г. в отечественной историографии // Вопросы истории. 1997. № 11. С. 42–55.

Составитель А. С. Стыкалин

Résumé

Changes that have happened in Europe since the late 1980s make reconsider the concepts of borders between the regions of Europe which were widely spread both in Russia and in the West. After the Potsdam system had ceased to exist, clear-cut, historically determined differences between East-Central Europe and the Balkans seem to be obvious, even if some political scientists operating with plain categories of block contraposition could not have properly define them in the monotonous unanimity of the Soviet camp's authoritarian regimes. Noteworthy that in East-Central European countries (Czechoslovakia, Hungary, Poland) the Central-European idea survived during the Soviet epoch having acquired some oppositional overtones. Now it is inseparable from the quest for new, post-communist identity.

Specific attributes of East-Central Europe are not only the synthesis of Western and Eastern features, or transitional character, or changes of political orientation. The nations living for ages in neighbourhood, on a territory where the very borders between the ethnic groups were vague, had formed a certain supranational community. Its history gives many examples of both attraction, and repulsion. It seems that so far as extreme manifestations of nationalism are not eliminated, the experience of long co-existence of East-Central European nations would draw attention of both historians, and political scientists. It is crucially important to consider their experience in contemporary quest for the ways of European integration.

The authors of the volume concentrating their attention on key issues of East-Central European history make a contribution to the research of the problem of East-Central European specificity.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. А. Романенко, В. И. Фрейдзон.</i> К семидесятилетию Т. М. Исламова	3
<i>А. С. Стыкалин.</i> Центральная Европа как регион. Проблемы изучения	6
<i>Т. П. Гусарова (МГУ).</i> Административный аппарат дворянских комитатов в Венгрии в первой половине XVII века	20
<i>К. Т. Тот.</i> Антигабсбургская Конфедерация моравских, венгерских, австрийских сословий 1608 г.	37
<i>Искра Шварц (Австрия).</i> Великое посольство и венский двор (К вопросу о пребывании Великого посольства в Вене)	55
<i>О. В. Хаванова.</i> Миклош Форгач: штрихи к портрету харизматического лидера	69
<i>В. И. Фрейдзон.</i> О национальном возрождении и последующем периоде в истории Центральной Европы	87
<i>С. М. Фалькович.</i> О некоторых особенностях формирования национальных государств в Центральной Европе	113
<i>Ч. Б. Желички.</i> Попытки межнационального примирения в период венгерской революции и национально-освободительной борьбы 1848-1849 гг.	124
<i>Е. В. Дубровина.</i> Австро-прусская война 1866 года и начало формирования новой внешнеполитической концепции Венгрии	137
<i>А. С. Медяков.</i> Югославянская политика Андраши (1867-1871 гг.)	152
<i>А. И. Миллер.</i> Украинские крестьяне, польские помещики, австрийский и русский императоры в Галиции 1872 г.	175
<i>А. Г. Айрапетов (Тамбов).</i> Образ социализма в массовом и элитарном сознании (об особенностях социально-политических представлений венгерских рабочих и демократической интеллигенции на рубеже XIX-XX вв.)	181
<i>Герге Чех, Дьердь Лазар, Ласло Сюч, Иштван Вида (Венгрия).</i> Образование и деятельность Союзной Контрольной Комиссии по Венгрии (1945-1947 гг.)	194
<i>С. А. Романенко.</i> Процесс национального самоопределения народов Средней и Восточной Европы. Итоги к концу XX века	205
Список основных работ Т. М. Исламова	226
Résumé	230

**Центральная Европа
в новое и новейшее время**
(Сборник к 70-летию Т.М. Исламова)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
А.С. Стыкалин

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Оригинал-макет Н.Б. Стахеевой
Редакторы Н.В. Павлова и Е.В. Пономарева

Подписано в печать 19.08.1997 г. Печ. л. 14,5. Тираж 300 экз.
Заказ № 47. Цена договорная. Типография РАН.

